Рассвет Вечной Зимы

Вероника Сизова

Рассвет Вечной Зимы

Copyright © 2025 Вероники Сизовой

Все права защищены.

Никакая часть этой книги не может быть использована или воспроизведена каким бы то ни было образом без письменного разрешения автора и издателя, за исключением использования кратких цитат в рецензии на книгу.

Первое русскоязычное издание
ISBN: 978-1-300-24698-5

Рассвет Вечной Зимы / Вероника Сизова
Перевод с английского Вероники Сизовой
Дизайн обложки Кристины Мальцевой
Вёрстка Вероники Сизовой.

Отказ от ответственности:

«Рассвет вечной зимы» — художественное произведение. Любые имена или персонажи, предприятия или места, события или происшествия являются вымышленными. Любое сходство с реальными людьми или событиями случайно.

Примечание автора

Не ждите, что этот роман будет исторически или географически точной картиной Российской Империи. «Рассвет вечной зимы» — это альтернативная историческая фантастика, фэнтези, мечта из другой вселенной, воспоминание о прошлом, которое совершает полный круг в настоящем.

Посвящение:

Народу Украины

- Ваша храбрость меня поражает — вы всегда в моих мыслях.

Моей семье в Екатеринбурге

- Ваша любовь согревает моё сердце в самые холодные зимы.

Моим друзьям

- Вы поддержали меня в самые мрачные дни 2022 года.

Э.Р.Т.

- Вы вдохновили меня снова начать писать.

Будущему

- Пусть оно будет светлее прошлого.

Пролог

Норд Экспресс
Под Санкт-Петербургом, Российская Империя.
13 января 1905 г.

Маргарита Градова вырывается на свободу. Колёса обледеневшего поезда протяжно стонут, и колыбель сибирской вьюги смягчает их металлический визг. «Ри-та-Маргари-та-Ри-та Маргари-та», — поют они в такт завывающему вальсу ветра, убаюкивая молодую женщину. Однако те, кто пережил гибель Столицы, не знают ни сна, ни покоя.

«Санкт-Петербург — город мёртвых», — шепчет Рита, оглядываясь на призрачный пейзаж, который она когда-то называла Домом. Омытые холодным лунным светом, серебряные шпили кажутся призрачно измученными, отражая дремлющую печаль в сизых глазах Маргариты.

«Рита!» — голос зовёт её из теней тонущего города — женский голос — тихий материнский крик Мадонны, отражающийся в витражах древних соборов. Отчаявшийся

призрак воет и плачет, но Маргарита отворачивается, направляясь в тёплый полумрак тускло освещённого купе поезда, чтобы никогда больше не слышать и не помнить.

— Который час, Марго?

Знакомая мрачная улыбка, словно полузатонувший маяк среди шторма, даёт ей что-то, за что можно удержаться — хотя бы на мгновение.

— Сейчас полночь, Эделайн, — бормочет Рита. На её губах всё ещё не растаял лёд от горького прощального поцелуя Родины — она кусает их, чтобы сдержать слезы. Ещё рано. Она не станет плакать в присутствии женщины, которая спасла ей жизнь.

— Правда? — улыбка Эделайн превращается в дьявольскую ухмылку. Что-либо кроме печали сегодня вечером кажется дьявольским. Предатели ушли от погони и оставили всё позади, в беззвёздной тьме потерпевшей кораблекрушение Империи.

— Мы сделали это, — Эделайн смотрит на потёртый чемодан у ног Риты. В нём достаточно еды, лекарств, денег и одежды, чтобы пережить мучительный холод, пока они не прибудут в Париж. — Но какой ценой?

— Нет никакой цены. Я потеряла всё, но я не мученица! — говорит Рита, сжимая кулаки. Её бледная кожа отражает убывающую луну, великолепную в своём равнодушном свете.

— Мы оставили всех мучеников и героев позади, — говорит Эделайн. — Мы крысы, спасающиеся с тонущего корабля, и что с того?

Эта женщина непредсказуема, как гроза в середине зимы — думает Рита — и жестока, как меч, обезглавливающий врага.

— Ты не должна чувствовать себя виноватой из-за побега, Марго! — Эделайн сбрасывает маску вежливости. Искры первобытного огня танцуют в её мрачных как ночной океан глазах, когда она обнимает Риту за талию.

— Мы такие разные, и всё же очень похожи, — говорит Рита, постукивая по мутному стеклу, отделяющему их от леденящего до костей простора заснеженной степи.

— Что ты имеешь в виду?

— Вы ничего не потеряли, а я оставила всю свою жизнь позади. И всё же, когда я смотрю на вас, то вижу женщину, которая так же потеряна, как и я.

— Ну, — шепчет Эделайн, — возможно, я тоже что-то потеряла.

Рита поворачивается к своей спутнице, но смотрит мимо неё, в темноту, в коридор, ведущий в другие купе, заполненные холодными, охваченными страхом, почти бездыханными «крысами» — счастливчиками, которые услышали сигнал и успели на поезд, вовремя покинув голодающие останки этой ледяной пустыни.

Последний поезд. Последний крик.

— Марго! — Эделайн ставит свечу на стол между ними. Её пламя сияет в глазах молодой женщины, как восход солнца мерцает в арктических водах, никогда до конца не пронзая поверхность первозданного льда.

— Расскажи мне всё, — говорит Эделайн, хватая её за руку, — Однажды тебе придётся рассказать мне обо всём, так что скажи сейчас. Разлей яд, пока он не растворил твоё сердце.

— Я всё вам расскажу, но мне нужно знать: почему вы это делаете? Почему помогаете мне? Зачем вы пошли на этот риск?

— Ты бы сделала то же самое.

— Ни для кого, — говорит Маргарита, качая головой.

— Ты бы сделала это ради меня, — улыбается Эделайн.

Поезд свистит, унося их всё дальше от дикой заснеженной пустоши, и Маргарита начинает свой рассказ.

Глава 1:
Вот так всё и началось...

"Санкт-Петербург — ты город мертвецов"
1900-1903 гг.

Моя история начинается здесь, в Императорском Санкт-Петербургском Университете (СПИУ) — лучшем во всей стране. Русские знают, что северная столица — сказочное место, где текут денежные реки, и золотые кольца обрамляют пальцы надменных дам, держащих хрупкие руки своих мужей так, как держат зажжённую сигарету... крепко, но достаточно осторожно, чтобы не обжечься. Я не выбирала этот город; пусть это прозвучит совсем заезженно и бесхитростно, но Петербург сам выбрал меня.

Транссибирская магистраль перенесла всю мою жизнь из удушающей тюрьмы уральских гор к самым северным, почти чужим границам, ради литературного соревнования. Директор моей гимназии, госпожа Смирнова, назвала мои произведения «слишком причудливыми», чтобы оставаться неизвестными под уютным покровом екатеринбургской зимы, хоронящей все надежды и мечты в своих снежных объятиях.

«Градова», — сказала госпожа Смирнова, — «выиграй главный приз. Покажи этим Северянам, что и нашей провинции есть чем гордиться».

Несмотря на амбициозные планы построения эгалитарного общества под именем нашей «Великой Империи», я слышала слишком много «мы против них» и «я против тебя» — доверять было некому и не на кого опереться. Заражённая жестокой страстью вечного соревнования между презрительным Севером и окованным сталью Уралом, я выиграла филологическую стипендию и получила непредвиденный приз — пребывание в СПИУ в качестве студентки. Конечно, я воспользовалась этим шансом.

«Тебе повезло, что ты покинула этот отвратный город в таком юном возрасте», — сказала мне Лара. Я оставила её, мою самую верную подругу, в одиночку бороться с окружающим её кошмаром. И всё же, мы с Ларой писали друг другу письма. Так я узнавала новости и поддерживала связь с тем, что мне пришлось оставить позади на некоторое время. Я не знала тогда, что «временно» превратится в «навсегда».

Моя семья... если не знать её, то можно сказать, что она обычная. Папа вкалывает на сталелитейном заводе — месте, которое разрушило его лёгкие. Мама днём работает учительницей рисования, а ночью становится художницей. Несмотря на те пустынные пейзажи, что её окружают, она пишет самыми яркими красками, превращая нашу мрачную квартиру с бледными стенами и низкими потолками в другую вселенную. В своих письмах мама требует от меня открытки с ярким Санкт-Петербургом — величественные соборы и золотые статуи Петергофа.

«Они помогают мне согреться», — говорит она в каждом письме, и я представляю, как она пишет мне перед мольбертом, улыбаясь и напевая знакомую мелодию.

Я мечтаю о том времени, когда все мы были вместе...

«Григорий, тебе нравится эта палитра?» — спрашивает мама. Папа никогда не слушает — он дремлет, пока она рисует Летний Сад в самых сочных оттенках, а мурчащий ветер выползает из трещин в наших старых окнах, разъедая стальную синеву жилистых стен.

Я называю её аристократкой — зеленоглазой, черноволосой княжной Александрой, каким-то образом оставшейся в этом пустынном месте со злой «мачехой» — редким нервным заболеванием, приводящим к постоянной усталости — тогда как она заслуживает жить во дворце у Средиземного моря, погружённая в красоту и искусство.

Каждый вечер, когда папа приходит домой, его шапка-ушанка покрыта снежинками, а седая борода пахнет сигарным

дымом и холодным металлом. Мама встречает его поцелуями и оставляет пятна малиновой краски на его горящих, впалых щеках.

Я смотрю на них с невинной завистью той, кто знает, что такая любовь случается только однажды — и это «однажды» может никогда не случиться со мной. В отсутствии ожидания «лучшей» любви есть радость и место для сюрпризов, вот только мне ещё предстоит испытать тот сюрприз, что не разочаровал бы меня.

«Риточка», — зовёт меня папа. Это прозвище заставляет его улыбаться, хотя он знает, что я ненавижу уменьшительные выражения. Мне ещё больше нравится его искренняя улыбка от её невероятной редкости, ведь я вижу её гораздо реже, чем солнечный свет, который прикасается к Екатеринбургу лишь коротким изумрудным летом.

Сейчас я здесь, в Санкт-Петербурге, городе шпилей и ангелов, музеев и булочных, искусства и науки, интриг и революции. Вдали от безмятежной ледяной клетки дома я чувствую себя свободной, но мой разум затуманен от Северного Ветра и его смутных обещаний лучшего будущего. Я слышу наивные слова, что шепчут мои однокурсники, молодые люди с горящими глазами и огненным, но бессильным желанием изменить мир.

«Будущее», — говорят они, — «будет светлее».

«Будущее», — утверждают они, — «в наших руках».

Я смеюсь над ними. Это *вы* измените мир? Подростки,

которые проваливают курсы и пропускают лекции ради выпивки — станут ли они нашим будущим?

И всё же, грядут перемены.

февраль 1904 г.

К последнему году учёбы я знаю, чем хочу заниматься. Когда тебе двадцать один, в знаниях заключается священная сила. Я помогаю профессорам филологии, обучаю других студентов, провожу исследования и готовлю собственные уроки, создавая жизнь, полную непрерывного обучения. Мой разум — единственное место, которого не может коснуться жестокая плеть закона — по крайней мере, я так думаю, когда начинается война.

Во-первых, под запрет попадает «Свободная Весть», газета, которую я всегда беру по дороге в лекционный зал. Я делаю это без благодарности, и только когда «Правда Империи» занимает её место, я понимаю, сколько мужества понадобилось тем, кто печатал её раскрепощённую, оппозиционную предшественницу. Цензура призвана, по словам Миллы Беловой, увядающей дамы, заведующей химическим факультетом, «защитить нас от массового взрыва».

13 декабря 1904 г.

После лекций я возвращаюсь в своё обветшалое жилище

на Мойке — старую квартиру с высокими потолками (эти потолки — отчаянная попытка стереть воспоминания о давящей атмосфере моего прошлого дома), которая превращается в арктическую пустыню, когда Северный Ветер пронизывает её тонкие стеклянные окна.

Я собираюсь пересечь реку, когда слышу крики двух девушек на другой стороне моста. Они держат плакаты, на которых синим цветом написано только одно слово — «СВОБОДА».

Я узнаю этих девочек — Дашу Соколову и Оксану Фёдорову — моих однокурсниц. Они меня не видят. Жандармы доберутся до них прежде, чем я успею помахать рукой или закричать. Мне надо что-то сделать, но я замираю, наблюдая, как люди в чёрной форме — мы называем их «палачами» из-за чёрных масок, закрывающих их лица, — запирают девушек в карете, похожей на клетку.

Онемевшая и растерянная, я всё так же стою на мосту. Солнце садится, омывая ангелов на крышах соборов золотыми лучами, а матовый лёд Мойки отражает глубокий бордовый рельеф закатного неба.

«Завтра я стану холоднее» — шепчет Ветер.

Вот так всё и началось...

Наблюдая за парой чаек, приземлившихся на площади, в том месте, где стояли девушки, я шепчу: «Что же они здесь делают? Эти птицы должны жить у тёплого, залитого солнцем моря».

Моё возвращение в удушающий полумрак холодной

квартиры становится невыносимым. Я думаю о возвращении в Екатеринбург, но слово «СВОБОДА» звенит в моей голове, как колокола Исаакиевского собора.

В глубине души я знаю, что здесь, в этом городе, я могу получить свободу, которую никогда не сможет предложить дом моего детства. Так почему же эту свободу отнимают? И что за сила продолжает разрушать мир изнутри? Когти имперского орла всё крепче сжимают наши горла и мысли. Жертвы, стоит им лишь вдохнуть слишком глубоко, умирают «по собственному желанию» в своих домах без каких-либо признаков вторжения.

И вот я снова иду, маневрируя по скользким декабрьским тротуарам, чтобы добраться до конца улицы, к единственному мерцающему свету в верхнем ряду слепых, прозрачных глаз — пустых окон, наблюдающих за мной, как ангелы-хранители в зимних сумерках.

Аркадий Иванович, лысый консьерж на дежурстве в парадной — одна из затянувшихся теней, оставленных исчезающей Империей — смотрит на меня сквозь потёртый монокль и шепчет: «Спокойной ночи», — добавляя с лукавой, зверской улыбкой: «вам и вашей маленькой подруге».

Я стараюсь не смотреть на него. Похотливый взгляд этого мужчины — последнее, чего я хочу в эту враждебную ночь.

Элегантная клетка лифта с медными цветами поднимает меня на третий этаж. Мои руки дрожат, когда я пытаюсь открыть дверь — от холода, страха или отвращения, уже не

знаю.

— Я думала, это он — наконец-то ворвался сюда, чтобы увидеть меня обнажённой в лунном свете, — смеётся моя «маленькая подруга».

София сидит на подоконнике в своей белой шёлковой рубашке, и её тёмные кудри прижимаются к тонкому восточному кружеву, словно эта девушка — ведьма, готовя-щаяся взлететь в звёздное небо.

— А что бы это изменило? — говорю я, когда холодная, равнодушная пелена тоски застилает яркие янтарные глаза Софии. На мгновение она колеблется, и эта пауза заставляет меня пожалеть о моей жестокости.

— Ну, я бы и не мечтала лечь с ним в постель! — говоря это, она улыбается так, словно двенадцатичасовая смена её совсем не утомила.

Моя возлюбленная обнимает меня и позволяет отвести её обратно к камину — с каждым днём она становится всё худее и изможднее. Из-за работы медсестры в психиатрической лечебнице, её вечные спутники — холодные узкие коридоры, бесконечные крики агонии и кривой шрам на левом виске. Раненый солдат в приступе безумия швырнул стакан, потому что она не позволила ему прикоснуться к себе.

Софии приходится часами сидеть рядом с этими мужчинами, пока они лежат в своих койках, слабые и обозлённые на весь мир. Она даёт им лекарства и читает рассказы —помогает убийцам, которые положили начало скорому упадку России. Она служит им, чтобы мы могли

съесть на ужин немного хлеба и мяса.

Такие женщины, как она, помогают убийцам, чтобы спасти тех, кто молится за мир. Наших молитв недостаточно; нашей гнилой совести недостаточно — с февраля каждый выбор, который мы делали, был во имя безопасности, а не бунта. Если одна из нас бросит себя на меч несправедливости, другая вскоре последует за ней, и потому мы до сих пор несём этот эгоистичный островок мира через океан бедствий.

Я просила Софию бросить работу. Мне хотелось восстать против режима, кричать во всё горло: «ОСТАНОВИТЕ ВОЙНУ!», но, видя, как моих друзей заточают в тюрьму, как мои родители пытаются найти лекарство для истощённых лёгких отца, как моя любимая становится всё бледнее и слабее, я не могла этого сделать. Моя помощь нужнее здесь. Сгнить в столичной тюрьме—разве в этом есть польза?

Мы все знаем цену, которую придётся заплатить за минуту свободы. Если бы только мы меньше боялись! Если бы только голоса слабых, уставших женщин — ведь миротворчество было ниже мужского достоинства — если бы только эти голоса могли привести к чему-то большему, чем просто тюремному заключению, голодающим детям, оставшимся без матерей, тысячам, рискующим своей безопасностью, своим будущим — ради чего?

Я прижимаю Софию к своей груди. Она дрожит без конца, и мне хочется отругать её за то, что вечерами она сидит на подоконнике и высматривает меня в кромешной тьме. Вместо этого я задаю вопросы.

— Эти солдаты... Знаешь, почему они пошли на войну? Они могли разорвать свои контракты, протестовать, дезертировать, и всё же — ты видишь сотни с отсутствующими конечностями и помутившимся разумом каждый день. Им нечего терять?

— Они трусы. Но они тоже люди, — говорит София, и я чувствую таинственную холодную отстранённость в её глубоком, бархатном голосе. Недаром в неё влюбляются даже самые безнадёжные и бесчувственные мужчины. Хотя слово «похоть» гораздо лучше описывает то, что чувствуют эти падшие существа. Даже те, кто уже ослеплён взрывами, смотрят на неё с желанием пожирать, разрушать и побеждать. Это даже не животный инстинкт. Для тех, кто потерял себя, желание обладать другим — вопрос власти. Вот что я думаю. София упрощает это, говоря: «Они обречены... это — обречённые, раненые звери, Рита».

Ледяные губы Софии скользят по моим ключицам. Я растираю ей спину, пытаясь согреть её.

— И ты всё еще испытываешь симпатию к этим зверям?

— Я ничего к ним не чувствую, — говорит она. — Если бы я позволила себе чувствовать, я бы уже превратилась в живой труп, так же, как и они.

В её голосе есть что-то нерешительное, что-то, что вызывает у меня желание встряхнуть её как следует и разбудить от этого страшного сна. *Нет, ты должна хоть что-то чувствовать! Я прошу тебя почувствовать, проснуться!* Вместо этого я прибегаю к обычному разговору,

из-за которого создаётся впечатление, что нам есть о чём поговорить, помимо этого кошмара. Но всё возвращается к войне — её боли и страданиям.

Целыми днями она ухаживает за вчерашними убийцами, приносит им воду, читает вслух письма от их семей, и присматривает, чтобы в один прекрасный момент они не решили перерезать себе горло...

Я бы так не смогла — я бы задушила их во сне.

— Значит, работы всё больше? В прошлом месяце призвали много людей. Мне об этом писала Лара, — говорю я, слушая неустойчивое сердцебиение Софии. С каждым движением пламени её хрупкое тело словно принимает новую форму.

Она вздыхает и отворачивается от меня, наклоняясь ближе к огню. Оранжевые волны тепла танцуют на её по-детски приоткрытых губах.

— Да, голубка моя. С каждым днём их становится больше. Поток никогда не прекращается. Многие превращаются в маньяков, не оставляя за своими остекленевшими глазами даже искорки чувств. Они больны — все до одного. У многих нет рук и ног. Инфекция войны поглощает их тела, но они продолжают прибывать не поэтому. Их разум, Рита! Их разум прогнил насквозь. Я смотрю в их глаза, парализованные страхом, гневом и болью, и всё же, несмотря на их «благородные» страдания, я не вижу души в той тьме, которая их преследует. Они оставили свои души далеко — в украинских окопах.

Она делает паузу и скользит своими лёгкими, когда-то

нежными руками по моему лицу, чтобы смахнуть русые локоны, ставшие медными от танца блуждающего пламени. Взгляд Софии задерживается на моих губах. Она начинает плакать. Я целую её в лоб.

— Что случилось, мой ангел?

— Это чувство... Я не могу его описать, но от него у меня мурашки по коже. Они мертвы и хотят забрать меня с собой. Сегодня один из них в агонии пытался схватить меня за руку... Слепой, он почувствовал вдалеке пульс бьющегося сердца, и сказал мне: «Может быть, ты сейчас и жива, но я чувствую, как ты горишь заживо, а твой пепел замерзает, смешиваясь с грязью и снегом». Они боятся смерти, но всё же просят о ней, Рита! Им не нужна моя помощь — они хотят видеть мои страдания, мою боль, потому что это — всё, что они помнят... Я больше не могу выносить этот ужас.

Тихие, почти беззвучные рыдания вырываются из её груди.

Такие истории София рассказывает мне, когда мы сидим у камина в те редкие вечера, что она проводит дома.

То, что она описывает, кажется слишком мрачным, чтобы быть правдой, но сколько бы раз мои губы ни касались её висков, шрам всё ещё там. Она не может уйти — пока не закончится война, а иногда — мы никогда этого не говорим, но мысль продолжает висеть над нашими головами, как меч — такое чувство, что ей не будет конца.

София прижимается ко мне, и наши пальцы переплетаются. Она кажется невероятно маленькой: темноволосая

девушка, сильная и хрупкая одновременно, обнимает меня, как слабое мерцающее пламя.

— Я пыталась выследить тебя на улице. Ты снова опоздала, Рита, — говорит София. Её впалые щёки всё ещё блестят от слёз. — Ты знаешь, как я волнуюсь, когда ты опаздываешь. Я видела, как ты идёшь сюда, и думала: «Вот она, моя голубка, всё время мечтающая улететь в ночь!»

— А ты мечтаешь остаться здесь навсегда?

— Я бы не возражала. Теперь, когда ты здесь, наконец-то стало тепло.

Помню, как я растворялась в её объятиях, забывая обо всём. Все переживания исчезали от одного прикосновения её губ. Но сейчас... Сейчас призрак утраты преследует радость её близости. Мы живём украденным временем. Каждую ночь я ожидаю, что всё закончится, но утром вновь нахожу её, как находят раненого котёнка на замёрзшей улице, свернувшуюся калачиком рядом со мной на рассвете.

Я могу предложить только тепло своего прикосновения. Никакие слова, никакие молитвы, кажется, не способны прорваться через чары лечебницы. Непреодолимая усталость делает Софию всё слабее, и бесконечное напряжение тянет её к краю пропасти.

— Бросай эту ужасную работу, — умоляю я, и София отвечает печальной улыбкой, говорящей то, чего она сама никогда не произносит.

Нам нужны деньги. Ты наивна. У меня нет выбора. Меня будут преследовать и убьют за измену. Ты этого хочешь?

Если ты не служишь режиму, ты никому не служишь.

— София, ты можешь работать в соседней пекарне — там сейчас нужны работники, и ты это знаешь...

— Что ж, тогда будем питаться объедками, которые съедают на ужин кухонные крысы. Тебе бы это не понравилось, — говорит она.

Я чувствую себя виноватой — виноватой, что ничем не могу помочь, виноватой, что позволила себе погрузиться в учёбу, пока она страдает на работе.

— На следующей неделе я получу звание доцента и буду получать вдвое больше моей стипендии, — говорю я. — У нас будет достаточно, чтобы прокормиться, даже если ты...

София отпускает мою руку.

— Ты ведь не указываешь мне, что делать? В своём заумном мире ты летаешь так высоко над нами, смертными, — говорит София.

Шрам еле заметно пульсирует над её изогнувшейся бровью. В её голосе нет гнева — только печаль — и то, что ранит меня ещё сильнее: сожаление.

— Ты прекрасно знаешь, что всё это неправда, София! Ты знаешь, как сильно я забочусь о тебе. Я бы сделала всё, чтобы видеть тебя счастливой, — говорю я.

Она улыбается, но молчит. Слёзы всё ещё сверкают, как далёкие северные звёзды, в её широко распахнутых глазах, слишком задумчивых и проницательных для двадцатипятилетней девушки.

— Мы всегда сможем найти выход — только мы вдвоём,

— шепчу я.

Она кладёт голову мне на колени, слишком уставшая, чтобы спорить, слишком слабая, чтобы протестовать.

Я солгала. Нас было не двое — нас были сотни, тысячи, миллионы, дрожащих в своих домах, напуганных и одиноких даже в компании друг друга, никогда не знающих, что может принести завтрашний день, никогда не уверенных, что наступит рассвет.

И всё же солнце всегда восходит. Я перехожу мост, чтобы помочь Профессору Уваровой готовить лекции, а София едет на жёлто-красном трамвае в психиатрическую лечебницу, где помогает доктору Новикову поддерживать живые трупы русских солдат в состоянии приемлемого безумия — достаточно здравого, чтобы удовлетворить унизительно-патриотические заголовки газет режима.

— Забудь всё, что я сказала. Наверное, я просто устала, — говорит София.

Я знаю, что она тоже лжёт.

Она не хочет, чтобы я забыла.

Она хочет, чтобы я запомнила, чтобы я ещё сильнее боялась потерять её и протягивала к ней руку посреди ночи, опасаясь обнаружить её тело бездыханным, бледным и неподвижным, как утренний снег. В полночь пламя в камине гаснет, и я отвожу её спать.

Так начинается вечная зима.

Глава 2:
Рождество в Летнем Саду

"Где дремлют призраки за утренним туманом..."
Декабрь 1903 года

Красота Санкт-Петербурга ошеломляет меня — не как дерзкий и красочный средиземноморский пейзаж, а как горящий лес, выставляющий напоказ свою страстную, отчаянную красу в минуты угасания. Я снова пересекаю Неву и добираюсь до Васильевского острова.

В огромной ледяной пустыне, раскинувшейся подо мной, каждая волна, когда-то движущаяся наравне с баржами, замирает словно скульптура, припорошенная свежевыпавшим снегом. Покрытая льдом река скрывает тёмные изумрудные

глубины — сколько душ потеряно там, сколько сокровищ спрятано и никогда уже не будет найдено? А когда декабрьская луна желтеет, женщины, глядящие на сверкающий снег под мостом, видят неподвижные призраки своих возлюбленных, унесённых голодом, болезнями и войной. Так гласит городская легенда, пытаясь объяснить своим запутанным языческим слогом, почему так много вдов и бездетных матерей стало собираться у этого моста — они плачут и шепчут проклятья, плачут и шепчут проклятья...

Русские говорят, что горе — общее кушанье, но у каждого своя ложка: чем больше ложка, тем сильнее горе. Каждый отведает его горькую начинку и поперхнётся, когда острые когти застрянут в кровоточащем горле: ребёнок или взрослый, сын или муж, смерть или тюрьма — нам всем больно, и боль необратима. Это дар, даже сокровище — если по-прежнему чувствуешь горе и знаешь, что то же самое чувствуют другие.

Я стараюсь не смотреть на молодых вдов и плачущих женщин, чьи дети похоронены на украинских землях — я чувствую и печаль, и справедливость. Им не следовало идти туда, куда их не приглашали. Они не должны были брать земли, которые им не принадлежат. Затем игла отчаяния пронзает мой разум — эти люди погибли от духовного голода и, ища мести там, где её невозможно найти, погрузили мир в ещё более глубокий голод, горе и смерть.

Я часто думаю об этом, когда пересекаю мост, ведущий прямо к филологическому факультету с видом на реку, Исаакиевский собор и Зимний дворец на противоположной

набережной. Невольно я представляю, как эти знакомые улицы, эти достопримечательности сгорают дотла. Дети кричат, истекая кровью на опустевших ледяных площадях. Ядовитый дым наполняет мои лёгкие. Я слышу, как смерть стучится в мою дверь, и ангелы падают с крыш соборов — один за другим — и всё из-за одного кровожадного человека, сидящего на троне из костей.

Эти безумные солдаты никогда не думали, что однажды снаряды попадут в их дома, церкви и детей. Напротив, эти жестокие люди воображают славу — но что такое слава? Могут ли они увидеть её во впалых глазах своих голодающих семей? Могут ли они услышать её в криках дрожащих младенцев, умирающих от сотен новых болезней, принесённых людьми в военной форме?

В Империи всегда было своё зло, свои страдания, но я не могу не вспомнить прошлое — прошлое, где любовь казалась возможной, где доброта встречалась с улыбкой, где люди — какими бы холодными они ни казались — обнимали меня, когда я приветствовала их с нежностью. Я больше не вижу ничего этого в бесплодном пейзаже, увядающем у меня на глазах.

И как всё началось? Когда мы достигли точки невозврата?

В декабре прошлого года я встретила Софию. Я отчётливо помню тот день. Воспоминания о нём мелькают в моём сознании, как неподвижный, прозрачный снежный шар. До празднования Нового Года оставалась неделя — и две недели до православного Рождества...

Новая партия изысканных сладостей, шоколадных ёлочек, глазированных пирожных-ангелов, марципановых фруктов, желейных украшений и вина «Саперави» только что прибыла в самый известный гастроном Санкт-Петербурга — «Магазин Купцов Елисеевых». Я окутана рождественской спешкой, как и все в конце декабря.

Среди аристократок в шубах, шляпах с перьями и шёлковых перчатках я выгляжу как посудомойка — мои длинные волосы заплетены в косу, а серое пальто до безобразия простое, без меха и кружев, и только тяжёлая кожаная сумка, которую я прижимаю к сердцу, убеждает продавцов, что бедная студентка может позволить себе рождественский подарок.

Высший свет Санкт-Петербурга восхищается Елисеевским гастрономом за его праздничную атмосферу. Трудно с этим не согласиться, когда пианист в отглаженном фраке и белых перчатках играет «Танец Феи Драже», а официантки в белоснежных фартуках раздают конфеты счастливчикам, родители которых готовы оплатить роскошь обильного праздника. Между тем, дети бедняков с тоской заглядывают в окна магазина, принимая золотой свет громадных люстр за мерцающий ореол над головой старого пианиста.

Я покупаю дюжину миндальных круассанов — свежеиспечённых, с корочкой, которая тает во рту, оставляя на языке карамельный вкус рождественского миндаля. Нет лучшего способа отпраздновать сочельник, чем насладиться этими круассанами у огня с чашкой горячего шоколада и рождественской сказкой. Но у этих детей нет камина, чтобы погреться у него, и нет книг, которые можно почитать.

Каким бы бедственным ни было моё нынешнее состояние, я никогда не испытывала этого бесконечного голода, этой безутешной жажды знаний и горькой боли от отсутствия крыши над головой. Несколько раз я приближалась к этому, но никогда не была такой несчастной и беспомощной, как эти херувимы с блестящими от голода глазами.

— Ещё дюжину фирменных круассанов Елисеева, пожалуйста, и...

Девушка за прилавком смотрит на меня, и в её тёмных глазах с янтарным отливом мелькают искры любопытства. Её чёрные как смоль волосы собраны в пучок, но несколько прядей выбились из причёски и прикрывают виски. Черты её лица выглядят потусторонними и гротескными. Она кажется одновременно хрупкой и стойкой с её высокими скулами и кошачьим взглядом, как девушка из викторианской готической новеллы, которую я читаю — Кармилла. Конечно, я тут же забываю свой заказ.

— Ещё дюжина круассанов, и..? — взгляд девушки становится тёплым и дразнящим. Покупатели позади меня начинают перешёптываться, и я с непреодолимым усилием

возвращаюсь к списку покупок, отводя от неё глаза.

— Одну бутылку «Саперави» и коробку марципановых шоколадных конфет, пожалуйста, — говорю я с полуулыбкой, пытаясь скрыть свой интерес.

— Для любимого человека? — спрашивает она.

— Для себя и этих рождественских ангелов, — я оборачиваюсь и смотрю на детей, замерзающих за стеклянными витринами тёплого ярко украшенного магазина.

Девушка за прилавком словно посмеивается надо мной, но всё же упаковывает мои покупки.

Дома я нахожу записку, которую она оставила вместе с бутылкой вина:

Приходите посмотреть на новогоднюю ярмарку у Ледяного фонтана в Летнем Саду.

Я буду там в эту субботу в полдень.

~ София.

София... Её самоуверенность и нежная, но вместе с тем дерзкая манера общения привлекли меня, и я, словно надеясь на что-то, сохранила бутылку вина нетронутой до субботы.

Тогда люди только начинали говорить о надвигающейся гибели, с которой столкнётся Российская Империя: цены взлетели до небес, правительство сжало нас когтями всё более и более абсурдных законов, запрещающих собрания на улицах, прикрываясь защитой от распространения нового вируса. Словно лишь эта болезнь была виновата в разверзшейся

между нами пропасти.

Мои университетские друзья начали замыкаться в себе. В студенческих группах, где когда-то только и говорили, что о череде приглашений в гости друг к другу и на городской бал во дворце госпожи Лисовой, теперь была полная тишина. Ходили слухи, что Анжелика Лисова — известная меценатка и щедрый спонсор университета — собиралась уезжать в Европу и не решалась начать подготовку к самому памятному студенческому празднику года.

В то время я ничего не думала о представителях высших слоёв общества, которые собирали чемоданы и уезжали в Лондон или Париж — если бы я могла, я бы поступила так же. Если не на всю жизнь, то хотя бы на месяц… Я бы бродила там по книжным магазинам и библиотекам в поисках такого романа, который помог бы мне сбежать ещё раз — в далёкий кельтский замок, загадочный викторианский дом или жуткую пещеру вампира…

Воображение увлекало меня, защищая сердце и разум от реальности жизни в том, что можно было бы назвать началом конца. Я, конечно, тогда не думала, что аристократы покидают Российскую Империю навсегда, потому что они не видят будущего здесь, где так тихо шепчет Северный Ветер, где соборы поют каждый рассвет песню нового дня, и где каждую ночь мосты расходятся лишь для того, чтобы вновь разделить долгий утренний поцелуй.

— Никаких приглашений для вас, сударыня, — говорит мне лысый консьерж, когда я возвращаюсь из университета

в пятницу вечером. Снаружи воет ветер, и я предвкушаю, как буду греться в тепле пылающего огня, разворачивать очередную марципановую конфету и думать о завтрашнем дне — думать о Софии.

— Спасибо, Аркадий Иванович, но незачем напоминать мне о моём одиночестве — оно меня не беспокоит, — говорю я.

Аркадий слегка склоняет голову, глядя на меня, как всегда, с плохо скрываемым пренебрежением. Я вижу, как его правый глаз подмигивает из-за старомодного монокля, пытаясь то ли очаровать, то ли напугать меня.

— А ведь госпожа Лисова наверняка будет хозяйкой бала, — говорит он, — и вам понадобится спутник?

Я вижу слабую улыбку, пробивающуюся сквозь его холодную гримасу.

— Не волнуйтесь! Если это так, я найду кого-нибудь! — я вздыхаю с облегчением, когда двери лифта закрываются за мной, и консьерж исчезает из поля зрения.

В этот одинокий вечер во мне растёт странное предвкушение. Несмотря на то, что я сказала Аркадию, одиночество никогда не имело для меня такой мрачной тяжести, как сейчас, когда оставаться одной стало не только нелюдимо, но и небезопасно.

Окна плачут, когда первая декабрьская метель ударяет в них своей сильной рукой в ледяной перчатке. Я в безопасности от зимней ярости, от грязной улыбки консьержа, и от бремени высшего общества, но впервые в жизни я чувствую тоску по

чему-то большему — по кому-то, кому можно довериться — не другу, а тому, кто гораздо ближе, о ком я могу заботиться, лелеять и обожать.

Я перечитываю письмо Лары.

Хотя её стиль всегда сдержан, в декабре она становится поэтичной и пишет такие слова... Прежде, я никогда не думала, что у неё хватит на это смелости.

ПИСЬМО ЛАРЫ

Декабрь 1903 г.

В тебе слишком много любви, и в конце концов она тебя сломает. Не спрашивай, откуда я знаю. Я никогда не говорила тебе, но я любила тебя. Я обожала тебя и никогда не говорила этого вслух, потому что тебе нужно было уехать. Я знала, что ты не останешься ради меня, ты не останешься ни для кого... Было бы несправедливо заставлять тебя чувствовать себя виноватой за то, чего невозможно избежать. Теперь, когда ты ушла навсегда, я наконец могу сказать это без угрызений совести.

Я любила тебя, Рита.

Мы обе это чувствовали, но не сказали ни слова. Именно так заканчивается большинство видов любви, даже не начавшись. Вы чувствуете всё до конца, но решаете отпустить такую любовь, чтобы сожалеть или лелеять воспоминания о ней одинокими вечерами, позволяя лишь бокалу вина соста-

вить вам компанию. Я смотрю на бутылку и отчаянно хочу открыть её и сделать глоток, думая, насколько другой была бы моя жизнь, если бы я осталась, но рука тьмы останавливает меня — я не должна мечтать о невозможном.

Лара, моя бедная Лара, как мне теперь тебе писать?

Впервые я думаю о том, что случилось, как о трагедии, не своей или Лариной, а трагедии всех людей, которые рискуют никогда не найти того, что ищут, никогда не быть счастливыми, и всё из-за бессмысленной ненависти и ожидающих их холодных тюремных камер, если они решат стремиться к свободе. Женщины, которые любят других женщин, не существуют в глазах правительства и общества, поэтому долгое время я считала себя единственной. Ошибка природы, неспособная принять участь, которую требовал от меня мир.

А что насчёт Лары? Она плачет в своих покоях среди серых сибирских окраин, глядя на быстрый набросок пастелью, который я сделала для неё давным-давно. Она сохранит это навсегда — память о том, чего никогда не было. Потерять меня однажды было достаточно; признаться в любви однажды было достаточно. Мгновенная смерть всегда лучше медленных пыток.

И всё же я пишу ей:

Ты права, Лара, моя дорогая подруга!
Я не вернусь, но ты должна знать:
Я чувствовала то же самое.

Сейчас, как никогда, она нужна мне как друг. Она всегда будет оставаться моим маяком надежды — тонкой нитью, связывающей меня с местом, которое я покинула год назад. Мы с Ларой одинаково потеряны, и наша дружба всегда была окрашена любовью, которую мы не могли выразить открыто. Она скрывала свою привязанность за напускной прямолинейностью. Я любила её молча. А с молчанием всегда так — оно душит любовь.

Однажды ночью, возвращаясь с бала, Лара призналась мне, что обожает мои русые локоны и полупрозрачные глаза... даже то, как я не выпускаю из рук оборки вечернего платья, когда волнуюсь. Я промолчала — не потому, что не любила её, а потому, что не видела будущего — будущего, которое сделало бы нас счастливыми в этом прогнившем от предрассудков городе, всегда покрытом тяжёлым стальным смогом.

«Однажды всё изменится», — говорю я себе. «Ненависть, отрицание и война не могут продолжаться вечно. Есть ли смысл ждать этого дня? У нас только одна жизнь, Лара. Одна жизнь. Я не была бы собой, если бы не прожила её в полной мере. Я всегда была слишком эгоистична, чтобы оставаться там, где мне не место».

В тебе слишком много любви.

Завтра я буду в Летнем Саду, увижусь с темноволосой девушкой из Елисеевского. Завтра я оставлю прошлое позади, как бы отчаянно оно меня ни преследовало.

Средь статуй я нашла свою судьбу…

Хотела бы я знать поэтессу, написавшую эти слова у ворот Летнего сада — эту оду древнегреческим богиням, чьё неземное присутствие наполняет его зелёные лабиринты и тропы магией древних времён — где тела и умы не были так ограничены одеждой и предрассудками — где женщины могли любить других женщин, а мужчины могли обнимать других мужчин.

Многие посетители Летнего Сада никогда не узнают, что скульптуры, которыми они так восхищаются, изображают каждый «грех», который они так ревностно порицают. Даже убийство не вызывает у них такого отвращения, как любовь. Это должно было стать предзнаменованием — внезапный рост ненависти среди толп, которые жадно пожирают белых ворон в отсутствие более удобной добычи.

Зимой рождественские украшения заменяют цветы и зелень. Там, где когда-то цвели пионы, расставляют свои праздничные палатки петербургские мастера, позволяя Летнему Саду расцветать красками и смехом даже в самое холодное время года.

Эти улыбчивые, беспечные люди ещё не знают, что через несколько месяцев их жизнь изменится навсегда. То, что

сегодня кажется концом света, завтра превратится в лёгкий поцелуй — ностальгию по более простым и спокойным временам.

Я жду у Ледяного фонтана женщину, чьё лицо должно быть увековечено в готическом соборе, а не среди кричащих вывесок яркого гастронома.

София не приходит в полдень, но я не против подождать — холодный мрамор фонтана, дамы с тёмными зонтиками, защищающими их от снега, и господа, продающие посетителям глинтвейн, — всё кипит грешной жизнью, пока природа замирает, готовясь к оглушительной буре.

Мимо меня проходит старушка в траурном платье, бормоча себе под нос: «Ох, как я ненавижу декабрь! Метель за метелью! Ложь за ложью! Смерть, потери и страдания! Северный Ветер возвращается».

Её слова становятся скорбной песней — она бездумно поёт, чтобы придать своей боли форму, понятную другим. Эта жалостливая речь напоминает мне о моей матери и её картинах. Она не погрязает в печали, а превращает её во что-то прекрасное — в изобильный оазис среди бесплодной земли, в райскую птицу в небе, полном ворон, или в огненный маяк среди бушующих волн.

У мамы редкий талант видеть красоту в самые тёмные времена — талант, которого я всегда желала, но так и не приобрела. Я не скрываю скорби. Я не извлекаю счастье из боли.

Мой единственный «талант» — видеть вещи такими,

какие они есть, и, если кто-то пытается сделать пустынную улицу красивой, я принимаю её меланхолию. Если кто-то пытается прояснить темноту больничной палаты, я принимаю её пустоту, лишённую надежды и тепла. Я вижу спокойствие там, где другие пытаются найти красоту. Я вижу устойчивость в боли и страданиях, которые другие осуждают.

Есть истина в том, чтобы принимать жизнь такой, какая она есть, не сглаживая края. Есть правда и любовь в том, чтобы охватить самые разрушительные аспекты мира, не скрывая его жестокую реальность. Когда нам больно, мы не признаёмся в этом. Мы виним мир в неудачах нашего разума, тела и души. Я поняла, насколько это бесполезно. С болью нужно смириться, прежде чем её отпустить, иначе она, подобно голодной змее, сомкнётся вокруг добычи и проглотит её целиком.

Декабрь, ложь, смерть, потери и страдания — это всего лишь призрачные чувства — они никогда не смогут принести нам облегчения, которого мы ищем, произнося их вслух — они — змеи, а мы — крысы. Не легче ли было бы обнять их, шокировать своей открытостью, чем бороться с печалью, лишь ускоряющей наше падение?

Чем больше я слушаю эту женщину, тем больше вижу в ней себя. Она неспособна превратить своё одиночество, свою внутреннюю боль, во что-то приемлемое — во что-то, что можно показать другим и сказать: «Посмотрите, как бесконечно, как прекрасно я страдала!»

Я смотрю на её седые волосы, покрытые коричневым шерстяным шарфом, на её впалые жёлтые щёки и бледные

приоткрытые губы. Как смерть касается нас с дерзкой нежностью задолго до того, как умрут наши тела, и как смело её поцелуи сияют в наших сердцах, как очевидны её следы на наших телах — следы увядания и окончательного исчезновения в неизвестность!

Эта женщина и многие подобные ей провели свою жизнь в ожидании. Они ждали чего-то лучшего. Когда я выбираю жить, они предпочитают ждать, и одно это проводит границу между нами — грань между приукрашиванием боли и открытостью, удержанием и отпусканием. Если вы превратите свою боль в райскую птицу, вам не захочется с ней расставаться, но если вы примете её истинное хрупкое, мрачное естество, она отпустит вас сама, вскоре найдя другую, более восприимчивую жертву.

Но что за боль была связана с этим ярким декабрьским днем, когда снег припорошил землю, а дети смеялись от радости, катаясь на коньках по ледяным дорожкам в глубине сада? Каждый раз, когда я открываю своё сердце, я ожидаю, что за этим последует боль. Впуская кого-то, будьте готовы отпустить его, распутать переплетение ваших душ, когда придёт время. Этому меня научила Лара и уход из дома; этому ещё не раз будет найдено подтверждение — наслаждайтесь чувством, пока оно длится, а затем будьте достаточно сильны, чтобы расстаться с тем, что взрастило ваше сердце.

Я иду по аллее, пестрящей румяными лицами и мерцающими гобеленами иностранных купцов, приехавших в Северную столицу в надежде превратить её холодную унылость в праздничный парад. Молодые, впечатлительные

люди любят одеваться в экзотические ткани, раскрашенные во все глубокие южные цвета, которые они никогда не встречают здесь, среди ледяных пустынь и заснеженных холмов.

Вскоре пряный, манящий аромат глинтвейна соблазняет меня купить две чашки: для себя и моей опаздывающей спутницы. Группа уличных музыкантов играет «Лебедя» из «Карнавала животных», и эта мелодия пронзает меня, как нож — так она неуместна в этом оживлённом калейдоскопе изысканных мехов, шёлковых шарфов, живых статуй и пожирателей огня.

С двумя чашками тёплого напитка я пробираюсь сквозь кричащую толпу и вижу Софию именно там, где я только что сидела — на краю фонтана, в тёмно-синем, припорошённом снежинками плаще, с чёрной вуалью, закрывающей её лицо. Её янтарные глаза сияют ещё ярче сквозь тёмный кружевной узор. В холодном декабрьском свете они кажутся глубже и яснее.

— Я рада, что вы всё-таки пришли. Я уже начала сомневаться в ваших намерениях... София, — я впервые называю её по имени, и оно кажется иностранным словом — слишком мягким и музыкальным, чтобы вообще быть именем.

— И всё же вы принесли мне напиток, — говорит она, принимая чашку глинтвейна из моей протянутой руки, и, после короткого рукопожатия, прячет ладонь в тепле своей соболиной муфты. — Приятно познакомиться...

— Маргарита, — говорю я, наблюдая за её взглядом, пока она изучает моё простое зимнее пальто и белую шаль,

накинутую на плечи.

— Имя королевы, — говорит она со странной мягкостью. — Вы царица, помогающая ангелам, но даже не заинтересованная в том, чтобы согреть собственные руки.

Я смотрю на свои алые запястья — известная любезность Северного Ветра.

— Вот, — говорит София, передавая мне свою тёплую муфту, — возьмите — это приказ.

— Женщина, которую я едва знаю, отдаёт мне приказы! — я смеюсь, но принимаю её дар, погружая руки в тепло соболиного меха — в тепло, которое её руки оставили для меня.

— Вам интересно, почему я написала эту записку? — спрашивает она, и я вижу, что её губы дрожат, как полураскрытый цветок под вуалью.

— Я знаю почему, — говорю я, глядя ей прямо в глаза, потемневшие в раздумье.

— Женщины вроде нас... мы замечаем самые тонкие жесты острее, чем кто-либо другой, не так ли? — осторожно продолжает София.

— Думаю, да. И вы это делали тоже не в первый раз: оставляли загадочные записки привлекательным женщинам, я имею в виду...

— Нет, уж точно не в первый раз, — смеётся она. — Но вы были первой, кто осмелился меня встретить.

— Мне трудно в это поверить, София. Вы видите всех этих дам в мехах и драгоценностях, и хотите встретиться со мной.

— Вы так на меня посмотрели... этого было достаточно. Остального я и не приметила. Этот взгляд заставил меня захотеть познакомиться с вами... Рита.

Она так рано и так естественно использовала краткую форму моего имени, что моё сердце пропустило удар. Опьянённая карнавальной музыкой и горько-сладким вкусом глинтвейна, я не могу найти повода злиться на эту странную женщину с лицом Мадонны и языком соблазнительницы.

— Мы можем разделить её — пока не найдём место потеплее, — говорю я, позволяя её правой руке проскользнуть в соболью муфту.

— Пришло время рассказать мне историю вашей жизни, Рита.

— Надеюсь, вы не ждёте, что я окажусь богатой наследницей, скрывающей тайны своего тёмного прошлого за простой одеждой?

— Конечно, нет. Я предпочитаю простоту! — улыбается София. — Могу сказать, что вы в этом городе такой же новичок, как и я. Мы искатели приключений, и будущее в наших руках. Вы верите в колдовство, Рита?

— После вашей записки я думаю, что да. Должно быть, я под вашим заклинанием, раз пришла сюда одна. Вы можете оказаться очень опасной женщиной.

София усмехается, но её глаза остаются холодными.

— Опасная женщина? Разве я похожа на опасную женщину?

— Вы можете быть похожей на неё, хотя сейчас мне трудно об этом судить — вы не были в трауре на прошлой неделе...

Я вижу, как она улыбается из-за вуали — сдержанная улыбка мученицы — тихая, но отчаянная тень скрытого удовольствия на мгновение касается её губ.

— Отец умер месяц назад, оставив меня без родственников и без состояния, но какое дело купцам Елисеевым до горестей их официанток на святках?

— Я сожалею о вашей утрате...

— О, не стоит! Он был жестоким человеком, — говорит София, качая головой. —Мне лишь грустно, что теперь я предоставлена самой себе. Его болезнь длилась долго, и мне всегда было о ком заботиться, к кому приходить домой. Несмотря на его жестокий нрав, было утешением знать, что есть живая душа рядом со мной — но теперь в моём доме страшно молчаливо, тихо и холодно.

— Значит, у вас... никого нет? — спрашиваю я. — Ни одной души, чтобы утешить вас?

— Все меня покинули, — говорит она, и я снова вижу её мимолетную улыбку. — Они перешли в лучший мир, и только счастливый брак может спасти меня. София обхватывает моё запястье своими длинными пальцами. — Но не жалейте меня: я вижу, что у вас есть свои трагедии, может быть, гораздо серьёзнее, чем мои.

Слова застревают у меня в горле, но, чувствуя тепло её прикосновения, я говорю, словно против своей воли: — В моей квартире тоже тихо... но я пытаюсь сохранить в ней уют. Камин — мой единственный друг этой зимой, и если вы однажды пожелаете присоединиться ко мне у огня...

— Ах, с удовольствием! Мне не хватает чувства товарищества. И всё же, скажите мне, как вы справляетесь? Я одна всего месяц, и это невыносимо. Простите меня, Рита, но вы, похоже, привыкли к одиночному образу жизни и никогда не станете его менять.

— Почему вы так думаете?

— Вы необычная, самодостаточная девушка, — говорит София, дёргая меня за запястье, чтобы мы могли идти, пока она думает о своих следующих словах. Она останавливается у сувенирного ларька — её взгляд привлекает небольшая музыкальная шкатулка с золотой крышкой. — И по тому, как вы себя ведёте, я вижу, что в этом мире нет мужчины, который мог бы соответствовать вашим стандартам.

— Мои стандарты? Конечно, ни один мужчина не сможет сравниться с ними! — говорю я с усмешкой. — И я могу сказать то же самое о вас.

София берёт музыкальную шкатулку и улыбается, рассматривая золотые буквы, вырезанные с краю: «Спящая Красавица».

— Я всегда была мечтательницей, — говорит она, глядя на темнеющее небо. — Я никогда ни о чём не могу думать с уверенностью. Я постоянно меняюсь. Мне всего двадцать четыре, но, кажется, я прожила столько жизней — и эти жизни вас бы ужаснули.

София ставит музыкальную шкатулку обратно и слегка поворачивает её ручку. Несколько блуждающих нот вырываются из холодного металлического механизма,

отзываясь эхом в пустом зимнем воздухе. Мечтательная мелодия вальсирует с ветром, исчезая в самых тёмных уголках моей памяти — словно отдалённое видение девушки, танцующей со своей тенью в снежную декабрьскую ночь.

— Эта музыка звучит так знакомо! — я закрываю глаза, пытаясь вспомнить, где я слышала её впервые.

— Позвольте мне подарить её вам, — София отпускает мою руку и тянется к своей сумочке.

— Пожалуйста, не надо! Шкатулка стоит целое состояние! — говорю я, вскинув брови.

— Состояние — это всё, что у меня есть, — улыбается София. — Пусть это будет моим рождественским подарком для вас.

Купец поздравляет нас с наступающим праздником и кладёт позолоченную музыкальную шкатулку в синий рождественский мешок с вышитым ангелом, парящим среди звёзд.

— Ангел — как это уместно! — София вручает мне подарок и снова берёт мою руку в свою.

— Хотелось бы мне лучше сопротивляться вашей щедрости! — говорю я, краснея. — И всё же, шокирующие истории, которые вы обещали мне рассказать... о чём они?

— Вы имеете в виду... мои другие жизни?

— Меня интересует только эта, — шепчу я, переплетая наши пальцы. Мех соболя скрывает наши жесты от голодных глаз праздных прохожих.

Взгляд Софии сверкает любопытством. Она сжимает мою

руку.

— Я должна вам кое-что сказать, — говорит она, — но для этого потребуется… место потише.

— Дальше по набережной Мойки есть красивое кафе, где обедал Пушкин, но это будет довольно долгая прогулка, — говорю я, не решаясь взглянуть на неё. — Моя квартира тоже неподалёку.

— Значит, решено! — София улыбается и впервые напоминает мне не Мадонну с готического гобелена, а обычную девушку, чей смех способен наполнить бальный зал.

Мы идём по набережной, и узкая речка, полузамёрзшая в своём туго зашнурованном булыжном корсете, отражает мрачное небо.

Лицо Софии кажется теплее и ближе в тени приближающегося шторма. Она не снимает вуаль, но её черты выделяются так, словно мастера далёкого прошлого изобразили их своими тончайшими кистями. Её кошачьи глаза пристально смотрят на меня, когда я говорю о своей семье, учёбе и неопределённом будущем. Она пытается разгадать меня, как головоломку с недостающим элементом.

— А вы, София? — говорю я, прощупывая тонкий лёд под ногами. — Останется ли загадкой женщина за чёрной вуалью?

— О, я едва ли загадка! — София кривит губы. Неуверенное движение: полуулыбка, полугримаса боли.

— Каждый человек является загадкой, пока вы не узнаете его. — говорю я, глядя на неё с сомнением.

— Я росла без матери, — София вздыхает. — Она умерла

при родах. Так я превратилась в несчастье своего отца задолго до того, как смогла стать его любимой дочерью. Меня воспитывали в загородном доме, в окружении природы. Я нашла любовь, которую жаждала, в тишине, в одиночестве, в самой земле.

— И этого было достаточно?

— «Достаточно?» София смотрит на меня с недоумением. — Тогда почему же я здесь, с вами?

Её вопрос пронзает воздух, как горящая спичка в тающем снегу.

— Любопытство, — говорю я наконец, наблюдая, как снежинки тают на её вуали, — и одиночество.

— О, вы жестокая девушка, Рита! — смеётся София, но её голос дрожит.

— Разве я не права?

Она останавливается и поворачивается ко мне. Её ладонь, тёплая и хрупкая, всё ещё сжимает мою.

— Мне любопытно, да, — говорит она. — А разве вам не было бы любопытно узнать о девушке, которая кормит херувимов?

— Если это единственная причина, по которой вы...

— Знаете, сколько людей заботятся о них? Сколько дают им еду, предлагают им кров? — обрывает она меня с резким гневом в голосе. — Никто! Ни одной души! Эти дамы в мехах, эти джентльмены в белых перчатках, их избалованные дети — никто из них даже не смотрит на происходящее за витринами — никто не встречает голодные, одинокие взгляды

детей, замерзающих снаружи. Я не помню, чтобы люди были такими злыми, Рита. И когда я вижу доброту среди холодного безразличия, меня тянет к ней, как мотылька к огню.

— Вы думаете, я огонь? — усмехаюсь я.

— Я думаю, что хочу быть рядом с вами — вот и всё, — говорит София, продолжая путь по заледеневшей улице.

— Вы должны понять... я очень давно не была так близка с кем-то и не держала чью-то руку вот так, — признаюсь я, не отрывая глаз от её блестящих чёрных сапожек, скользящих по падающему снегу без усилий, словно она на коньках и держит мою руку для равновесия.

— Этим мы с вами похожи, — говорит София, и я чувствую, как её пальцы снова касаются моего запястья, словно провоцируя меня ответить на вопрос, который она не смеет задать.

— А, вот и он! — я вздыхаю с облегчением, видя знакомый фасад ресторана «Вена» и чувствуя его гостеприимное тепло, исходящее через богато украшенные окна. Снежная буря уже разразилась, и, когда я открываю дверь для Софии, первым гостем, прибывшим в большой зал ресторана, оказывается вихрь снежинок, приземляющихся в нежных пируэтах на сверкающий деревянный пол.

Опережая старого швейцара, я снимаю с Софии плащ, открывая под ним чёрное бархатное платье с длинными рукавами.

— Первый или второй? — высокомерный швейцар Серж окидывает меня пренебрежительным взглядом, наверняка

вспоминая мои редкие визиты с оттенком презрения. В конце концов, студентки из небогатых семей не оставляют так много чаевых, как аристократического вида юноши в шёлковых чулках — даже в этот ранний час я вижу компанию местных щеглов, раскуривающих сигары в первом зале.

На первом этаже — обеденный зал с большой зеркальной стеной и люстрами, свисающими с потолка. Эта комната предназначена для всех больших собраний. Здесь часто можно услышать смех, льющееся рекой шампанское, пение посетителей и усмешки официантов, делающих гостям щедрые, хотя и редко заслуженные, комплименты. Большие окна выходят на набережную Мойки. Летом этот зал превращается в оживлённую террасу, где только тонкая ширма отделяет празднующих гостей от любопытных прохожих.

Первый этаж ресторана «Вена» — место для тех, кому есть что предложить и нечего скрывать. Вот почему все поэты и художники немедленно направляются к лестнице на второй этаж. Серж искоса смотрит на туго зашнурованное платье Софии, словно пытаясь взглядом разорвать нежную ткань её воротника. Швейцар не может простить мне, что я сама сняла с неё плащ, и когда я отвечаю: «Второй этаж», Серж отмахивается от нас с презрительным вздохом. Несмотря на своё низкое положение, он считает себя королевской особой за то, что пожимает руки Романовым раз в месяц.

Один из официантов, Пётр — высокий молодой человек с вьющимися каштановыми волосами — провожает нас по красной ковровой дорожке. Рука Софии покоится в

моей, когда мы проходим мимо портретов императоров, полководцев, писателей, поэтов и, на самом верху, самого Пушкина.

Знаменитый второй этаж ресторана «Вена»... Большинство посещает его поздно вечером, когда приходит пианист, а певцы — модный дуэт — благословляют публику своими романтическими песнопениями.

Днём в центре зала играет граммофонная пластинка, наполняя его хриплыми голосами оперных див и сплетая паутину ностальгии, которая охватывает мебель из красного дерева, позолоченные портреты на стенах и саму еду, как будто посетителям подают воспоминания об ушедшей эпохе.

Пётр проводит нас к предпоследнему столику у окна.

— Согласно известной легенде, — наш официант начинает пересказывать давнюю историю, — это тот самый стол, за которым Александр Пушкин провёл свой последний ужин... или, скорее, обед — перед финальной дуэлью с Дантесом.

— Будем надеяться, что это не последний наш обед здесь! — подмигиваю я Софии.

— Я сделаю так, чтобы вы вернулись, — говорит Пётр, отодвигая стул для моей спутницы.

Сегодня мы единственные посетители на втором этаже, и официанты в чёрных бантах и белых воротничках кружатся вокруг нас с меню, приборами, скатертями и бокалами для шампанского.

— Госпожа Лисова придёт на ужин, — шепчет Пётр, — все взволнованы.

— Конечно, — отвечаю я с понимающей улыбкой, — и, несомненно, со своими музыкантами?

— А вы её знаете? — София смотрит на меня так, словно я упомянула саму императрицу.

— Я лишь дружу с её сыном Мишей, — говорю я, наклонившись к своей спутнице. — Могу вас познакомить.

Выражение лица Петра меняется с официально-холодного на тёплое и приветливое.

— Я пошлю госпоже Лисовой записку о том, что вы обедали здесь ранее, — говорит он. — Князь Михаил будет очень доволен. Я уверен, сударыня…

— О, не беспокойтесь! — говорю я с усмешкой. — Госпожу Лисову не порадует весть о том, что провинциалка расставила свои сети вокруг её драгоценного Миши.

Покраснев, Пётр смотрит на меня с нервной улыбкой и исчезает, а София заливается смехом.

— Вы мне не говорили, что общаетесь с людьми из высшего света! — шепчет она.

— Только Миша и я не засыпаем на лекциях профессора Уваровой по средневековой литературе — если это можно назвать общением…

Пётр возвращается с богатым ассортиментом вин, от которых мы с Софией отказываемся в пользу брусничного чая.

— В вашем меню ещё есть знаменитые Пожарские котлеты? — спрашиваю я. Официант кивает.

— Тогда сделайте нам двойную порцию! И сырную

тарелку на вынос, будьте добры, — говорю я, поворачиваясь к Софии, — Вы же не против продлить это свидание? У меня ещё осталось Саперави.

— Вы хитрая женщина, Рита! Конечно, я не против.

Пётр спешит на кухню как раз в тот момент, когда входит ещё один посетитель — невысокий блондин с еженедельной газетой «Правда Империи» в руке. Он занимает соседний столик. Когда он садится, я замечаю, что его безжизненные бледно-голубые глаза изучают меня.

— С вами всё в порядке? Вы выглядите испуганной. — София сжимает мою руку.

— Испуганной? Нет, я уже давно ничего не боюсь... просто не чувствую себя здесь в безопасности, — говорю я. — Должно быть, из-за снежной бури.

Словно вторя моим словам, от ударов ветра начинают дребезжать стёкла. Нахмурившись, София вслушивается в вой вьюги за окнами.

Пётр возвращается с фарфоровым чайным сервизом.

— Наш особый брусничный чай — он создан для такой погоды.

Оконные стёкла снова звенят, подтверждая его слова.

— В Санкт-Петербурге уже двадцать лет не было такой метели, — говорит голубоглазый мужчина. Пётр приветствует его.

— А для вас, сударь...

— Новиков. Доктор Новиков.

— Точно-с! Пельмени из оленины и икра, как обычно?

— Как обычно.

Доктор Новиков разглядывает Софию.

Пока я пытаюсь вспомнить, откуда я его знаю, два официанта в белых перчатках приносят нам основное блюдо и одновременно убирают серебряные колпаки, открывая белоснежные тарелки с дымящимися котлетами и алыми каплями клюквенного соуса.

— Ах, разве это не волшебно? — восклицает София. С детским удивлением в глазах она улыбается мне. Я улыбаюсь в ответ.

Мы заканчиваем трапезу в тишине. Оглушительные завывания Северного Ветра, сопровождаемые записью модной песни «Как хороши те очи» Анастасии Вяльцевой, делают невозможным любой разговор. Меццо-сопрано застревает в моей голове:

Вы мой покой отняли, меня околдовали...

Голубоглазый незнакомец бросает на нас с Софией прощальный взгляд, когда мы спускаемся к выходу.

Закутавшись в пальто и поправив плащ моей спутницы, я открываю дверь. София кричит — ветер поднимает её вуаль и сталкивает нас по ступенькам на улицу. Смеясь и ругаясь, она хватает меня за руку, и мы бежим, лицом к лицу с жестокой бурей.

— Моя квартира за рекой! — говорю я, указывая вперёд, но мост, который мы собираемся пересечь, исчезает в белом океане— метель смыкается вокруг нас.

Соболья муфта Софии прижимается к моей груди. Моя

спутница срывает вуаль и позволяет ветру унести её.

— София, что вы делаете?

— Я хотела вам кое-что сказать, помните? — говорит она, обхватывая руками мою шею.

— Слушаю, — шепчу я, но слова застывают у меня в горле, когда я смотрю на её губы.

— Ближе! — командует моя спутница.

Я колеблюсь на мгновение — достаточно долго, чтобы увидеть проблеск сомнения в её глазах, — но следующий порыв бушующей метели толкает меня в объятия Софии.

Она целует меня в вихре падающего снега. Я не хочу её отпускать.

И всё же мне приходится — ветер становится ещё сильнее. Он унесёт нас, если мы вовремя не найдём укрытие.

Глава 3:
Сердце Бури

"Твой флот сильней серебряных оков,
Но коронован ты рубиновым обманом."
14 декабря 1904 года.

Я просыпаюсь рядом с Софией. Прошёл год с тех пор, как она предложила свою вуаль ветру, а сердце — мне. Она уснула у моего камина в тот день, когда мы встретились, и встретила здесь декабрьскую бурю, январские морозы, объявление войны в феврале и наступившую за ним тьму.

В течение этих двенадцати месяцев наш первый поцелуй оставался путеводной звездой, сияющей сквозь туман памяти — обещанием перемен, наивной надеждой, что то, что я чувствовала тогда, в самом сердце бури, пронесётся сквозь туманные дни неопределённости и тоски. Этим декабрьским утром маяк надежды, мерцающий вдалеке, уступил место бесконечной ночи.

— Я несчастна, — мой голос дрожит, когда я тянусь к руке Софии. Её холодные пальцы лишь на мгновение задерживаются в тепле моего прикосновения.

— Что ты имеешь в виду? Несчастна из-за чего? — София переворачивается на мою сторону постели и смотрит на восходящее солнце. Её глаза мерцают в чистом золоте рассвета.

— Не ожидала, что жизнь так обернётся, — говорю я.

— Ты имеешь в виду войну? Никто не ожидал. Разве можно предугадать что-то подобное? Никто не счастлив — даже *он* сам.

— Дело не только в этом, София. Я больше не узнаю себя... и тебя.

— Мне не нравится этот разговор, — вздыхает она, вставая. — Послушай, я сейчас поеду на смену, а ты пойдёшь читать лекцию о современной поэзии. Мы поговорим, когда всё уляжется.

София останавливается, чтобы застегнуть пуговицы белого платья — её больничной формы.

— Разве ты не хочешь покинуть это место и никогда не возвращаться? — спрашиваю я, ища знакомое тепло в её застывшем взгляде.

— И оставить жизнь, которую мы с тобой построили — куда мы пойдём? Зачем? Ты пугаешь меня, Рита. Вместе с декабрём к тебе вернулись и воспоминания о прошлой жизни, я полагаю.

— В прошлом декабре мы представляли себе более светлое будущее, — парирую я.

— Вечером, моя голубка. Поговорим об этом вечером.

Иначе я опоздаю.

София хватает свою сумку и выбегает из спальни. Она отрезает мне немного хлеба с маслом, прежде чем исчезнуть в коридоре — это её молчаливый способ сказать, что я всё ещё дорога ей.

Моя возлюбленная забывает только одно — свой дневник. Из-за её торопливых движений он выпал из сумки, открывшись на вчерашней записи.

Я хочу побежать за Софией и вернуть его, но мельком вижу то, что никогда не забуду — то, что хочу развидеть. Однако любопытство побеждает разум. Искушение сильнее доверия там, где уже посеяны семена сомнения и пролит яд неуверенности.

ЗАПИСЬ В ДНЕВНИКЕ СОФИИ

13 декабря 1904 г.

Каждое утро — сущий кошмар. Я ненавижу ночные смены, но это утро было хуже их всех вместе взятых. Рада только, что доктор Новиков спас меня. Я была в палате с солдатом № 1391 (у него сильно повреждён мозг). Он всегда вёл себя как ребёнок. Буду честной - № 1391 нравился мне больше всех остальных пациентов. Сегодня утром я читала ему стихи Блока («Стихи о Прекрасной Даме», которые мне подарила Рита). № 1391 понравилось. Я спросила, не хочет ли он чаю. Тут он встал и толкнул меня к стене. Я не ожидала, что он будет приставать ко мне...

Доктор Новиков услышал мои крики. Он оттолкнул от

меня № 1391. Медсестра передо мной забыла дать № 1391 успокоительное, вот и всё. Новиков сказал: «Дело не в вас». Ещё он сказал мне написать о том, что случилось с № 1391. Это действительно помогает. Я уже пишу заметки о своих сменах для Новикова, но не настолько подробно.

Интересно, так ли себя чувствует Рита, когда пишет свои лекции?

Новиков попросил меня называть его «Ник». Он очень добр ко мне. Я рассказала ему о подозрениях Риты. Она встретила меня однажды в конце моей смены и побледнела, когда увидела его. Она считает, что он - тот человек, который шпионил за нами год назад. Я не помню, чтобы кто-то шпионил за нами.

Ник сказал, что мне следует быть осторожнее с Ритой. Я должна следить за ней и сообщать ему, если её подозрения и бред сохранятся. Он сказал что-то о «параноидальной шизофрении». Рита не такая, но я очень беспокоюсь о ней. Я расскажу ему всё.

Ник смотрит на меня так же, как она смотрела тогда. Я провожу так много времени в лечебнице, и я единственная девушка, которая продержалась здесь дольше двух месяцев. Он сказал, что я всегда произвожу большое впечатление. У Ника очень тёплые голубые глаза. Я благодарна, что он спас меня от № 1391. Он обещал с этого момента помещать меня только в палаты с парализованными солдатами.

Завтра я должна прийти прямо к нему в кабинет. Ник хочет поговорить со мной наедине. Подозреваю, что скоро он сделает меня старшей медсестрой. Я бы рассказала об этом Рите, но в последнее время её ничего не радует. Я даже не могу

упомянуть, что со мной сделал №1391. О, она бы устроила такую сцену, если бы узнала! Она бы снова умоляла меня уволиться. Я рада, что Ник всё знает. Легко говорить с тем, кто понимает, как всё на самом деле.

Когда №817 ударил меня, Рита сказала, что он «монстр» и не заслуживает жизни. Я знаю, что она хотела защитить меня, но меня пугает, что она могла подумать о таком. Новиков говорит, что ей не хватает эмпатии, и она даже может быть...

Запись на этом не заканчивается, но я не могу перевернуть страницу. Я оставляю дневник там же, где нашла его — на полу, чтобы София сама решила, видела я его или нет.

Мириады мыслей затуманивают мой разум. Мне нужно пересмотреть конспект лекции по «Золоту в Лазури» Андрея Белого, но вместо этого я проклинаю Софию.

У её отрешённости теперь есть имя: доктор Новиков — «Ник» — голубоглазый мужчина.

Я собираю портфель и бегу — лекция начнётся через полчаса.

Когда я пересекаю Дворцовый мост, передо мной возникает вуаль Софии, словно призрак, плывущий над Невой в арктических объятиях Северного Ветра. Я останавливаюсь, чтобы понаблюдать за ней — и вуаль превращается в расплывчатую тень облака на тонком речном льду.

То, что сказал обо мне Новиков, вполне может быть правдой. Я не могу отличить реальность от вымысла в стране,

где война становится миром. Но как я могу сочувствовать тем, кто разрушает невинные жизни?

Когда я прихожу в лекционный зал, Валентина Уварова встречает меня нервной улыбкой. Серебристо-седые кудри профессора блестят в тусклом свете свечей, а её тёмно-зелёные глаза в обрамлении тяжёлых очков отражают мудрость тысячи книг.

— Градова, я должна вам кое-что сказать! — говорит она, касаясь моего плеча с выражением большой тайны, которую может передать только сдавленный шёпот. — Я хочу, чтобы после этой лекции вы познакомились с одной иностранкой! Это прекрасная возможность для ваших уроков английского. Наша гостья беспрецедентна, но никто не должен узнать о ней до завтра! Вот увидите...

— Иностранка? Во время войны...

Профессор прикрывает рот рукой, и я вспоминаю, что никто не должен произносить слово «война» вслух.

— Я думала, что границы Империи закрылись несколько месяцев назад, — говорю я.

— Они открыли один маршрут, — озираясь, шепчет мне Профессор, — Норд Экспресс — поезд, который идёт в Париж — но только раз в месяц! Билеты стоят целое состояние, но госпожа Лисова была так любезна, что всё организовала. Вы знаете, какая она великодушная — как щедры её дары нашему университету!

— Да, это так. Особенно, когда она чего-то хочет.

— Сейчас самое время для доброты и уважения, Градова, — уже громче говорит профессор Уварова, хмурясь на меня. — Мы должны быть благодарны нашим благодетелям.

Я вздыхаю и открываю записи Валентины, чтобы проверить посещаемость. Трое студентов отсутствуют. Я называю их имена — отвратительная традиция позорить бездельников, которую поощряет профессор Уварова — ничто не закаляет нас так, как коллективный стыд, считает она.

— Фёдорова?

— Арестована, — отвечает класс.

— Лисов?

— Нет.

— Соколова?

— Арестована.

Чувство вины зарывается клыками в моё сердце. Я могла бы быть одной из храбрых протестующих, замерзающих в мрачном поезде по пути в сибирскую тюремную камеру. Вместо этого я стою здесь, читая лекции о современной поэзии трём рядам голодных, испуганных глаз — зачем?

Антиимпериалистическое движение... Бал госпожи Лисовой... Измена... Протесты... Смертный приговор...

— Тссс! — профессор Уварова успокаивает тревожный ропот, разносящийся по аудитории.

— Где Михаил? — спрашивает она меня.

— Я удивлена не меньше вашего, профессор. Он никогда не пропускает лекции.

Я солгала. Получив мою телеграмму о вчерашних арестах, тайный лидер оппозиционного движения, должно быть, что-то замышляет в уютном дворце своей матери.

— А Соколова, Фёдорова — что именно с ними случилось? — Валентина поворачивается к аудитории.

— Арестованы за измену, — раздаётся смелый голос из

последнего ряда.

— Ну, ну, — вздыхает Валентина, — Молитесь за них, дети. Молитесь за свободу!

Словно опомнившись, профессор прижимает ладонь ко лбу, утаивая тень раскаяния в полузакрытых глазах.

В зале наступает тишина.

— Сегодня Градова расскажет вам о современной поэзии, — объявляет Валентина, спускаясь с трибуны. Она кивает, приглашая меня говорить.

— Поэзия может освободить вас, — начинаю я. — Символисты знают, что такое настоящая свобода — они не боятся разных форм, странностей и отклонений. Вместо контролируемых линий они используют образы, сны и полумысли, которые возникают лишь на мгновение, чтобы навсегда исчезнуть в вечном потоке человеческого сознания.

На этот раз я не следую своему плану. Слова приходят ко мне сами, подхватывая меня, подобно сильному течению реки. Вместе с ними я падаю и поднимаюсь. Я поддаюсь силе знания — единственной форме свободы, которая существует в стране гибели.

Проходит час. Студенты встают, когда я заканчиваю лекцию.

— За поэзию и свободу! — говорю я.

— За поэзию и свободу! — эхом отзываются они и хлопают.

Аплодисменты длятся до тех пор, пока профессор Уварова не поднимает руку. С мрачным видом она поворачивается к студентам.

— А теперь запомните одну вещь, дети. Молчите о том, что услышали сегодня.

Когда все уходят, Валентина принимается изучать мой план.

— Они больше не дети, профессор, — говорю я.

— А вы не следовали плану, Градова.

— Не следовала.

Профессор Уварова стоит неподвижно, скрестив руки на груди. Её глаза пронзают меня холодной, необратимой печалью.

— Будьте осторожны. Другой преподаватель может оказаться не таким понимающим, как я.

— Я буду...

— Я хочу защитить вас, но это невозможно. Их глаза и уши повсюду, — говорит она.

Я киваю и кладу записи лекций обратно в портфель. С неожиданным пылом профессор хватает меня за запястье.

— Я виню себя за то, что позволила вам сегодня говорить! Вы понятия не имеете, с чем можете столкнуться после такого, Градова! Вы даже представить себе не можете. Они найдут вас, слышите меня? Больше никакой «поэзии и свободы» — понимаете?

Пол скрипит, и в дверях появляется силуэт мужчины.

— Я вам помешал?

Доктор Евгений Холодов (печально известный профессор физики, чья невоспитанность стала любимой темой для обсуждения у студентов) снова вошёл без стука.

— Мы как раз уходили, — говорю я, пытаясь сохранять спокойствие под его насмешливым взглядом.

Валентина отпускает моё запястье и скрывает своё смущение за натянутой улыбкой.

— К нам пришли морозы, доктор Холодов — в следующий раз не забудьте надеть шарф, — говорит она, указывая на льдинки, покрывающие его короткую густую бороду.

— Мне нравятся утренние прогулки по холоду. Они освежают мой разум и... *освобождают* мою душу, — говорит он с ухмылкой. — Мороз и солнце! Ваш любимый Пушкин не зря увековечил эту погоду, профессор Уварова.

— Как пожелаете, — говорит Валентина, выходя из аудитории со своей обычной грацией, но я замечаю, как дрожат её пальцы, когда она закрывает дверь.

— *Ваш любимый Пушкин*, — шипит она. — Да как он смеет?!

— Вы, кажется, хотели познакомить меня с загадочной иностранкой, — напоминаю я ей.

— Ах, да! Знаете, нам нужен был кто-то, кто сможет преподавать английский в этом семестре, и она приехала к нам. Я имею в виду, мы отправили ей приглашение, Анжелика Лисова и я. Мисс Дейз с радостью согласилась.

— Мисс Дейз? Она...

— Мисс Дейз из Лондона! Вы можете в это поверить? То есть, она переехала в Париж, чтобы изучать искусство... Но мне не следует много говорить. Она сама вам всё расскажет! Вы будете проводить много времени вместе, — говорит профессор Уварова, широко улыбаясь мне.

— Много времени? Вместе? — я вздрагиваю от потрясения.

— Понимаете, я хочу, чтобы вы стали её проводником и показали ей Санкт-Петербург. Мисс Дейз приехала только вчера, но я уже так много рассказала ей о вас, Градова: от вашей новой должности в качестве моей помощницы и

страсти к языкам до вашего отличного знания английского, и дело в том...

— В чём?

Профессор Уварова смотрит на меня со странным выражением стыдливой гордости, от которого сердце замирает в груди.

— Я уже назначила вас её переводчицей и личной помощницей для лекций на английском, которые она будет читать в течение следующих трёх недель.

— Профессор! — говорю я, краснея. — Я не смогу этого сделать. Это большая ответственность — я никогда не встречала никого из Англии. Мой акцент её шокирует. Как я могу согласиться?

— Градова, — говорит Валентина, нахмурившись, — вы могли бы хотя бы притвориться благодарной.

— Я благодарна, но...

— У вас нет выбора. Нет никого более подходящего для этой роли, чем вы. Это решено.

Я застываю от перспективы стать помощницей совершенно незнакомого человека, но в этот момент Валентина бесцеремонно хватает меня за талию и толкает в большой лекционный зал с окнами, выходящими на Исаакиевский собор.

Высокая женщина в бежевом кружевном платье стоит рядом с книжным шкафом из красного дерева, проводя длинными, мягкими пальцами по потёртым корешкам древних томов. Под стать нежному прикосновению сиреневой шерстяной шали, накинутой на её плечи, золотой гребень с фиолетовой орхидеей поддерживает тяжёлые волны

её полуночно-каштановых волос.

Незнакомка оборачивается и встречает мой взгляд с искрой любопытства в тёплой глубине её тёмных, глубоко посаженных глаз.

— Мисс Дейз, познакомьтесь с Маргаритой Градовой, вашей новой помощницей! —объявляет Валентина на ломаном английском.

«Если англичанку не беспокоит её произношение, может и мне волноваться не стоит?» — думаю я, наблюдая за плавными движениями мисс Дейз.

Иностранка делает несколько шагов ко мне и склоняет голову.

— Приятно познакомиться, мисс…

— Зовите меня Марго, — с неожиданной для себя уверенностью отвечаю я. Никто и никогда не называл меня Марго.

— Марго… — повторяет мисс Дейз, и тень улыбки касается её тонких губ, — Валентина много рассказывала мне о вашей жизни в Санкт-Петербурге.

— А я почти ничего о вас не знаю…

— О, я открытая книга — спрашивайте, что душе угодно! — мисс Дейз отодвигает стул от своего письменного стола, приглашая меня сесть.

— Желаю вам приятной беседы, дамы! — профессор Уварова ухмыляется счастливому разрешению её хитрого плана и оставляет меня наедине с англичанкой.

Я колеблюсь, прежде чем сесть. Присутствие мисс Дейз окутывает меня, как облако тумана. Теперь, когда Валентина ушла, она улыбается мне совсем иначе. Одна её улыбка могла

бы растопить замёрзшую Неву.

— Надеюсь, вы простите мне моё недоумение, — говорю я, пряча ледяные ладони в оборках платья. — Профессор Уварова ничего мне не рассказывала до сегодняшнего утра.

— Валентина хотела сделать вам сюрприз, — говорит мисс Дейз. — Она рассказала мне, как сильно вы увлечены преподаванием английского. Мне понадобится помощница, но я надеюсь, что и мне удастся помочь вам. Скоро вы сможете читать лекции по английской литературе самостоятельно.

Пока англичанка говорит о предстоящих лекциях, в аудиторию заглядывает хрупкая служанка с чайным подносом и неуверенно семенит к нам.

— Ах, Надя! Ты как раз вовремя, — восклицает мисс Дейз и берёт поднос из дрожащих рук девушки.

— Кажется, все меня боятся! — иностранка смеётся, когда Надя, рассыпаясь в извинениях, убегает из зала.

— Здесь редко бывают англоговорящие гости, — объясняю я. — Когда люди слышат вашу речь, видят ваше элегантное французское платье и безупречные манеры, они начинают бояться вас.

— А *вы* меня боитесь? — мисс Дейз вскидывает брови, изучая выражение моего лица.

— Нет, совсем нет! — поспешно отвечаю я, надеясь, что внезапный румянец не выдаст моих истинных чувств.

— Хорошо! Я бы ни за что не хотела показаться вам враждебной или отчуждённой...

Она отодвигает стопку бумаг и ставит серебряный поднос с фарфоровым чайником, двумя чашками и нарезанным лимоном по центру стола.

— Валентина рассказала мне, что вы любите чай с лимоном.

Мисс Дейз заканчивает наливать чай и садится рядом со мной.

— Вы действительно знаете обо мне всё, не так ли? — я вздыхаю, глядя на неё. — В таком случае, могу я хотя бы узнать о характере вашей нынешней работы? Например, эти статьи: о чём они?

Англичанка кидает быстрый взгляд на отодвинутые бумаги.

— Видите ли, я пишу исследовательскую работу о Джоне Китсе и о том, как его поэзия преобразила жанр романтизма, — говорит она. — Я опубликую её по возвращении в Париж.

— Никогда не слышала о Джоне Китсе, — признаюсь я, ожидая, что она нахмурится, но, когда я поднимаю глаза на мисс Дейз, её взгляд светится всё тем же радушием.

— Я подарю вам его полное собрание сочинений. К тому времени, как я покину Петербург, вы станете экспертом по романтической поэзии.

— Что вы! — не в силах отказаться от её щедрого подарка, я устремляю взгляд в пол. — Конечно, я с удовольствием прочту стихи Китса... но как надолго вы останетесь с нами, мисс Дейз?

— Вы можете называть меня мисс Ди, — осторожная улыбка задерживается на её губах, словно она боится получить отказ.

— Мисс Ди, — шепчу я.

По-прежнему не решаясь посмотреть ей в глаза, я изучаю старинное рубиновое кольцо-печатку на её мизинце. Заметив это, мисс Ди пронзает меня ещё одним долгим, внимательным взглядом.

— Мне грустно отвечать на ваш вопрос, — наконец говорит она, осушая свою чашку. — Моё пребывание в России будет недолгим — не дольше месяца, это уж точно. Я с удовольствием приняла приглашение госпожи Лисовой, и она уже оплатила поездку туда и обратно. Норд Экспресс в наши дни — дорогое удовольствие, — добавляет мисс Ди, качая головой.

— Я подозреваю, что ваш путь сюда был нелёгким, — говорю я, тщетно пытаясь скрыть досаду. Тщетно, потому что, когда наши взгляды вновь встречаются, мисс Ди понимающе улыбается мне.

— Да, это было настоящее приключение — поезду пришлось остановиться на шесть часов, пока пограничники не пропустили его — они искали шпионов и предателей — всех, кто мог представлять угрозу для императора, — говорит мисс Ди. — Я могу только вообразить, какой ужасной была ваша жизнь здесь, в этом кошмаре, дорогая Марго.

— Моя жизнь… — я замираю, глядя ей прямо в глаза. — С февраля всё как в тумане. Профессор Уварова сказала, что вы с радостью приняли это приглашение… но почему? Простите за такой бестактный вопрос, но я не могу себе представить, что заставило вас рискнуть приехать в Петербург во время войны.

— Ох, всё очень просто, — мисс Ди понижает голос. — Анжелика Лисова попросила меня об одолжении, и я не смогла отказать старой подруге. Она назвала это своим «последним жестом» университету и Валентине. Такие женщины, как Анжелика, стоят любого риска.

— Означает ли этот последний жест, что она скоро уедет?

— Очень скоро, да, но пусть это останется между нами.

— Так и будет, — уверяю я её, — но я должна спросить ещё об одном: откуда вы знаете госпожу Лисову, мисс Ди? Кажется, вы с ней очень близки.

— Вы почти угадали, Марго. Мы с Анжеликой *были* очень близки, но эта близость длилась всего одно лето, — мисс Ди смотрит на меня с тенью неуверенности. — Впрочем, это длинная история.

Её глаза застилает туман воспоминаний.

— Прошу вас, продолжайте — я люблю длинные истории больше всего на свете, — мой голос дрожит от нетерпения.

— Что ж...

Мисс Ди наклоняется ближе, и аромат диких фиалок окутывает меня, как тонкая летняя вуаль. Задумавшись, она начинает свой рассказ:

«Мы встретились во время Всемирной выставки в мае 1889-го года. Это был мой второй семестр в Сорбонне. Эйфелева башня только что открылась для посетителей, и я помню, как люди со всего мира приезжали посмотреть на это чудесное творение.

Анжелика уже тогда плыла против течения. Российская империя бойкотировала ярмарку, но она и её муж Дмитрий всё равно приехали посмотреть на неё. У толпы есть особая сила — она объединяет совершенно незнакомых людей. Как только Анжелика увидела меня в толпе в тот день, она поняла, что мы подружимся — по её словам, я напомнила ей кого-то из её прошлого. Почему же я согласилась сблизиться с ней? Когда прекрасная русская аристократка приглашает вас на чай, трудно ответить “нет”.

Я уехала из Лондона, чтобы учиться во Франции, а она покинула свой дом в Санкт-Петербурге, чтобы увидеть настоящий мир, как она его называла. Анжелика сделала Францию своим домом на лето, и я показала ей Париж — мы ходили в музеи и художественные галереи, посещали все модные представления. Мне было восемнадцать — совсем ещё молодая, наивная девушка... Конечно, я не смогла устоять перед обаянием мудрой, роскошной женщины с ангельским именем. В сентябре она уехала, но воспоминания остались, и с тех пор мы переписывались. После смерти Дмитрия она не писала мне несколько лет, а затем я получила это приглашение».

Мисс Ди останавливается, явно воодушевлённая своим рассказом.

— Теперь вы понимаете, почему я не смогла устоять, Марго?

Внезапное осознание того, что мисс Ди рисковала всем, чтобы увидеть госпожу Лисову после всех этих лет, пронзает моё сердце. Ничто не могло подготовить меня к этому острому уколу ревности. «Прекрати эту чушь, Маргарита, ты даже не знаешь эту женщину!» — говорю я себе, но, когда я снова встречаюсь с тёплым взглядом мисс Ди, у меня кружится голова.

— Похоже, будто вам нужен глоток свежего воздуха, — вздыхает она, — я же говорила, что эта история наскучит вам до смерти!

— Это не из-за вашей истории, — я замолкаю, глядя на своё призрачное отражение в окне. — Понимаете, у нас всего один месяц, а мне нужно показать вам так много мест!

— В таком случае, мы начнём завтра, — отвечает мисс Ди. — Можем пойти на ледовую ярмарку на Неве — надеюсь, вам нравится кататься на коньках так же, как и задавать вопросы, Марго?

— Да, очень, — говорю я, улыбаясь при мысли о том, что увижу её завтра. — С радостью составлю вам компанию.

Я встаю и готовлюсь уйти.

— Подождите!

Мисс Ди достаёт «Полное собрание сочинений Джона Китса» с верхней полки книжного шкафа.

— Мне интересно ваше мнение, Марго.

Когда она протягивает мне книгу, её пальцы на мгновение касаются моей руки. Я вздрагиваю от этого мимолётного прикосновения. Кровь приливает к моим щекам, и я извиняюсь, оставляя мисс Ди. У меня нет сил ни сказать «спасибо», ни даже просто посмотреть на неё.

Я сбегаю вниз по лестнице и распахиваю тяжёлые деревянные двери. Университетская набережная встречает меня ледяным порывом ветра.

«Глупая, глупая Маргарита! Теперь она думает, что ты полная дура!» — вздыхаю я про себя, прижимая книгу к груди.

— А вот и она, величайшая поэтесса двадцатого века, вечно погружённая в свои мысли! — раздаётся издалека знакомый голос. Через мгновение чьи-то сильные руки обхватывают меня за талию и поднимают в воздух.

— Миша, ты сумасшедший! Тротуар скользкий — мы упадём! — кричу я, пытаясь вырваться.

— Прости, я не знал, как ещё тебя разбудить, моя

безнадёжная мечтательница!

Князь Михаил нежно опускает меня на землю и крепко обнимает.

— Опять стихи? — говорит он, указывая на томик Китса, который я пытаюсь спрятать в портфеле.

— Да, это подарок от профессора английского языка. Валентина назначила нам встречу сегодня.

— И снова твой инглиш-пинглиш — хотел бы я его понимать! — вздыхает Миша.

Я рассматриваю его непослушные каштановые волосы, полуразбитые очки и длинное изумрудно-зелёное пальто, покрытое снегом и пеплом.

— Мой милый мальчик! Где ты был?

— Мы с Холодовым работаем над проектом по воспламенению. Ты же знаешь, что теперь, когда Орлов ушёл на войну, Евгений преподаёт и химию, и физику? В любом случае, мой глупый проект — это не то, о чём я хотел поговорить с тобой, Рита... да и место неподходящее!

— Тебя так встревожила моя телеграмма?

— О да, и ещё много чего! Но сначала нам нужно добраться до твоей квартиры... Я бы пригласил тебя во дворец, но никому там не доверяю, а моя мать в последнее время очень взволнована. В Петербург приехал её давний друг... так она мне говорит. Вечно maman носится со своими давними друзьями! А София сейчас дома?

— Нет, — говорю я, — сегодня её смена заканчивается поздно.

— Отлично!

Миша хватает меня за руку и тащит через Дворцовый мост,

больше не говоря ни слова.

— Слушай, как бы мне ни нравилось твоё волнение, юный князь, это решительное молчание меня пугает.

— Решительное молчание — наш девиз отныне!

Миша наконец сбавляет шаг и машет кулаками в воздухе.

— Я не понимаю...

— Антиимпериалистическое движение потерпело неудачу, — говорит он. — Да начнётся Тихое Сопротивление!

— Миша! — я качаю головой, понимая, что он собирается сделать меня частью ещё одной грандиозной схемы.

— Позволь мне объяснить. Я знаю, что протесты ни к чему нас не привели: мы пытались собираться в разных укрытиях, ты писала нам речи, и мы выходили на улицы и требовали отставки императора — всё напрасно, верно? Четыреста молодых мужчин и женщин заключены в тюрьму, бог знает сколько — убиты, а у тебя осталось горькое чувство вины, потому что они несли твои слова в своих сердцах...

— Я написала всего несколько стихотворений, Миша, и передала их тебе. Вот и всё. Я никогда никого не просила протестовать — я знала, что это бесполезно даже тогда —

— А здесь, моя дорогая, ты ошибаешься! — говорит Миша, ловя меня, когда я поскальзываюсь на льду у Адмиралтейского фонтана. — Чёрт побери эту погоду! В следующий раз я свистну, чтобы подали экипаж.

— Миша, ты же знаешь, я больше никогда так не сделаю, — я смотрю на него с сожалением.

— Если бы не моё плохое зрение, меня бы давно похоронили в окопах, — говорит Миша сквозь зубы, — и никто бы обо мне не жалел! Ты должна понять — ответственность за

это вторжение лежит и на нас тоже. Я обещаю, что не буду рисковать твоей жизнью или свободой, но есть кое-что, что ты можешь сделать, чтобы помочь всем осознать отвратительную правду о войне — что наши солдаты убивают невинных людей.

— Продолжай, — говорю я, понимая, что он не сдастся.

Миша снимает очки и останавливается на ступеньках, ведущих в мою квартиру.

— Сейчас о самом трудном...

Мы поднимаемся через чёрный ход, так что Аркадий Иванович нас не видит.

— Это будет труднее, чем то, что мы пережили? — недоверчиво говорю я.

— Нам нужно связаться с теми, кто выжил на поле боя, — говорит князь Лисов, — а их не так уж и много...

— И как мы это сделаем?

Тёмно-серые глаза Миши смотрят мне прямо в душу.

— Через Софию. Как же ещё?

— Ты спятил, князь! — я вздрагиваю от внезапной резкости его слов. — Не смей отнимать у меня любимую женщину.

— Рита, впусти меня, и я всё объясню...

Мы уже поднялись по лестнице, так что я вздыхаю и открываю дверь в квартиру.

— Добро пожаловать на Северный полюс!

— Тёплый приём, в самом деле! — Миша скрипит зубами и вбегает в мою гостиную, чтобы разжечь огонь.

Я сажусь у камина рядом с ним и замечаю, что дневник Софии до сих пор лежит на полу. Ещё вчера она дремала в моих объятиях у огня, и я думала, что ничто и никто не сможет

разлучить нас. Теперь всё изменилось.

— Итак, — Миша нервно откашливается, — мы Тихое Сопротивление! Больше никаких протестов, я обещаю.

— Тогда в чём же смысл?

— Мой отец говорил: истинная сила заключается в знании общей цели, — с затуманившимся взглядом объясняет Миша. — Смысл Тихого Сопротивления — найти человека, с которым можно разделить эту цель — человека со схожими ценностями и страстью к свободе.

— Другими словами, революционера? — усмехаюсь я.

— Слушай, Рита, — шепчет Миша, согревая руки у огня.

— Я всегда слушаю, — говорю я, качая головой, — но я не собираюсь рисковать безопасностью Софии.

— Я рассказываю тебе о тайной сети доверенных людей, где мы соединяемся как цепь — каждый связан с двумя другими элементами, а остальная часть цепи не знает, где находятся эти элементы.

— Ты когда-нибудь перестанешь говорить загадками, Миша? Я теряю терпение.

— Знаешь, почему Антиимпериалистическое движение провалилось?

Я качаю головой, и Миша понижает голос.

— Ну, я скажу тебе, почему: все его члены знали друг друга — монархистам достаточно было поймать одного, чтобы узнать имена большинства протестующих. Разница с Тихим Сопротивлением в том, что каждый человек знает только двух других, и сеть продолжает расти, но никто об этом не догадывается. Вот так просто! Я доверяю тебе; ты доверяешь Софии, а она может допросить для нас некоторых солдат в

лечебнице. Ты сообщишь эту информацию мне, а я передам её по цепочке Тихого Сопротивления.

— Ты хочешь сказать, что тайная сеть уже существует и что за всей этой схемой стоит кто-то другой?

— Да — сеть уже есть, и никто никогда не узнает, что вы с Софией когда-либо были её частью, потому что... — Миша останавливается, когда я сжимаю кулаки.

— Потому что мы никогда не будем её частью! — с недовольным вздохом я встаю и нервно расхаживаю по комнате. — Ты говоришь, что мы должны найти кого-то, кому мы доверяем. Так вот, я больше не доверяю Софии.

— О чём ты говоришь? — спрашивает Миша, пытаясь последовать за мной в коридор.

— Это доктор Новиков. Она влюблена в него. У меня есть доказательства. — с этими словами я нагибаюсь, чтобы взять дневник Софии, всё ещё открытый на страницах вчерашней записи, и отдаю его Мише.

— Ради всего святого, — он смотрит на меня с недоверием, — когда ты...

— Он выпал из её сумки сегодня утром.

— Нет, когда ты впервые увидела Новикова?

Миша строго смотрит на меня, и я опускаю глаза.

— Год назад — в ресторане «Вена» — твоя мать собиралась там ужинать тем самым вечером.

— Рита... Я его помню. Скверный тип. Я уверен, что София любит тебя больше, чем ты думаешь, и просто хочет защитить тебя... от всего этого, — говорит Миша, листая страницы.

— Если бы София любила меня, она бы доверяла мне все свои мысли и переживания, — шепчу я, — а вместо этого она

любезничает с Новиковым и делится самым сокровенным лишь с дневником!

— Мы должны знать, где провести черту, прежде чем наши переживания станут невыносимыми для людей, которых мы любим, — говорит Миша, направляясь к двери.

— Куда ты?

— Мне нужно изучить дневник Софии — в нём есть всё, что нам нужно: признания солдат, правда о войне из первых рук — всё!

Миша накидывает своё пальто и выбегает за дверь.

— Он принадлежит Софии! — кричу я, следуя за князем. — Ты не можешь его взять — так ты подвергаешь её невероятному риску, и ради чего — ради нескольких признаний?

— Ты можешь этого сейчас не понимать, но то, что я делаю — ради всеобщего блага, — говорит Миша, оборачиваясь, чтобы обжечь меня суровым взглядом. — Тебе не обязательно быть частью Тихого Сопротивления, но признай: то, что ты сделала, было не лучше того, что я делаю сейчас! Если бы ты не прочитала дневник, я бы его никогда не нашёл. Пусть София думает, что потеряла его — тем временем, я сделаю всё, что в моих силах, чтобы рассказать людям правду.

— Подожди! Ты совершаешь ошибку!

Я бегу за ним, но Миша спасается, запрыгнув в ближайший экипаж.

— Дворец Анжелики Лисовой! — приказывает он, и два пегих жеребца хлещут снег стальными подковами, унося князя в самое сердце бури.

Глава 4:
Кровавое Воскресенье

"Пусть ангелы хранят твою обитель
От боли и страдания войны"
9 января 1905 года.

Прошло уже три недели с нашей первой встречи, но мисс Ди всё ещё кажется мне потусторонним существом, отделённым от всех остальных аурой светлой печали. Переводить для неё разговоры стало моей второй натурой, и осознание того, что ей нужна моя помощь, спасло меня от пассивной скуки человека, потерявшего надежду на будущее.

После того, как Миша забрал дневник Софии, я не слышала от него ни слова, а сама моя возлюбленная превратилась в молчаливое привидение, которое слушает без ответа и целует без чувств. Я бегу из её объятий в грёзы об англичанке.

С тех пор, как я показала ей Ледовую ярмарку, мы с Мисс Ди посетили все самые очаровательные места Санкт-Петербурга.

После лекций мы катаемся на коньках по Неве, исследуем Пассаж — самый модный магазин на Невском проспекте — и заказываем знаменитый медовый торт и вишнёвые штрудели в кондитерской «Север». Часто, наши прогулки затягиваются до поздней ночи. София ни разу не расспрашивала меня об этих поздних возвращениях. Единственные разговоры, которые у нас происходят, касаются денег, еды и погоды. Её равнодушие одновременно пугает и успокаивает меня.

Вечером воскресенья, за четыре дня до отъезда Мисс Ди, я обещаю показать ей Исаакиевский собор. Я выхожу из квартиры, пока София дремлет в кресле у камина перед тяжёлой ночной сменой. Она не спит в нашей постели уже две недели, говоря: «Ник посоветовал мне всегда находиться у огня. Это обеспечивает умственную устойчивость и концентрацию».

Моё сердце наполовину в гневе, наполовину в отчаянии от её слов, но я не протестую: «Ник, должно быть, прав. Он же врач, в конце концов», — тихо говорю я.

Где улыбающаяся, сильная, нежная София с пламенем жизни, горящим в янтарных глазах — что с ней стало?

Когда я выхожу из дома, Аркадий Иванович останавливает меня.

— У вас посетитель! — усмехается он.

Миша ждёт у входной двери. Его смущённый взгляд говорит мне больше, чем я хотела бы знать.

— Миша! — я бросаюсь обнимать его, но чувствую пронзительный взгляд консьержа и вместо этого жму князю руку. — Я так давно тебя не видела! Ты в порядке?

Миша молча уводит меня наружу, чтобы Аркадий Иванович не мог нас подслушать. Князь тянется к карману своего зелёного пальто и даёт мне позолоченную бумагу с изящным курсивом.

— Приглашение на бал госпожи Лисовой? — я подпрыгиваю от радости.

— Два приглашения, — поправляет он, — для тебя и Софии.

— Я думала, Анжелика отменила его, — говорю я, любуясь изысканными узорами, украшающими края каждого приглашения. — На этот раз она превзошла саму себя!

— Да, ей следовало всё отменить, — князь хмурится, заглядывая мне через плечо. — Maman хочет покрасоваться, как всегда. Правда в том, что… она скоро уезжает. Этот бал — прощальный, — голос Миши дрожит. — Мы уезжаем, Рита!

Я чувствую, как кровь отливает от моего лица, когда он это говорит. Одна лихорадочная мысль сменяет другую: «И почему я думала, что Анжелика уедет одна? Я не могу потерять Мишу — не сейчас, когда он нужен мне больше всего!»

— Когда? — спрашиваю я, смахивая слёзы.

— Тринадцатого января, — говорит он, встречая мой взгляд горькой улыбкой. — Вот зачем я пришёл — чтобы передать приглашение, и…

Миша сбивается. Я вижу, как слёзы застилают его глаза.

— Чтобы попрощаться?

— Чтобы сказать, что мне жаль.

— Не стоит, — говорю я, кладя руку ему на плечо. —

Кажется, София не так уж и скучает по своему дневнику. К тому же, я уверена, что с тобой он в безопасности.

— На самом деле, я отдал дневник кое-кому другому — этот человек знает Новикова лучше, чем мы с тобой, — говорит Миша, качая головой. — Но не волнуйся! Я верну его завтра — мы почти закончили с ним. Ох, я оставляю тебя в таком хаосе, Рита...

— Мне всё равно, что ты сделаешь с дневником, но обещай мне, что это не повлияет на Софию, — говорю я, сжимая его руку. — Сейчас я не уверена, что могу позаботиться о ней... Всё не так, как раньше.

— Рита, я был плохим другом, — плачет Миша, судорожно доставая платок из кармана пальто. — Я все объясню Софии на балу. Обещаю!

— Слушай, Миша: забудь про бал! — я отмахиваюсь, делая вид, что не замечаю его слёз. — Мисс Ди должна быть здесь с минуты на минуту! Я собираюсь показать ей Исаакиевский собор — хочешь присоединиться?

— Что за Мисс Ди? — Миша недоуменно чешет в затылке.

— Если бы ты не исчез так внезапно, ты бы знал, что вот уже три недели я работаю личной переводчицей и помощницей очаровательной англичанки, — говорю я с улыбкой, но Миша скрещивает руки на груди.

— А что именно она делает в Санкт-Петербурге? — спрашивает князь, приподнимая брови.

— Её пригласила твоя мать. Помнишь «давнего друга», о котором ты мне рассказывал? Так вот, Миша — это мисс Ди.

— А, речь о *ней!* — глаза князя распахиваются от удивления. — Да-да, я помню! Они встречались несколько раз во дворце за чаем и говорили по-французски — я как-то спускался из своей спальни и услышал так много французской речи, что мне пришлось удалиться восвояси. Ты же знаешь, как я ненавижу этот язык, — Миша взъерошивает свои вьющиеся волосы. — Ну, теперь всё ясно.

— Что ясно?

— Мать. Этот бал. Она хочет произвести впечатление на мисс Ди. Знаешь, она бы никогда не сделала ничего подобного, если бы рядом не было иностранного гостя, да ещё и старого друга. Я видел их вместе — они так смеялись! — говорит князь, протирая запотевшие очки. — Я не слышал смеха Анжелики с тех пор, как умер отец.

— Мне жаль, Миша.

Игла ревности пронзает моё сердце при мысли о том, что мисс Ди и госпожа Лисова снова сблизились, вместе вспомнив своё парижское лето.

— Всё в порядке. Ты же знаешь, что я чувствую по поводу его смерти, — говорит Миша, и океан гнева застилает его серые глаза. — Дмитрий умер смертью труса! Герои так не уходят. Я до сих пор помню отчаянные крики Анжелики, когда она нашла отца повесившимся на люстре в его кабинете с окнами, выходящими в парк — на всеобщее обозрение! Нет, мой отец умер как дурак! — Миша сжимает кулаки. — Если бы он принял тюремное заключение — может, его бы уже освободили! Дмитрий выбрал свою гордость, а не семью, —

говоря это, князь трясётся от ярости.

— А что бы выбрал ты? — я дёргаю Мишу за рукав, пытаясь вернуть его к реальности.

— Правду, как и всегда, — Миша удивлённо смотрит на меня. Его взгляд полон детской наивности.

— Оскорбишь императора лишь однажды, и всё кончено навсегда, — напоминаю я ему. — Ты повторишь судьбу отца прежде, чем осознаешь это.

— Если так, то я приму свою участь с благородной храбростью, а не с мелочным страхом, — говорит Миша, грозя кулаком небу.

— Ты не обязан заканчивать битву, которую начал твой отец, юный князь, — говорю я, беря его за руку.

— О, я закончу её, не сомневайся в этом! — почти шипит Миша. — Тихое Сопротивление уже распространило отрывки из дневника Софии среди граждан. Веришь ты в это или нет, люди открывают глаза. Волнения уже начались. Скоро ты сама всё увидишь... но я не буду больше задерживать тебя, Рита. Развлекайся со своей англичанкой и помни — сегодня Кровавое Воскресенье!

Миша отворачивается от меня и свистит, вызывая экипаж.

— Тогда увидимся на балу у Анжелики! — я улыбаюсь и машу ему рукой, но в моей груди поднимается волна гнева.

Я снова стала источником революционного плана Михаила Лисова. Когда он сбежит в Париж со своей матерью, а монархисты выяснят, кому принадлежит дневник, угроза тюремного заключения снова войдёт в нашу жизнь, и София

не сможет с этим справиться. Всё моё тело холодеет от предчувствия беды.

Когда экипаж с Мишей скрывается из виду, я замечаю знакомый женский силуэт на Синем мосту и бегу навстречу Мисс Ди. Она приветствует меня долгими, тёплыми объятиями. Одетая в роскошную шубу из сибирского соболя, англичанка излучает мягкую, всеобъемлющую нежность, которая приносит мне столько же счастья, сколько и боли от перспективы её скорого отъезда.

— Итак, дорогая Марго, вы дразнили меня этим угощением с начала времён! — усмехается мисс Ди. — Каждый день я наблюдала за чудесным Исаакиевским собором из нашего лекционного зала, и теперь я, наконец, буду его гостьей.

— Я хотела, чтобы вы увидели что-то особенно захватывающее, прежде чем уедете из Петербурга, — говорю я, улыбаясь, но её воодушевление не передаётся мне. После всех дней, проведённых с ней, моя сильная привязанность к мисс Ди была тайной, хранить которую становилось всё труднее.

От моей квартиры до собора всего десять минут ходьбы, но наша прогулка сама по себе становится приключением. Снег хрустит под сапожками мисс Ди, и я улыбаюсь, наблюдая, как моя спутница неуверенно замирает на склоне, ведущем к Исаакиевской площади.

Наконец, мисс Ди решается взять меня за руку, и мы вместе спускаемся на площадь.

— Даже после трёх недель исследования этого города я с трудом удерживаю равновесие! Здесь всегда так? — спрашивает она.

— Весной становится намного хуже, — говорю я. — Опасность ждёт и внизу, и наверху!

— Наверху?

— Сосульки! — усмехаюсь я.

— Полагаю, это был бы ужасный способ умереть, — с улыбкой говорит мисс Ди. — Подумать только: смерть от сосульки!

— Китс мог бы написать об этом стихотворение, — в волнительном предвкушении я сжимаю её руку, пока мы поднимаемся по каменным ступеням, ведущим к собору.

— Хотелось бы мне прочесть *ваши* стихи, Марго! Мне многое хотелось бы понять... ведь я до сих пор не знаю вас по-настоящему, — говорит она с глубоким вздохом.

— Напишите мне ваш парижский адрес, и я буду отправлять вам по стихотворению каждый день! — смеюсь я.

— Для меня вы будете писать стихи на английском?

— Конечно.

— Тогда решено! — мисс Ди отпускает мою руку, когда мы проходим мимо красных гранитных колонн и входим в собор.

В центральном куполе расположены двенадцать маленьких окон, через которые лазурный свет падает на картины, украшающие богатый интерьер собора. Мисс Ди поднимает глаза и ахает, увидев пять золотых люстр, свисающих со сводчатого потолка. В этом море розового мрамора, голубого гранита и тёмно-зелёного малахита, со статуями ангелов и мозаиками Девы Марии и Иисуса, покрывающими каждый дюйм стен собора, легко забыть о кровопролитии,

происходящем за много верст отсюда.

— Я знаю, о чём вы думаете, — говорю я мисс Ди, с интересом рассматривающей алтарь. — «Как могут люди, которые видят эту божественную красоту каждый день, быть теми же людьми, которые поддерживают войну?» Я постоянно задаю себе этот вопрос и не нахожу ответа.

Мисс Ди поворачивается ко мне. Когда наши взгляды встречаются, я улавливаю мимолётную тень жалости в её глазах, но она быстро сменяется невозмутимым спокойствием.

— Нет, моя дорогая, — говорит она, качая головой. — Я думаю, что люди, которые поддерживают это действо — давно потерянные души. Те, кто приходят в этот собор, делают всё возможное, чтобы сохранить мир, а иногда всё, что может сделать простой человек — это помолиться.

В обмен на монету монахиня даёт нам две свечи, чтобы мы зажгли их и поставили в подсвечник рядом с сотнями других, горящих уже давно.

— Я всегда сомневаюсь, помогают ли эти ритуалы, — говорю я, когда мы по очереди зажигаем наши высокие жёлтые свечи.

— Живым или умершим? — спрашивает мисс Ди.

— Слишком поздно помогать умершим, — отвечаю я, наблюдая, как она ставит свою свечу рядом с моей.

— Этот ритуал помогает от угрызений совести, — шепчет мисс Ди. — Люди зажигают свечи и молятся, чтобы очистить свою совесть. Разве вас не успокаивает знание о силе намного более могущественной, чем кто-либо из нас?

— А вы верите в эту силу?

— Иногда мне хочется верить, — говорит она, улыбаясь мне. — Многие вещи невозможно объяснить иначе.

Я поднимаю глаза и рассматриваю белого голубя, застывшего в центре купола.

— Дух свободы, — говорит мисс Ди, проследив за моим взглядом, — он здесь!

— Для кого вы зажгли свечу? — я наклоняю голову, наблюдая, как пламя наших свечей колышется в неподвижном воздухе, наполненном ладаном и миррой.

— Для того, кто мне очень дорог, — говорит она, и я останавливаюсь, поражённая золотым сиянием её карих глаз в бледном свете свечей.

— А я зажгла свечу для вас — для вашего благополучного возвращения домой, — шепчу я.

— Дом... Как вы думаете, это место и правда существует? У *вас* есть дом, Марго?

— Он существует, но не совсем так, как мы с вами, мисс Ди, — говорю я. — Дом наполняет сердце и душу. Я ищу его всю свою жизнь...

— Если бы я могла взять с собой Деву Марию, — улыбается она, — моё сердце было бы полно!

Я смотрю на икону Девы Марии с младенцем в окружении ангелов.

— Знаете, я могла бы достать её для вас, — отвечаю я, — но нам нужно дождаться темноты.

— Марго! — грозит мне пальцем мисс Ди.

— О, но я серьёзно! — шепчу я ей на ухо. — Я знаю тайный проход в колоннаду. Мы спрячемся там.

— Кажется, вы знаете много тайн, — говорит мисс Ди, с полуулыбкой заглядывая мне в глаза.

— Да, и если вы хотите разделить одну из них со мной, мы можем пойти на крышу и украсть Деву Марию по пути, — поддразниваю я её.

— Мне нравится ход ваших мыслей, юная леди, — говорит англичанка. Искры вновь танцуют в её тёмных глазах. — Но, если кто-то узнает — это была ваша идея!

— Даже если нас обнаружат, вид того стоит, — говорю я, дрожа от волнения.

До заката мы слушаем вечернюю службу. Хор плавных, воздушных голосов поёт «Гимн Богородице». Небесная музыка заполняет огромное пространство вокруг нас и поднимается к вершине купола, звеня силой и страстью веков.

— И теперь, когда мы услышали пение ангелов, вы заставляете меня совершить преступление? — с притворным ужасом спрашивает мисс Ди, когда я веду её к потайной двери собора.

— Да — преступление длиной в триста ступеней, — говорю я, наблюдая, как моя спутница исчезает в тёмном дверном проёме.

Освещённая свечами лестница ведёт нас к гигантскому барабану купола, и спустя четверть часа непрерывного

подъёма мы выходим наружу, на колоннаду.

— Теперь я вижу, — вздыхает мисс Ди в благоговении, — что рай — это место на земле.

— Рай — это место на крыше Исаакия! — говорю я, улыбаясь ей.

Англичанка не отвечает на мою улыбку. Она выглядит торжественно и мрачно среди бронзовых статуй ангелов, охраняющих собор.

— Я рада, что вы сохранили это место для одного из моих последних дней здесь, — говорит она, прижимая руки к груди. — Оно волшебное.

— На самом деле, у меня есть ключ от каждой крыши в Санкт-Петербурге, так что я могу показать вам гораздо больше, — говорю я, глядя на мерцающий внизу город.

— Не сомневаюсь! Но *эта* крыша самая особенная из всех, не так ли? — Мисс Ди берёт меня за руку. Опаловое кольцо на её указательном пальце отражает свет полной луны. — Вы были правы, Марго. Этот вид стоит любого риска.

В своём богатом зимнем убранстве с призрачными облаками дыма, окутывающими его крыши и шпили, Санкт-Петербург напоминает далёкое сновидение. Бесчисленные уличные фонари сияют вдоль его проспектов, словно светлячки, летящие в ночь.

— Вы готовы к балу госпожи Лисовой? — спрашиваю я мисс Ди, когда она бросает задумчивый взгляд на Зимний дворец.

— Анжелика была так любезна, что пригласила меня, но я

не понимаю, как ей удалось всё устроить так быстро, — Мисс Ди пожимает плечами. — В нашу последнюю встречу она обещала разослать приглашения всем близким друзьям... включая вас.

— Сомневаюсь, что пойду, — признаюсь я, — это пир во время чумы.

— О, вы *должны* там быть! — Мисс Ди с чувством сжимает мою руку в своей и смотрит в полуночное небо. — Поверьте мне — жизнь даёт нам не так много шансов. Позвольте себе быть юной, Марго. Я вижу, вы думаете, что в происходящем вокруг есть ваша вина. Вы представляете, будто эта война — коллективная ответственность, и потому чувствуете её непреодолимый груз на своих плечах, но я говорю вам, как человек, который когда-то чувствовал то же, что и вы, — эта боль скоро пройдёт. Вы вновь обретёте надежду. Я обещаю вам это. Не губите себя из-за вещей, которые никогда не сможете изменить. Те, у кого есть власть — дайте им почувствовать этот груз. А они обязательно почувствуют его со временем. Так происходит всегда.

— Мисс Ди, — говорю я, приближаясь к ней на шаг. — Вы идёте на бал только из-за госпожи Лисовой? Вы были *больше*, чем просто друзьями, не так ли?

Я осознаю всю тяжесть своих слов, только когда становится слишком поздно, и у меня сжимается горло. Лицо англичанки становится мрачным от раздумий.

— Я понимаю, что вы имеете в виду, — наконец произносит мисс Ди. Её голос звучит особенно вкрадчиво. — Тем летом

в Париже я желала чего-то, что не могло сбыться. Анжелика была намного старше меня и счастливо замужем. Иногда лучше любить издалека.

— Вы лжёте! — выпаливаю я. Боль и гнев наполняют мою грудь.

— Почему же? — мисс Ди хмурится, пронзая меня своим напряжённым, тяжёлым взглядом.

— Вы говорите, что лучше любить издалека, и всё же, когда госпожа Лисова позвала вас, вы приехали, рискуя всем, чтобы увидеть её снова, — говорю я, боясь взглянуть на мисс Ди.

— Я приехала в Петербург по многим причинам, — отвечает она, — одна из них — Анжелика, да, а другая — вы.

— О чём вы? — я застываю в недоумении.

— Анжелика написала о вас в приглашении, — мисс Ди наклоняется ближе, и я чувствую, как движется воздух, когда она говорит.

— Госпожа Лисова рассказала вам обо мне? — я делаю шаг назад, недоверчиво качая головой.

— Да, и она говорила о вас с обожанием, — продолжает мисс Ди. — Она сказала, что её сын подружился с блестящей молодой женщиной, с которой она хотела бы меня познакомить. Анжелика была не единственной, кого очаровали ваши таланты. Валентина подтвердила её слова и перечислила все качества, которые могли бы сделать вас первым профессором английской литературы в университете. Я приняла их приглашение с величайшим удовольствием,

зная, что буду здесь полезна — если бы не вы, я бы вовсе не приехала.

Глаза мисс Ди загораются пылкой страстью — никогда раньше я не видела ничего подобного. Эта перемена кажется слишком резкой. Мне остаётся лишь наблюдать в заворожённом молчании, когда её руки ложатся мне на плечи.

— Я приехала сюда, думая о вас, — говорит англичанка, понижая голос. — Это величайшая привилегия — находиться рядом с той, кто собирается изменить историю, и я могу помочь вам изменить её — если вы всё ещё этого хотите, конечно.

Полная луна сияет в её глазах, и моё отражение растворяется в её светящемся ореоле.

— Конечно, хочу! — говорю я. — Но вы же не можете остаться здесь, со мной?

— Когда я уеду, мы будем писать друг другу, — Мисс Ди улыбается и берёт мои руки в свои.

— Вы когда-нибудь жалели, что не рискнули тогда — с Анжеликой?

— Да, но это в прошлом, — вздыхает она.

— Тогда почему бы вам не рискнуть *сейчас*? — шепчу я.

Наши пальцы переплетаются, и я смотрю на её губы — бледно-малиновые в лунном свете. Мисс Ди притягивает меня ближе, и я с жадностью вдыхаю огненный аромат фиалок. Покрытый снежинками мех её соболиной шубы касается моей щеки, а тепло её дыхания задерживается на моей открытой шее. Я закрываю глаза.

Выстрел раскалывает ночь надвое.

Вздрогнув, мы смотрим в сторону Зимнего дворца. Сотни людей атакуют ворота резиденции императора, и стража отстреливает их один за другим. Душераздирающие крики наполняют ледяной воздух. Северный Ветер воет, неся сажу и порох на своих смертоносных крыльях.

— Мы должны уйти, — говорит мисс Ди, ведя меня обратно к лестнице. — Здесь больше небезопасно.

Побледнев, я бросаю последний взгляд на полуночную панораму — кажется, что терракотовый фасад Зимнего дворца блестит от крови.

— Я найму экипаж, чтобы вы быстрее вернулись домой, — успокаивает меня мисс Ди, всё ещё держа мою руку в своей.

— Со мной всё будет в порядке! Сначала мне нужно проведать кое-кого, — говорю я, вспоминая, что скоро закончится ночная смена ничего не подозревающей Софии. «Я должна предупредить её о начавшихся беспорядках», думаю я, но мой взгляд останавливается на Мисс Ди. Пристально посмотрев на меня, она отпускает мою руку. Крики и выстрелы всё ещё раздаются вдалеке, когда англичанка садится в свой экипаж.

— Сегодня вам удалось меня удивить, —я машу ей рукой на прощание.

— Ах, вас ждёт ещё много сюрпризов! — отвечает мисс Ди, посылая мне воздушный поцелуй. — Увидимся на балу!

Я тяжело вздыхаю, провожая её взглядом. Моё сердце, кажется, вот-вот рассыплется от противоречивых чувств. Поскольку приглашения всё ещё в моей сумке, я решаю встретиться с Софией в конце её смены и поделиться

хорошими новостями — госпожа Лисова пригласила нас на бал, в конце концов! Пусть сейчас София отстранённая и холодная, её глаза всегда начинали сверкать от одного упоминания о Зимнем бале.

Пройдя Невский проспект, я поворачиваю на юг в неосвещённый переулок, где над серыми складами и аптеками возвышается лечебница для вернувшихся солдат. Холодные кирпичные стены этого неуютного здания встречают меня той мрачной безнадёжностью, которой обладают только старые психиатрические больницы, впитавшие в себя скорбные настроения своих обитателей.

— София ещё занята, — говорит рыжеволосая медсестра у входа, и мне приходится ждать.

Через полчаса после окончания смены Софии я начинаю терять терпение. Когда старшая медсестра спешит в дамскую комнату, я выхожу из зала ожидания в длинный коридор. Каждый шаг я делаю осторожно, чуть дыша от напряжения и тревоги. Приглушённые вопли, плач и визг измученных пациентов эхом отдаются в моей голове. Когда я дохожу до двери кабинета Новикова, сквозь эту безумную какофонию продирается ещё один болезненно знакомый звук: стоны Софии. В ужасе я прижимаю ухо к стене и отчётливо слышу её голос, хриплый от страсти:

— Ник... мой дорогой, любовь моя!

— София, — рычит в ответ низкий баритон.

Я с отвращением отшатываюсь от стены кабинета и быстрым шагом направляюсь к выходу. Раньше мне казалось, что, услышав, как она выкрикивает чужое имя, я сойду с ума,

но я больше не влюблена. И я не чувствую угрызений совести, когда приглашение Софии падает на пол. Не оглядываясь, я покидаю лечебницу, доктора Новикова и мою бывшую возлюбленную.

— У вас была напряжённая ночь, сударыня, — констатирует Аркадий Иванович, приветствуя меня у парадной.

— Разве? — я содрогаюсь от его взгляда.

— Слышали-с о народных волнениях? — говорит он. — Кровопролитие уже свершилось, голубушка. Боль и смерть окружают нас — и ваша маленькая подруга снова на улице — в эту ужасную погоду! Как вам это нравится, а?

— Аркадий Иванович, пожалуйста, переходите к делу, — я закатываю глаза.

— Вам посылка — с доставкой лично в руки и, должен сказать, весьма дорогая.

Лысый консьерж чешет в затылке, ожидая моей реакции.

— Где расписаться?

Аркадий протягивает мне бумагу, и я оставляю подпись резким росчерком, который заставляет его ухмыльнуться.

— Что ж, теперь она вся ваша! — говорит он, подмигивая мне. — Краснее, чем революция.

Тяжёлая малиновая коробка с печатными буквами, гласящими «Maison Worth»[1], оказывается у меня в руках. Я бегу наверх, чтобы посмотреть, что внутри, не обращая внимания на пристальный взгляд Аркадия.

Отнеся посылку в спальню, я наклоняюсь над камином, чтобы разжечь огонь. Когда пламя становится достаточно

1. Французский дом высокой моды

ярким, я осторожно открываю коробку и обнаруживаю внутри тёмно-бордовый бархат, тёплый на ощупь.

«Это вечернее платье!» Я ахаю и достаю подарок из коробки — его длинный шлейф касается моих бёдер, и я разворачиваюсь, прижимая полупрозрачные рукава к плечам. Еле дыша от восторга, я примеряю обновку. Платье сидит на мне как влитое.

На дне посылки я нахожу короткую записку:

Дорогая Марго,
Ты будешь сиять, как рассвет на этом Зимнем балу.
Э.Д.

Я без труда узнаю витиеватый почерк англичанки, и мой взгляд задерживается на её инициалах. За всё это время я так и не осмелилась спросить её имя. Я прижимаю записку к губам и наслаждаюсь ароматом розово-фиалковых духов мисс Ди. Мечты о скорой встрече с ней не дают мне уснуть. Я завожу музыкальную шкатулку на туалетном столике — подарок Софии — и слушаю знакомую мелодию. Вальс уносит мои мысли прочь от войны, революции, неверности Софии и всех моих забот.

Сияй, как рассвет, — шепчет нежный голос, когда я поддаюсь беспокойному сну.

Глава 5:
Вальс с Императрицей

“Возрадуйся, о северный правитель,
На лживом троне восседаешь ты!”
10 января

Зимний бал госпожи Лисовой встречает меня призрачным мерцанием хрустальных ярусных люстр, приглушёнными голосами танцующих пар и золотистым шипением шампанского.

Меж сотен гостей, собравшихся в этом грандиозном дворце, мои глаза инстинктивно находят мисс Ди. Среди волнующегося моря пастельных оборок, её пленительный силуэт, таящийся в тени, вдали от света свечей и бесконечных вальсов, приковывает моё внимание. Мисс Ди опирается на мраморную каминную полку в конце бального зала, и

блестящая накидка в тон её сверкающему чёрному платью ниспадает на её плечи, словно крылья отдыхающего лебедя. Золотая заколка в форме глаза с мерцающим зрачком-изумрудом поддерживает её тёмные локоны сзади, оставляя лишь две тонкие пряди, обрамляющие нежный овал её лица.

С улыбкой я думаю, как серьги, которые я купила ей сегодня, дополнили бы ослепительный ансамбль мисс Ди. Узнав об измене Софии, я без сожаления рассталась со сбережениями, предназначенными для её именин. Возможно, это эгоистично, но мне хотелось, чтобы у мисс Ди осталось что-то на память обо мне.

Погружённая в философскую беседу с одним из французских профессоров, месье Лафламмом, англичанка словно остаётся отрезанной от шумного бального зала. Яркий свет и пустой смех ничего не значат для неё, и даже теория Вселенной Лафламма забавляет её не больше, чем сухой комплимент Евгения Холодова.

— Как вы очаровательны, мисс Дейз! — самопровозглашённый гений физики слегка наклоняет голову, не в силах скрыть свой сильный сибирский акцент за широкой улыбкой.

— Et voici le diable lui-même,[1] — шипит Лафламм и поворачивается спиной к более высокому и молодому сопернику. Французский профессор уходит, проклиная «le diable»[2] и «ce monstre sibérien».[3]

— Как же вы ласковы сегодня, мой дорогой доктор

1. «А вот и сам дьявол»
2. «дьявола»
3. «этого сибирского монстра»

Холодов! — говорит мисс Ди, отпивая шампанское из высокого фужера. — Но в следующий раз вам следует быть осторожнее: перебить месье Лафламма — всё равно что оказаться на гильотине.

— Единственная гильотина, которой я боюсь, это жестокость вашей улыбки, — говорит Холодов с самодовольной ухмылкой.

Я смотрю на мисс Ди, ожидая, что она оскорбится, но англичанка едва сдерживает смех.

— Вам нравятся жестокие женщины, не так ли, доктор Холодов? — усмехается она.

— Ваша жестокость дополнила бы моё остроумие, — говорит Холодов, почёсывая бороду. — Если хотите, я могу рассказать вам о моей теории зарождения Вселенной.

— Ах, по́лно вам! — мисс Ди пренебрежительно взмахивает веером, словно пытаясь избавиться от назойливой мухи.

Но сам вредитель не понимает её намека. Доктор Холодов делает шаг вперёд, протягивая руку англичанке.

— В таком случае, обещайте мне следующий вальс!

Мисс Ди приподнимает брови и улыбается, как палач, готовящийся обезглавить свою жертву.

Она собирается ответить на рискованное предложение Холодова, когда я подхожу к ним. Шлейф моего бархатного платья отвлекает говорящих своим мягким шуршанием.

— Мисс Ди! — я делаю реверанс, а затем с холодной вежливостью киваю разочарованному доктору Холодову.

— Прошу прощения за опоздание! — на мгновение, я

замолкаю, заметив странную ухмылку Евгения. — У меня были срочные дела, но теперь ваша переводчица готова служить вам всю ночь.

— Разве танцы нуждаются в переводе, Градова? — Холодов, довольный своим афоризмом, подмигивает мисс Ди, но профессор английского обращается ко мне с неожиданной мягкостью, как будто я и вовсе не опоздала.

— Я вижу, вам пришёлся по вкусу мой подарок, — говорит она, глядя на меня с одобрением.

— Это самое красивое платье, которое я когда-либо видела, мисс Ди — за исключением вашего, конечно!

— Не все любят тьму, — вздыхает англичанка, беря меня за руку. — Но я рада, что вам нравится мой наряд — нужно пережить ночь, чтобы увидеть рассвет.

Тут её взгляд устремляется вдаль, и Мисс Ди машет Анжелике, которая входит в бальный зал в атласном розовом платье с воротником из кружевных снежинок. Её по-королевски уложенные серебристо-светлые волосы, увенчанные золотой диадемой, отражают мерцающий свет свечей и бриллиантовое сияние снега за высокими окнами дворца.

Госпожа Лисова подходит ближе, и мы с мисс Ди делаем реверанс Королеве бала. Взгляд Анжелики, кажется, на целую вечность задерживается на англичанке, прежде чем она приветствует нас.

— Эделайн, Маргарита — как приятно видеть вас на моём балу!

«Эделайн...» — думаю я — «Ох, и почему мне пришлось впервые услышать её имя из уст женщины, которую она любила, и — может быть — всё ещё любит!»

— Надеюсь, вы сможете смириться с отсутствием мужчин, за исключением Лафламма, Холодова и Миши, — с грустью говорит Анжелика, махнув рукой в сторону бального зала. — Остальных призвали участвовать в жестокой резне.

— Ох уж это вторжение! — говорит мисс Ди, качая головой.

— Специальная операция, — поправляет её госпожа Лисова, понизив голос.

— И как долго она продлится, моя дорогая?

— Увы, наша страна никогда уже не увидит дневного света, — отвечает Анжелика, — но я надеюсь, что этот вечер станет для вас лучом надежды в океане тьмы.

— Не стоит извинений, — говорит англичанка, мягко касаясь её руки. — Мы всё понимаем. К тому же мне никогда не требовались мужчины, чтобы испытать удовольствие.

Я начинаю было краснеть, вникая в смысл её слов, но тут Мисс Ди поворачивается ко мне с дерзкой улыбкой.

— Марго, надеюсь, вы познакомите меня с сыном Анжелики? В отличие от своей матери, он, похоже, совершенно не интересуется языками, поэтому нам пришлось бы общаться с помощью жестов.

— О, я с удовольствием вас познакомлю, — говорю я, — Миша — чудесный юноша!

— Да уж — чудесный юноша, который никогда не слушает

свою мать! — госпожа Лисова смеётся и машет нам веером. — Извините — кажется, меня зовёт Валентина.

Мы с мисс Ди обмениваемся понимающими взглядами, когда она исчезает.

— Миша уже несколько недель сам не свой, — говорю я, наблюдая за помрачневшим лицом мисс Ди. — И всё же Анжелика должна винить не его, а проект Евгения Холодова — князь тратит всё своё время на работу над ним.

— Неужели? — говорит мисс Ди, поглядывая на Евгения, который всё ещё вслушивается в наш разговор, стоя поодаль. Встретив настороженный взгляд англичанки, он подходит ближе.

— Князь Михаил работает над вашим проектом, доктор Холодов? — с лукавой улыбкой спрашивает мисс Ди. — Вы как-то упомянули его название, но сейчас оно ускользает от меня — что-то о воспламенении? — обращается она к нему, но обнаруживает, что доктор наук лишь потерянно качает головой, очевидно, всё ещё приходя в себя после фиаско с вальсом.

— Ммм… воспламенение… да, что-то о воспламенении, — бормочет он, опуская глаза.

На этот раз мисс Ди не может сдержать смех, и я вижу то, чего никогда не надеялась увидеть: Холодов — этот высокий, стойкий мужчина — начинает краснеть так, будто кто-то только что пролил бокал красного вина на его суровые, щетинистые щёки.

Англичанку недолго занимает это зрелище. Повелительно

взмахнув своим веером, она снова устремляет взгляд вглубь зала.

— Марго, отведите меня к нему, — говорит мисс Ди, указывая на единственного наследника Лисовой, который будто ищет кого-то среди калейдоскопа бантов и пышных платьев.

Мы подходим к Мише. Он видит меня и так широко улыбается, что кажется будто весь бальный зал озарился тёплым свечением. Князь Лисов наконец-то заменил разбитые очки, а его волосы теперь аккуратно уложены и зачёсаны назад по последней моде.

— Искали меня, князь? — я делаю реверанс.

— Да, Маргарита, мой дорогой друг! — Миша наклоняется, чтобы поцеловать мне руку. — Как великолепно ты одета сегодня!

— И тебе очень идёт этот фрак! — говорю я, улыбаясь ему.

В этот момент рука мисс Ди оказывается за моей спиной, чтобы поправить развязавшийся бант, и дружелюбное выражение лица Миши сменяется искренним удивлением.

— Вижу, ты не одна! — он хмурится, поправляя очки.

— Мисс Дейз хочет поговорить с тобой, — объясняю я, — поэтому мне придётся переводить.

— Мы уже пробовали говорить на латыни, — князь недовольно скрещивает руки, — но, как ты знаешь, на языке мёртвых далеко не уедешь.

Он медленно переводит взгляд с меня на мисс Ди.

— Чем я могу быть полезен?

Я перевожу, и мисс Ди выходит вперёд.

— Князь Михаил, каково это быть сыном величайшей благодетельницы университета? — спрашивает она.

— О, это просто великолепно! — кивает Миша. — Если бы только щедрость моей матери могла спасти мои оценки... Увы! Мне приходится страдать так же, как и всем остальным.

Однако мисс Ди не пытается соответствовать его ироничному тону.

— Кажется, вы с Евгением работаете над важным проектом. Поэтому я не видела вас в университете всё это время?

К моему удивлению, Миша, повторяя участь Холодова, краснеет под пронзительным взглядом англичанки.

— Доктор Холодов и я проводим много времени вместе — это правда, — собравшись с мыслями, говорит он. — Я почти не вижу дневного света! Будьте уверены, мир скоро услышит о нашем открытии. Однако суть этого проекта — секрет, который я пока не могу вам раскрыть.

— Я так и думала, Михаил, — она оборачивается, чтобы взглянуть на Холодова. — Но всё же, вам следует быть осторожнее. Мы живём во времена великих волнений, и сейчас особенно важно выбирать друзей с умом.

Миша хмурит брови, но мисс Ди продолжает.

— Анжелика чувствует себя одинокой без вас, князь. Разве вы этого не знаете? Стоит больше времени проводить с близкими вам людьми, прежде чем станет слишком поздно.

— Вы мне угрожаете? — почти шипит он, сжимая кулаки.

— Миша! Как ты можешь такое говорить? — шепчу я, но

мисс Ди останавливает меня взмахом руки.

— Прошлой ночью, — говорит она, быстро взглянув на меня, — кое-кто заставил меня понять, как важно любить, пока это возможно, — мисс Ди с чувством сжимает мою руку, и я сбиваюсь от волнения.

— Она извиняется, — объясняю я Мише вместо дословного перевода.

— Ваша мать прожила жизнь, полную страданий и потерь, Михаил, — спокойно продолжает англичанка, будто поёт колыбельную. — Не заставляйте её потерять и вас тоже.

— Вы очень странная женщина, мисс Дейз, — говорит Миша, широко улыбаясь, но я замечаю, как дёргается его левый глаз. — Если Анжелика сама приказала вам передать это сообщение, скажите ей, что оно получено. А теперь, если вы позволите, нам с Маргаритой нужно кое-что обсудить.

Миша возвышается над англичанкой с решительным взглядом победителя, и она отпускает мою руку, оставляя нас наедине.

— Что же ты делаешь, Миша? — спрашиваю я, оглядываясь на мисс Ди, присоединившуюся к Анжелике на другом конце бального зала.

— Это что *она* делает?! — говорит он. — Я не позволю незнакомой женщине диктовать, как мне жить!

— Всегда дело в *твоей* жизни, не так ли? — я отшатываюсь от князя, поражённая яростью, пылающей в его серых глазах.

— Я же говорил тебе, что не выношу этой привычки maman! Она вечно обращает свои страдания во всеобщий

праздник... и я не могу больше разговаривать с той, кто пытается контролировать каждый мой шаг!

— Никто не пытается контролировать тебя, — говорю я, собираясь обнять его, но уже слишком поздно. Князь отталкивает меня и выбегает из бального зала в одну из тёмных комнат в конце коридора, где слуги хранят свои вещи. Я бегу вслед за Мишей и вижу, как он открывает один из деревянных сундуков в тускло освещённой комнате.

— Где твоя возлюбленная? — с раздражением спрашивает он, и я вижу дневник Софии в его руке. — Я обещал вернуть ей это.

— Миша... Я должна тебе кое-что рассказать.

Кажется, князь замечает отчаяние в моём голосе, потому что буря за его глазами на мгновение утихает. Мы садимся на пыльный сундук, и я со вздохом опираюсь на его плечо.

— София и Новиков? — шепчет Миша. Его напряжённый взгляд прожигает меня насквозь.

— Да. Они вместе, — говорю я с дрожью. — Вчера я была в лечебнице и услышала, как София занималась любовью с этим ужасным человеком.

— Мне так жаль! — Миша обнимает меня за плечи. — Как ты держишься?

— Правда в том, — говорю я, виновато глядя на него, — что я сама влюбилась в другую.

Миша резко встаёт и закрывает лицо руками.

— В мисс Дейз?

— Это очевидно, не так ли? — я опускаю взгляд, чтобы

защититься от его реакции.

Князь оборачивается и становится передо мной на колени.

— Рита, это неправильно. Что ты собираешься делать, когда она уедет?

— Я что-нибудь придумаю! А пока, пожалуйста, оставь меня в покое, — умоляю я, и слёзы, блестящие в моих глазах, заставляют его тяжело вздохнуть.

— Ладно. Возьми дневник Софии, и я больше не буду поднимать эту тему.

— Спасибо, — говорю я, пряча дневник в сумочку. — Я уже начала было ненавидеть тебя за то, что ты зря подверг Софию опасности, но Тихое Сопротивление оказалось не таким уж и тихим. Может быть, в твоей схеме есть смысл. Мне жаль, что я не смогла стать её частью.

— Тсссс, — шепчет Миша, — это только начало!

Мы снова входим в бальный зал, и я вижу, что мисс Ди всё ещё разговаривает с госпожой Лисовой. Я делаю шаг к ним, но Миша хватает меня за руку.

— Если ты действительно мой друг, — говорит он, — не позволяй этой иностранке встать между нами.

— Что ты имеешь против неё?

— Дорогая, эта женщина... — Миша смотрит на мисс Ди, и презрение снова разжигает огонь в его серых глазах. — Она надменная, властная, драматичная и злая — разве ты этого не видишь?

— А ты, — мой голос предательски дрожит, — просто ревнуешь, Миша!

Я высвобождаю руку из его крепкой хватки и неспешно прохожу мимо князя в конец бального зала, где стоит улыбающаяся мне мисс Ди.

— Марго! — англичанка протягивает мне бокал шампанского. — Ты как раз вовремя. Анжелика собирается произнести тост.

Госпожа Лисова со страстью поднимает свой бокал.

— Я пью за всех невинных людей, чьи жизни были разрушены бессмысленной специальной операцией, развязанной нашей Империей, и за всех вас, моих верных друзей, прибывших сюда, чтобы разделить со мной последний момент мира перед моим отъездом в Париж. Профессор Уварова, мне приятно объявить, что я продаю этот дворец и жертвую все деньги Санкт-Петербургскому государственному университету. Несмотря на мои прегрешения, я надеюсь, что вы будете вспоминать обо мне с теплотой.

Профессор Уварова, чьё серое платье сделало её почти невидимой среди остальных гостей, благоговейно сжимает руки на груди.

Все хлопают, но звенящий голос Миши перекрывает аплодисменты, заставляя толпу замолчать.

— В твоём вине кровь, Анжелика! Ты мало заботишься о мёртвых — и ещё меньше о живых, — кричит он.

Госпожа Лисова бледнеет. Она отступает на шаг и что-то шепчет мисс Ди. Англичанка лишь качает головой и смотрит, как Миша приближается к нам.

— Ты не можешь искупить свою вину балами и

пожертвованиями! — усмехается он. — Вместо того, чтобы что-то сделать, ты заставляешь нас покинуть наш дом, и я тебя за это ненавижу! Ты заботишься только о себе — о своей щедрости, своей безопасности и своих друзьях. Тем временем гибнут невинные люди: они гибнут, а ты бежишь!

С мрачным видом Мисс Ди берёт Анжелику за руку. В бальном зале воцаряется тишина.

— А ты, Рита, — говорит Миша со слезами на глазах, — *ты* разочаровала меня больше всех.

Князь Лисов направляется к выходу, и тревожный шёпот прокатывается по толпе зрителей. Я хочу последовать за ним, но Анжелика останавливает меня быстрым взмахом руки.

— Оставьте его, — шепчет она с печальной улыбкой.

Евгений Холодов поднимает свой десятый бокал шампанского и выпаливает: «Могу ли я тоже кое-что сказать?»

— Пожалуйста, — отвечает Анжелика.

Сдержанная безмятежность её голоса заставляет меня вздрогнуть. Тем временем, Евгений оглядывает зал с торжественной улыбкой.

— Мой младший брат, мой дорогой Ваня, вернулся с войны два месяца назад — говорит он, — но я его так и не увидел. Я виню доктора Новикова! Да, вы не ослышались — доктор Новиков заведует психиатрической больницей для вернувшихся с фронта солдат. Господь благослови его душу! Ваш сын винит не тех людей, госпожа Лисова, и я надеюсь, что вы найдёте в себе силы простить его. За вас и за наше будущее!

Евгений залпом допивает шампанское и просит у одного из официантов ещё один бокал.

— Теперь, когда мужчины закончили свои речи, — говорит Анжелика, всё ещё бледная от шока, — почему бы нам, дамам, не забрать бальный зал в своё полное распоряжение? Мои дорогие музыканты, давайте сыграем белый вальс — «Спящая красавица» Чайковского как нельзя лучше подходит для этого случая.

Когда начинает играть музыка, мисс Ди улыбается мне.

— У меня такое чувство, будто я только что посмотрела трагикомедию, хотя не поняла ни слова, — вздыхает она.

— Простите! Я была слишком ошеломлена, чтобы переводить, — говорю я, заметив, что Евгений следует за Мишей из бального зала.

— О, не беспокойтесь! — смеётся мисс Ди. — Некоторые вещи, как ранее заметил доктор Холодов, не нуждаются в переводе.

— Миша был очень несправедлив к госпоже Лисовой, — объясняю я, но мисс Ди прерывает меня, наклоняясь ближе, так что я слышу биение её сердца среди громкого вальса.

— Моя дорогая, — говорит она, — я уверена, что он уже сожалеет о своих словах. А теперь, могу я пригласить вас на танец?

Она уверенно берёт меня за руку, и я не могу устоять.

— Я ужасно танцую, — признаюсь я, позволяя ей вести.

В отсутствие Евгения и Миши профессор Уварова остаётся единственной женщиной с партнёром-мужчиной — обаяние

Лафламма, кажется, растопило ей сердце.

Среди двадцати пар, состоящих только из женщин, мы с Мисс Ди не вызываем особого любопытства, и на мгновение я забываю, что, если бы не обстоятельства, мне пришлось бы танцевать с мужчиной.

— Можно называть вас Эделайн? — спрашиваю я — шампанское придаёт мне смелости.

— Да, можно! — Мисс Ди смеётся, кружа меня по бальному залу.

— Эделайн, — говорю я, пытаясь отдышаться, — мне столько хотелось бы вам рассказать, но у нас совсем не осталось времени...

— Мы найдём время, Марго. Я вам это обещаю. Пойдёте завтра на «Лебединое озеро» со мной и госпожой Лисовой? Вы так много рассказывали мне про Мариинский театр... Анжелика заверила меня, что сняла ложу с лучшим видом для нас троих.

— Это то, о чём вы с ней только что так увлечённо говорили?

— Именно так — но это была идея Анжелики. Она хочет выразить вам свою благодарность за то, что вы не оставили меня! — англичанка смотрит на меня с нежностью, и я таю в её объятиях.

— Я никогда бы не оставила вас, Эделайн — вы это знаете.

Мы парим на волнах музыки, и её чёрное как ночь платье сливается с моим алым. Купаясь в мерцающем свете свечей, я вспоминаю, как её лицо озарилось удивлением, когда мы

поднялись на крышу Исаакиевского собора — я почти поцеловала её той ночью... Глаза Эделайн украли лунный свет и теперь отражают его. Их серебристое пламя так легко проникает в моё сердце, будто у этой женщины всегда был ключ к его самым потаённым уголкам.

Я наблюдаю за танцующими вокруг нас. Их воздушные движения, лёгкий стук ног по лакированному паркету и звонкий смех — всё сливается воедино. Я словно плыву, едва справляясь с течением. Приятное головокружение от вальса внезапно превращается в кошмар: один порыв Северного Ветра с воем распахивает высокие окна бального зала. Своими ледяными пальцами метель тушит свечи, и музыка резко обрывается.

Эделайн кружит меня в унисон со стонами ветра, пока другие гости корчатся в агонии. Они замерзают и, как давно иссохшие трупы, рассыпаются в прах — с ужасом я вижу, как их плоть смешивается с липким, кроваво-красным снегом. Соединившись в страстном объятии, София и Новиков наблюдают за мной по ту сторону разбитых окон. «Они гибнут, а ты бежишь», — вторит призрачный голос в глубине моего сознания. «Они гибнут, а ты бежишь. Они гибнут, а ты...» Я задыхаюсь, и тьма поглощает всё.

— Марго, мы почти приехали, — доносится до меня чей-то мягкий шёпот. Я просыпаюсь в объятиях Эделайн, пока наша карета барахтается в океане ветра, снега и льда.

— Что случилось? — испуганно бормочу я, чувствуя знакомое тепло её соболиной шубы под моей щекой.

— Мы танцевали, и вы упали в обморок, моя дорогая. Я взялась отвезти вас домой.

— Какой ужас! Пожалуйста, простите меня, Эделайн. Должно быть, я испортила вам бал. — с усилием я поднимаю свою потяжелевшую голову с её колен.

— Это *мне* следует извиниться — в следующий раз я буду более внимательной партнёршей по танцам. — с этими словами Эделайн снимает с меня белые шёлковые перчатки и гладит мою руку. — Можно? — спрашивает она, и всё тепло её тёмных глаз отражается в моих, когда Эделайн медленно подносит мою руку к своим губам.

— Да... — я сдерживаю вздох, но моё сердце неистово колотится, когда я чувствую горячее прикосновение её губ.

— Этой ночью я танцевала с императрицей, — шепчет она, пристально глядя мне в глаза.

— Будьте осторожны, а то я снова могу упасть в обморок! — я смеюсь, но мой голос дрожит.

Кучер останавливает лошадей, и Эделайн помогает мне выйти из кареты. Всё ещё чувствуя головокружение, я

опираюсь на её руку, когда до нас доносится голос Софии.

— Рита, где ты была?! — кричит она сверху, и я вижу, как её тёмные локоны мелькают в окне третьего этажа.

— Кажется, по вам скучали, — говорит Эделайн. — Пообещайте мне заботиться о себе, дорогая, и не забудьте о балете! Я заеду за вами заранее — вы ведь не откажетесь пообедать со мной? — не дожидаясь ответа, она оставляет меня в объятиях молнией спустившейся Софии, которая встречает англичанку мрачным молчанием.

Когда я закрываю дверь квартиры, София огрызается на меня.

— Ты что, сошла с ума? Кто эта женщина? И откуда взялось это платье?

— Мне многое нужно тебе рассказать, София, но *ты* должна рассказать мне ещё больше.

— Ничего не понимаю! Ты исчезаешь на ночь, не сказав ни слова, и ещё хочешь, чтобы *я* тебе что-то рассказала? — продолжает кричать она.

Я обессиленно опускаюсь у камина и смотрю, как пламя колышется в ритме моего учащённого сердцебиения.

— Вчера Миша дал мне приглашения на Зимний бал — для нас с тобой, — говорю я, глядя на Софию. — Я пошла в лечебницу, чтобы сделать тебе сюрприз — ты целый год мечтала об этом празднике, и я надеялась увидеть тебя счастливой. Вместо этого я услышала, как ты называла доктора Новикова «любовь моя». Мне добавить что-нибудь ещё?

София бледнеет и опускается на пол рядом со мной. Слёзы

блестят в её больших янтарных глазах.

— Мне жаль... Мне так жаль! — она всхлипывает и обхватывает моё лицо своими хрупкими холодными руками.

— Мне тоже жаль, София, — говорю я, глядя мимо неё в дрожащие языки пламени. — Я прочитала твой дневник — точнее, его часть... — я перебираю содержимое своей сумочки, ища её дневник, но нахожу только серьги, которые собиралась подарить Эделайн.

— Не беспокойся об этом, — говорит София, хватая меня за запястье. — Я тебя не виню. Мне не следовало заводить роман с Ником, но что сделано, то сделано. Знаю, ты не будешь любить меня, как прежде, после того, что ты услышала... Но разве мы не можем попытаться всё исправить?

Я смотрю в глаза Софии, полные печали и слёз. Её слова звучат искренне, и мне больно говорить ей правду.

— Исправить? Нет. Слишком поздно. В моём сердце не осталось любви, которую я когда-то испытывала к тебе.

— Ах, это из-за той великосветской дамы, что вывела тебя из кареты? — усмехается София. — Ты последняя дура, если веришь, что она когда-нибудь полюбит тебя.

— Для меня это не имеет значения, — говорю я, не глядя на Софию. — Единственное, чего я хочу сейчас, это покоя. Она понимает меня, и этого достаточно.

— Она разрушит твою жизнь, и ты будешь умолять меня вернуться! — кричит София сквозь слёзы. — Но будет слишком поздно, потому что я переезжаю в квартиру Ника. И да, у меня есть ключ!

— София! — я пытаюсь остановить её, но она отталкивает меня и уходит в лихорадочной спешке, сбивая по пути музыкальную шкатулку с туалетного столика.

Шкатулка открывается, и из неё доносятся несколько слабых металлических нот.

Она играет тот же вальс, под который я танцевала с Эделайн.

ПРЕДСМЕРТНОЕ ПИСЬМО СОФИИ

11 января 1905 г.

Моя голубка,

Я никогда не прощу себе того, что сделала с тобой, и ты тоже не должна прощать меня. Теперь я знаю, что ты влюблена в другую, и, может быть, это к лучшему. Я никогда не смогла бы обеспечить тебе безопасность и спокойствие, которые так необходимы для счастья. Знаю, ты лгала каждый раз, когда говорила, что не хочешь ничего большего. Конечно, ты хочешь большего. И ты этого заслуживаешь. Что касается меня, мне уже нечего терять.

Когда я оставила тебя после нашей ссоры и пошла к Нику, я нашла его лежащим на полу среди странных документов, фотографий и схем. Его тело было ещё тёплым, но он не подавал признаков жизни. Я долго плакала над ним. Думаю, кто-то убил его той же ночью — всего за несколько минут до моего прихода.

В бумагах, которые я нашла в его квартире, были какие-то ужасные, зверские, несправедливые обвинения. Ты была права. Он следил за нами. То есть, за тобой. Я была наивна, думая, что он любил меня. Ник просто хотел собрать информацию о тебе, и я давала её так охотно, надеясь, поначалу, что он найдёт способ излечить твои «видения». Потом я

рассказала ему всё до последнего, потому что влюбилась в него, в его доброту, щедрость и понимание.

Я сожгла все бумаги, в которых тебя называли причастной к революционному движению. Когда ты найдёшь это письмо, Рита, пожалуйста, сожги и свои стихи тоже, и скажи Мише, что он в опасности. Я увидела его имя, обведённое красным.

Когда я уничтожила улики, я была настроена решительно.

В любом случае, я не выбралась бы отсюда живой, поэтому мне было всё равно, поймают ли меня. Когда я вышла из квартиры Ника, было раннее утро, и я не могла вынести мысли о том, чтобы сразу вернуться к тебе. Я много часов ходила по Невскому проспекту, окружённая счастливыми людьми, у которых вся жизнь впереди, тогда как моя уже кончилась.

Аркадий предложил мне вечернюю газету, когда я вернулась, и смерть Ника была в заголовке. Кто-то уже описал женщину, которая ушла из его квартиры в ночь его смерти. Весь город искал меня. Я знаю, что только одно может спасти нас обеих.

Тебя уже не было, когда я вернулась. Это письмо я оставила, чтобы помочь тебе понять, почему я покончила с собой. Пожалуйста, не вини себя ни в чём.

Я не боюсь смерти, потому что знаю, что мы с тобой нашли то, что искали. Надеюсь, эта женщина позаботится о тебе так, как я никогда не смогу.

Прощай,
София

Глава 6:
Умирающий Лебедь

“На тонком льду кружится балерина
В лазурном платье Зимнего дворца…”
11 января

Эделайн приезжает в полдень.

Задумчивая и уставшая, я встречаю её экипаж на набережной Мойки. После ссоры с Софией мне с трудом удалось уснуть, и тяжёлые мысли о вчерашней ночи до сих пор преследуют меня.

Англичанка с улыбкой открывает дверцу кареты, и я забираюсь на плюшевое сиденье рядом с ней. Эделайн, как всегда, сияет спокойствием и богатством: экстравагантная причёска подчёркивает её высокий лоб, а её манеры отражают самодовольную уверенность в том, что всё будет хорошо,

независимо от того, сколько денег она потратит этим вечером.

— Надеюсь, вы хорошо выспались, Марго?

— Едва ли, — отвечаю я, невольно останавливая взгляд на едва заметных морщинках, появившихся в уголках её рта. Эделайн будто смеялась всю ночь напролёт. — А вы?

— Я полностью разделяю вашу усталость... Сначала я заехала к Анжелике — она беспокоилась о вашем здоровье — а затем вернулась в своё скромное жилище, как только взошло солнце. Я сказала Анжелике, что вы пойдёте с нами на «Лебединое озеро». Верно? Вы смотрите на меня так, будто что-то изменилось.

— Я с нетерпением жду своего первого визита в Мариинский, — говорю я, — но скажите мне — вернулся ли князь Лисов домой?

— Михаил... Анжелика вовсе не упоминала о нём, а я была слишком озабочена вашей безопасностью, чтобы спрашивать о человеке, который подверг вас такому риску.

— Какому риску? — я чувствую, как кровь приливает к лицу.

«Неужели она всё знает?» — проносится у меня в голове.

— Разве он не предал вас на балу? — говорит Эделайн, приподнимая брови. — Пусть мне были непонятны слова князя Лисова, я видела, как сильно он вас расстроил...

— Предательство... Не знаю, что именно сказала вам Анжелика. Миша сам был очень расстроен, но он бы ни за что не предал меня, — говорю я сквозь стиснутые зубы.

— Марго... Я видела, как он что-то достал из вашей

сумочки, прежде чем вы присоединились к нам с Анжеликой, — продолжает Эделайн.

— Миша? — говорю я, качая головой. — Нет, этого не может быть! Вам показалось!

— У меня не хватило смелости рассказать вам об этом в присутствии его матери. Теперь же я жалею о своём молчании, — говорит она. — Я не была уверена, произошло ли то, что я видела, на самом деле, пока Анжелика не рассказала мне, как несправедлив он был к вам.

Я вспоминаю, как Миша схватил меня за руку — и как сильно яростные языки пламени, пляшущие в его глазах, испугали меня.

Она надменная, властная, драматичная и злая — разве ты этого не видишь?

Это был Миша. Он взял дневник Софии, используя обидные слова, чтобы отвлечь меня. Но почему? Потому что он понял, что я влюбилась в Эделайн — женщину, которая не заслужила его доверия?

— Вы так бледны! — англичанка берёт меня за руку. — Я не хотела вас огорчать, Марго. Миша украл что-то важное?

— Это была просто книга, — говорю я, неуверенно глядя на неё. — Тут не из-за чего огорчаться. Но всё равно благодарю за то, что рассказали об увиденном.

— Я бы хотела рассказать вам раньше, но мне нужно было убедиться, что князь действительно способен на это, — говорит Эделайн, лаская моё запястье.

— Миша всё ещё мой друг.

— Понимаю... Но он не стоит ваших слёз и бессонных ночей, — Эделайн сжимает мою руку с нежным упрёком.

Наша карета неспешно скользит по Невскому проспекту. Я любуюсь красочными фасадами зданий, окутанных снежной дымкой.

— Возможно, вы правы, Эделайн. Я потратила слишком много сил на помощь другу, который совсем меня не ценит. Но плакала я не из-за этого. Вчерашний вечер меня измотал — вот и всё.

— В таком случае, позвольте мне загладить свою вину, — говорит она, прижимая мою руку к груди. — Нас ждёт обед в ресторане «Палкинъ». Надеюсь, вы не против...

— Но это же самый дорогой ресторан в городе! — я задыхаюсь от волнения. — Зачем вы это сделали?

— Дорогая моя, — говорит Эделайн со сдержанной улыбкой, — я всего лишь хотела угодить вам — и ничего больше.

Я содрогаюсь, представляя себя в окружении аристократов. Бал Анжелики заставил меня понять, что я никогда не буду чувствовать себя равной им. Эделайн — другое дело. Мне кажется, будто я знакома с ней уже тысячу лет, как будто в тех других жизнях, которые нам не суждено узнать, мы шли вместе, рука об руку. Были ли мы любовницами? Врагами? Кто знает... Но, когда я смотрю ей в глаза, то вижу отражение всех своих мыслей, чувств и самых сокровенных желаний, которыми я ни с кем до неё не могла поделиться.

— Вы снова витаете в облаках, — нежно упрекает меня

англичанка, — а мы уже прибыли.

Кучер останавливает наш экипаж у главного входа в ресторан «Палкинъ», и знакомая атмосфера пышной роскоши встречает нас своими золотыми объятиями.

Идя под руку с Эделайн, я не чувствую на себе оценивающих взглядов, как это всегда бывало с Софией. Россия — невероятная страна, где иностранцев любят больше, чем русский народ.

— Ваш столик уже готов, мисс Дейз! — суетится хозяин ресторана — неуклюжий мужчина с выпирающим животом и великолепными бакенбардами. — А это, должно быть, Маргарита? Я рад-с, очень рад-с...

Полный господин пожимает мне руку и ведёт нас к одинокому столику, покрытому белой скатертью. Расположенный у большого витражного окна, он открывает вид на вечно спешащий Невский проспект, залитый пёстрой толпой.

— Благодарю, Василий, — Эделайн улыбается так, словно этот господин только что спас её от неминуемой гибели.

— Невероятно, — замечаю я с притворным неудовольствием, — вам удалось рассказать обо мне всему Петербургу!

— Вы же не против? — спрашивает Эделайн с лукавой усмешкой.

— А у меня есть выбор? — парирую я.

Даже самый бессмысленный разговор с этой женщиной превращается в остроумную игру, из которой я никогда не

выйду победительницей. Да и зачем мне побеждать?

— Вы сами выбрали меня, — шепчет Эделайн, — не сразу, но...

— Что вы имеете в виду? Я не понимаю ваших загадок.

— Вы всё прекрасно понимаете, Марго. Вы могли бы пойти на бал с другой, но выбрали... *меня*.

— Вы о себе очень высокого мнения! — я краснею, вспоминая, что прошлой ночью она отправила меня прямиком в объятия Софии.

— Конечно, — говорит Эделайн, пристально глядя мне в глаза. — А что насчёт вас? Какого вы о себе мнения?

Её прямота поражает меня. Я пытаюсь ответить, но тут официант приносит нам шампанское, одним движением открывает его и, придерживая бутылку своими белоснежными перчатками, наливает шипящее золото в наши бокалы.

— Это лучшее шампанское Санкт-Петербурга, — говорит он с гордой улыбкой.

— Приятно получить то, чего не ожидаешь, особенно если за это не нужно платить! — смеётся Эделайн, подмигивая мне.

— Все стараются угодить вам, — говорю я, когда официант исчезает, чтобы обслужить более важных гостей за столиком, скрытым восточной ширмой.

— Я была здесь без вас, и мне не наливали шампанского, — Эделайн протягивает руку, и мы чокаемся. — За дух молодости и перемен! — восклицает она.

— Молодость и перемены! — повторяю я, осушая свой бокал. — Вы действительно думаете, что в России что-то

изменится?

Эделайн смотрит на меня с нескрываемым удивлением.

— Вы в это не верите? — спрашивает она с искренним интересом иностранки, которая по-прежнему очарована сказочным образом заснеженной империи.

— Больше нет.

— Разве вам не хотелось бы жить в государстве, где можно свободно высказывать своё мнение и ругать власть?

Эделайн знает, что никто в этом зале не поймёт её слов, кроме меня, но я всё равно оглядываюсь, ожидая увидеть приближающихся к нашему столу палачей.

— Разве вы не знаете, что пропасть между желанием и реальностью непреодолима? — говорю я, глядя на неё с упрёком, но глаза этой циничной женщины загораются весельем.

— Пропасть между желанием и реальностью непреодолима! Это отличный тост! — Эделайн смеётся и отпивает из своего бокала, словно лучшее шампанское в Северной столице украшает каждый её вечер.

— Вы никогда не поймёте, — я еле сдерживаюсь, чтобы не повысить голос, — каково это — жить в постоянном страхе, бояться каждого сказанного слова, каждого жеста и прикосновения. Вам никогда не угрожали арестом, а ваших друзей не сажали в тюрьму. Как вы можете говорить о «переменах» с улыбкой, когда люди здесь и по ту сторону границы просто пытаются выжить? Мы вместе видели бойню той ночью, когда я привела вас на крышу Исаакиевского

собора — вы будто забыли об этом?

— Не забыла, — Эделайн тянется к моей руке, но я отшатываюсь от её прикосновения.

— Вы так это называете? — спрашиваю я её. — Для вас дух молодости и перемен — это кровь невинных людей? Эта трагедия станет намного хуже. Мы с вами отдыхаем в этом приторно роскошном заведении, обсуждая судьбу империи, как будто революция может произойти в одно мгновение. Вы учились в Сорбонне и должны понимать, что перемены никогда не происходят таким образом! Сколько ещё боли придётся вытерпеть моей стране? А украинцы — сколько страданий потребуется, чтобы принести им мир, которого они заслуживают?

Эделайн замирает с бокалом в руке, слушая каждое моё слово с внимательностью опытного хирурга, который зашивает едва бьющееся сердце.

— Пожалуйста, простите меня, Марго, — заметив моё смятение, англичанка всё же накрывает мою руку своей. Её опаловое кольцо сверкает в золотом свете солнца, льющегося через витражное окно. — Я не могу представить, что вы чувствуете, но всё же хочу вас понять. В конце концов, я тоже потеряла свой дом и покинула семью, чтобы вести жизнь своей мечты. Вы поддерживаете связь с родителями? Я помню ваши рассказы об Уральских горах — тяжело, когда самые близкие люди так далеко, не так ли?

Глубокая обеспокоенность в её голосе кажется искренней, но я снова отдёргиваю руку. Сейчас не время для чувств. Я

не хочу, чтобы Эделайн запомнила меня такой — несчастной, хрупкой, брошенной девочкой. С начала войны я почти не получала писем — ни от Лары, ни от родителей. Почта перехватывается, и режим уничтожает любые упоминания о вторжении, чтобы поддерживать иллюзию «мира». Конфиденциальности больше не существует — но я сомневаюсь, что Эделайн поймёт мои страхи.

— Не вижу смысла переписываться с теми, кого люблю, — говорю я наконец, опуская взгляд, чтобы не видеть тепло её глаз, по-прежнему смотрящих прямо на меня. — Мои родители не могут приехать в Петербург, потому что вся их жизнь проходит у ворот Сибири. Даже если бы они захотели встретиться со мной, они знают: пока война не кончится, путешествовать опасно. Поверьте мне — я совсем не беспокоюсь. Есть гораздо бóльшие печали, чем временное молчание.

— Железнодорожное движение во время войны ограничено, — говорит Эделайн, кивая. — А тайну переписки сохранить почти невозможно. Я вас понимаю, и мне очень жаль.

Она смотрит мне в глаза с таким пламенным сочувствием, что мне хочется прижаться к её груди и рассказать ей правду — что я больше не знаю, есть ли у меня дом и живы ли мои близкие. В Екатеринбурге — городе ссылки для военнопленных — жизнь превращается в ледяную тюрьму. Последнее письмо Лары заканчивается такой фразой:

«Не знаю, сколько ещё я смогу это выносить».

Я могла бы признаться во всём Эделайн. Вместо этого я качаю головой.

— Давайте не будем говорить об этом сейчас, в такой торжественный день, — шепчу я и замечаю боль в её глазах. Эделайн пытается скрыть свои чувства жадным глотком шампанского.

— Ну что ж, Марго... Я могу говорить с вами о чём угодно — о «Лебедином озере», например.

Когда официант приносит нам горячие закуски — трюфельные котлеты и голубцы с крабом — Эделайн искупает свои дерзкие вопросы восторженными речами о балете.

— И всё же, зачем госпожа Лисова пригласила меня? — спрашиваю я, когда подают основное блюдо. — Ведь это её последний вечер в Санкт-Петербурге с вами.

— Когда мы любим кого-то, — говорит Эделайн, — мы не боимся делить его компанию с другими.

— Я не согласна. Когда любишь кого-то, хочется быть с ним наедине — чтобы вас никто не беспокоил.

— Да, но есть разные виды любви, — Эделайн осторожно смотрит на меня, словно оценивая мою реакцию. — Мы с Анжеликой просто друзья и ничего больше — в конце концов, прошло столько лет!

— Время... все думают, что оно лечит сердце и помогает нам погрузиться в реку забвения, но это всего лишь миф — настоящие чувства невозможно забыть, — говорю я со вздохом, который заставляет Эделайн улыбнуться.

Невольно я начинаю думать о Софии. Официанты,

кружащие вокруг нашего столика, напоминают мне тот далёкий декабрьский день, когда мы с моей бывшей возлюбленной укрылись от снежного шторма в ресторане «Вена». *Где она сейчас? В постели с Новиковым? Счастлива ли она?*

— Анжелика пригласила и Холодова тоже, — говорит мне Эделайн за роскошной тарелкой перепелов в медовой глазури.

— Простите, доктора Холодова?

Последние слова Софии звенят у меня в ушах, и я не могу сосредоточиться — не в этом дорогом ресторане с гротескными шторами, узорчатыми красными коврами и тяжёлыми люстрами. Словно заворожённая, я смотрю на Эделайн: она потягивает шампанское, как заморская королева.

«Ты последняя дура, если веришь, что она когда-нибудь полюбит тебя!»

— Вы против? — спрашивает англичанка, вытирая губы белоснежной салфеткой. — Думаю, она пригласила Евгения потому, что он защитил Анжелику на Зимнем балу, когда её предал собственный сын.

— Я не против, Эделайн... Но я не могу перестать думать о...

— Его ухаживаниях? — ухмыляется она. — Не бойтесь! Евгений не ловелас, а сноб — имея прямой доступ к Анжелике, он будет ухаживать только за ней. Она перевела мне его речь, и я подумала: как ужасно, что его брат пропадает в этой лечебнице!

— Анжелика рассказывала вам что-нибудь о докторе Новикове? — спрашиваю я. Эделайн задумывается.

— Немного. Вы его знаете?

— Лучше бы я его не знала.

— Марго, — говорит Эделайн, решительно беря меня за руку, — я надеялась, что этот обед отвлечёт вас от всех трудностей, которые вы пережили. После вчерашней ночи... я хочу оберегать вас, понимаете?

Её глаза блестят, когда она смотрит на меня.

Я хочу сказать: «Со мной всё будет хорошо», но слова застывают у меня в горле.

— Я знаю, что вы прекрасно можете защитить себя сами, — продолжает она, — но я хотела бы предложить хоть какое-то утешение. Я видела, как Михаил бросил вас вчера. Это была моя вина, не так ли?

— Вовсе нет, я...

— Мне не следовало с ним разговаривать, — настаивает Эделайн. — Простите меня.

Моё сердце замирает в груди, когда она это говорит. Я качаю головой.

— После его слов... Я должна попытаться простить Мишу, а не вас.

— Если вы потеряли в нём друга, — осторожно продолжает англичанка, — надеюсь, вы сможете обрести во мне родственную душу. Я сама не раз испытывала предательство.

— Вы просите, чтобы я излила вам душу, потому что вы уезжаете, — говорю я. Горькая улыбка застывает на моих

губах.

— Вы думаете, я так жестока? — голос Эделайн дрожит. На мгновение я уверена, что она заплачет. Вместо этого она спокойно кивает, когда официант приносит счёт.

— Нет, — говорю я, глядя на неё, — вините меня — это я была жестока. Вы проводите один из своих последних вечеров в Санкт-Петербурге в моей компании, а я только и говорю, что о вашем скором отъезде.

Я открываю сумочку и вручаю ей рубиновые серьги.

— Наденьте их сегодня вечером, — прошу я Эделайн, — и сохраните в память обо мне.

— Марго, — говорит она, глядя на меня с удивлением, — это слишком дорогой подарок! Я не могу его принять.

— Если это последнее, что я могу вам дать —

— Но вы уже так много дали мне! Я вечно буду у вас в долгу... — Эделайн улыбается драгоценным камням, сверкающим на её ладони, и с нежностью встречает мой взгляд, но тень сомнения пробегает по её лицу. — Вы ведь не потратили всю свою зарплату только для того, чтобы показать, насколько я вам дорога?

— Конечно же, нет, — говорю я, — но даже если и так — какое это имеет значение?

Скрывая вечернее платье под тёмно-бордовым плащом, Эделайн касается моей руки с выражением нежной заботы, но не говорит ни слова. Вместе, мы направляемся к выходу. Англичанка останавливается, чтобы примерить серьги, и улыбается нашему отражению в зеркале ресторанного зала.

— Вы такая красивая, — шепчу я.

Она берёт меня под руку, и мы снова выходим на холод.

— Снег, вечный снег! — встречает нас на углу улицы госпожа Лисова. Лёд украшает её карету, будто она совершила путешествие на Северный полюс, прежде чем приехать сюда.

— Я искала своего сына, — говорит она. — Не видела Мишу с самого бала.

— Не хочешь отменить наши вечерние планы? — спрашивает Эделайн. — Мы могли бы поискать его вместе.

— О, я бы ни за что на свете не пропустила шедевр Чайковского! — восклицает госпожа Лисова, ведя Эделайн в карету. Я присоединяюсь к ним, и вскоре заснеженные улицы Санкт-Петербурга проносятся перед нашими глазами.

Лисова, похоже, не так уж сильно скучает по сыну.

— Миша скоро вернётся, — повторяет она. — Послезавтра ему придётся навсегда попрощаться с этим городом.

— Я так и не простилась с Лондоном, — замечает Эделайн, — прощания необратимы, и разве каждый из нас не захочет — однажды — вернуться?

— Только не я, — отвечает госпожа Лисова, — никому не рассказывайте об этом, но я устала жить здесь, на этой испорченной, умирающей земле. Я потратила всё, что могла, чтобы сделать её лучше для тех, кто должен остаться, но я хочу другого будущего для своего сына.

Я опускаю глаза в пол. Она, должно быть, забыла, что я тоже остаюсь.

«Скоро, скоро», — шепчет Северный Ветер, — «не будет ни боли, ни страданий, ни смерти. Ничего. Только снег, пустота и блаженство. Забудь свои печали, Маргарита. Помни

лишь обо мне. Лишь обо мне. В этой мятежной стране только у меня есть свобода, только у меня есть возможность изменить твою жизнь к лучшему. Прислушайся ко мне. Прислушайся».

Ветер повторяет свою звенящую колыбельную, и наша карета мчится к холодному закату. Мы видим, как на улицах собираются люди — сотни молодых мужчин и женщин, молчаливых, но решительных. Некоторые из них машут нам руками.

«Остановите войну!» — начинает скандировать толпа. «Россия будет свободной!» Палачи уже окружают их, но мы поворачиваем, прежде чем я успеваю увидеть, что происходит с протестом.

— Я всегда остаюсь сторонним наблюдателем, — говорю я, отворачиваясь от окна кареты.

— Мы все такие, — отвечает Эделайн, — пока нам есть что терять.

Госпожа Лисова, Эделайн и я прибываем в Мариинский театр. Евгений Холодов приветственно машет нам. Он уже щеголяет у главного входа в своём роскошном костюме-тройке.

— Анжелика рассказала мне о его брате, — шепчет Эделайн, когда мы подходим поприветствовать Евгения. — Подумать только, доктор Новиков пытает этих солдат, и никто не хочет проверить его зверские методы!

Я не отвечаю ей. Моя ненависть к солдатам так же велика,

как и моё презрение к Новикову.

Госпожа Лисова приветствует Холодова отточенным взмахом руки в шёлковой перчатке.

— Есть ли новости от моего сына? — спрашивает она голосом, в котором вместе с материнской любовью звенит горечь предательства.

— Ничего, — отвечает Холодов, поглаживая бороду. — Я погнался было за Мишей, когда он ушёл с бала, но ваш сын ясно дал понять, что не хочет со мной говорить. Видите эту пощёчину? — Холодов с ледяной улыбкой показывает на красное пятно возле левой скулы.

— О, это просто невозможно! — восклицает Лисова.

— Миша сошёл с ума, или, как вы, люди высшего общества, говорите: впал в лихорадку, — Холодов усмехается. — Не волнуйтесь, он это перерастёт.

— Прошу прощения, Евгений, я и не думала, что он может быть таким агрессивным! — госпожа Лисова снова машет рукой, словно пытаясь уловить мысль, которая ускользала от неё всё это время. — Вы сможете простить его?

— Что тут прощать? — Холодов качает головой. — Это молодость, огонь и страсть! Вы согласны, мисс Дейз?

Со вздохом я перевожу его слова Эделайн. Она хмурится.

— Молодость бывает разной, Холодов. Я не могу простить того, кто обидел Анжелику, будь то её сын или сам господь бог.

— Вам удобно так говорить, — замечает Евгений, расплывшись в игривой улыбке, — ведь вы совершенно не

знаете первого и не верите во второго.

— Я верю, — прищурившись, парирует Эделайн, — что это прекрасный вечер, и вы не сможете омрачить нашу радость своими колкими замечаниями. Ты согласна, Анжелика?

Госпожа Лисова кивает и поднимает задумчивый взгляд к небу.

— Мариинский театр не похож ни на один другой, — говорит она. — Посмотрите, как лучи заката переливаются на его малахитовых сводах, как прекрасен его светло-изумрудный фасад и округлый купол! Даже самый пылкий огонь не смог бы поглотить его целиком. Я часто представляю себе это божественное здание, охваченное пламенем. Красота должна умереть красиво. Именно это мы увидим сегодня. Верно, Маргарита?

— Анжелика, ты невероятна! — Эделайн качает головой. — Разве можно так зловеще говорить о представлении, которое мы увидим впервые?

То, как она смотрит на госпожу Лисову, зажигает пламя ревности глубоко в моей груди.

— Поверь мне, Эделайн, мы живём в таком представлении каждый день, не замечая этого.

После этих слов Анжелика разворачивается и спешит к главному входу театра. Мы следуем за длинным шлейфом её платья и оказываемся в просторном зале. Как она и сказала, Мариинский поражает всех впервые пришедших гостей. Здесь нет ни красного бархата, ни тяжёлых занавесей, к которым привыкли заядлые посетители театров. Вместо привычных

тёмных, внушительных оттенков нас окружают бледно-мятные стены и бирюзовые своды, украшенные гладкими белыми скульптурами серафимов. Мы входим в гигантский гардероб и теряемся в мишуре светских львиц, желающих избавиться от дорогих мехов на время балета. Госпожа Лисова приветствует старых знакомых и улыбается. Тем временем, Миша, должно быть, строит очередной революционный план, готовясь сорвать побег матери.

«Как же это, наверное, больно — всю жизнь прятаться за дорогой маской!» — думаю я, наблюдая, как глаза Анжелики застилает надменное равнодушие.

Плащ Эделайн, словно дикая бордовая орхидея, ниспадает с её плеч. Синее атласное платье англичанки привлекает всеобщее внимание.

— Кажется, кто-то решил одеться под стать Мариинскому театру, — говорит госпожа Лисова.

— Ты снова дразнишь меня! — усмехается Эделайн.

— Совсем скоро ты поймёшь, что я имею в виду.

Вслед за госпожой Лисовой, мы направляемся к своим местам. Анжелика первой предъявляет свой билет и входит в ложу, самую дорогую, напротив «царской» ложи, где император и его семья располагаются, чтобы посмотреть балет.

— Ах, это невероятно! — Эделайн прижимает руки к груди и оборачивается, словно приглашая меня разделить её восторг. — Я так люблю именно эти цвета — тёмно-синий, лазурный, а эта золотая отделка повсюду! Разве не прелесть?

— Рада, что вам нравится, — говорю я, стараясь не показывать своего смущения.

Я всегда хотела стать частью этого мира, но он мне чужд. Этот сверкающий сон, в котором Эделайн и госпожа Лисова чувствуют себя как дома, ускользает от меня. Я никогда не позволю ему властвовать надо мной, потому что мне дороже зов Северного Ветра, треснувший лёд на Неве и песня соловья в прохладную белую ночь.

Нарушая мои размышления, Холодов, ухмыляясь возможности «провести время с тремя очаровательными дамами», как он объявил по прибытии, гордо занимает место рядом с госпожой Лисовой.

Я сажусь рядом с Эделайн. Мягкое театральное освещение подчёркивает изгибы моего кружевного платья цвета морской волны — наконец-то у меня появился повод его надеть!

— Марго, вы ослепительно хороши! — восклицает англичанка, наконец оторвав взгляд от убранства театра.

— И вы, — шепчу я, пытаясь сдержать дрожь в голосе. Никогда ничья красота настолько не завораживала меня.

Тёмно-синее платье Эделайн с золотой вышивкой, облегающей её талию и грудь, напоминает мне о звёздной ночи, окутавшей Петербург своими туманными объятиями.

С трудом я отрываю взгляд от англичанки и оцениваю невиданную роскошь королевского театрального пространства, от широкой сцены, увенчанной часами в золотой оправе, до драматического великолепия ангельских фресок над ней. Из нашей ложи открывается захватывающий вид

на оркестровую яму, и я наблюдаю, как мерцают свечи, пока оркестр репетирует «Танец маленьких лебедей».

— Я забыла извиниться, Марго — надеюсь, я не доставила вам слишком много неприятностей прошлой ночью, решив отвезти вас домой, — шепчет Эделайн.

— О, совсем нет! — не думая, отвечаю я, глядя на великолепный потолок театра, где херувимы танцуют вокруг хрустальной люстры, держась за руки в лазурно-голубом небе.

— Мариинский — шедевр сам по себе, — замечает англичанка, следуя за моим взглядом. — Подумать только: мы увидим и услышим ещё один шедевр в этом волшебном месте — да это же настоящий рай! Я так рада, что вы присоединились к нам, Марго!

— Анна Павлова сегодня впервые исполнит танец умирающего лебедя, — добавляет госпожа Лисова. — Эта талантливая женщина преобразит искусство балета, помяните моё слово!

— Всё великое искусство вдохновляется поэзией, — говорит Эделайн. — Помнишь гимн смерти дикого лебедя? — она поворачивается к госпоже Лисовой. — Пресытясь небом, умирает лебедь. И лишь меня жестокое бессмертье снедает: медленно я увядаю в твоих объятьях на краю вселенной.[1]

— Конечно, я помню это стихотворение Теннисона! — Анжелика кивает, и воспоминания затуманивают её взгляд.

— Что лучше — радость в пустыне или печаль в раю? — спрашивает Эделайн, склонив голову.

---

1 Отрывок из стихотворения «Тифон» Альфреда Теннисона, перевод Г. Кружкова.

— Радость быстро проходит. Печаль вечна. Мы с тобой это слишком хорошо знаем, — отвечает госпожа Лисова.

— Какой жуткий разговор! — перебивает Холодов. — Я лично не могу не радоваться, потому что сегодня меня окружают замечательные женщины, — добавляет он, пытаясь имитировать британский акцент Эделайн. Она презрительно усмехается, но Евгений продолжает с детским восторгом.

— Чудесно! Просто чудесно! — восклицает он. — Если бы я только знал, что один тост позволит мне оказаться в такой великолепной компании, я бы пил за вас каждый день, госпожа Лисова.

— Будьте осторожны с дифирамбами, мой дорогой, — предупреждает его Эделайн, — даже самая тонкая лесть должна иметь предел.

Евгений намеревается что-то ответить, но опускает взгляд на брошюру, лежащую у него на коленях, как только угольно-чёрные глаза англичанки пронзают его насквозь.

— Вот это женщина! — шепчет Холодов госпоже Лисовой. — Нет, вы это слышали — *самая тонкая лесть?* Ах, что за женщина эта ваша мисс Дейз!

Он не успевает закончить свою мысль, потому что занавес поднимается, и оглушительный шквал аплодисментов заполняет Мариинский. Когда публика затихает, из оркестровой ямы доносится тончайший звук флейты. Скрипки и гобой дополняют эту нежную мелодию, пока она не переходит в возвышенную симфонию полуночного леса.

Я следую ритму чарующей музыки, загипнотизированная

ослепительной магией театра, и чувствую биение сердца Мариинского каждой клеточкой своего тела — его мелодия умножает печаль и счастье, превращая их в невидимую картину с красками, которые можно лишь почувствовать. Прима-балерина начинает свой неспешный танец в тумане, окутывающем королевские владения.

У замёрзшего озера Одетта встречает злого колдуна, который превращает её в сказочного лебедя. Десятки лёгких девушек парят над сценой в своих пушистых белоснежных пачках, и я с безмолвным благоговением наблюдаю за их грациозными движениями. Требуется немалая сила, чтобы двигаться так непринуждённо, сливаясь с волнительной музыкой, словно духи Северного Ветра.

Эделайн наклоняет голову, любуясь мастерством танцоров. По мере развития сюжета, мне всё труднее удержаться от того, чтобы не смотреть на неё. Реакция англичанки на происходящее едва ли не более соблазнительна, чем сам балет.

Чёрный лебедь появляется на сцене в головокружительном пируэте, и я трепещу, глядя на её сапфировую корону. Одиллия — злой двойник Одетты — соблазняет принца, и королева лебедей страдает: боль измены отражается в изломанной резкости её движений.

Если даже самый прекрасный лебедь оплакивает предательство, почему мы вообще верим в любовь? Белое и Чёрное, Инь и Ян, свет надежды и всеобъемлющая тьма утраты завлекают нас в свой пылающий хаос. Анжелика права: все мы кружимся в этом танце — танце жизни и смерти — из

которого никто не может выйти победителем.

Занавес опускается — первый акт окончен. Я поворачиваюсь, чтобы взглянуть на Холодова — когда все встают, один из билетёров подходит к нему с таинственной запиской. Евгений быстро читает её, бледнеет и исчезает, не сказав ни слова.

— Твой спутник бросил тебя, Анжелика, — говорит Эделайн, ухмыляясь ей, — он, должно быть, нашёл свою Одиллию!

— У преклонного возраста есть одно преимущество: перестаёшь принимать всё близко к сердцу, — говорит Лисова. — А когда кто-то решает уйти, спокойно позволяешь ему это сделать, — она улыбается и выходит из ложи.

— Холодов получил записку. Что бы это могло быть? — спрашиваю я Эделайн.

— Что-то ужасное, в этом нет сомнения, — отвечает она. — Как вы обычно говорите? Меньше знаешь — крепче спишь.

— Любопытство не даёт мне спать, — протестую я, — и в конце концов тайное всегда становится явным, не так ли?

— Предлагаю посетить буфет, — Эделайн встаёт и протягивает мне руку. — Тайны Холодова меня совсем не интересуют. Он носит маску измученного гения, который думает, что может безнаказанно напиваться на благотворительных вечеринках Анжелики. Она всегда слишком добра к тем, кто её недостоин.

Я следую за Эделайн в буфет. Изучив винную карту, она заказывает два бокала пино нуар.

— За «Лебединое озеро»! — говорит она.

Мы чокаемся, и я закрываю глаза, делая глоток тёмно-рубинового напитка.

— Шампанское днём, вино вечером — мы живём не хуже Романовых, но только сегодня! — размышляет вслух Эделайн. — Кстати о них, вы смогли разглядеть лицо Императора? — спрашивает она меня.

Я на мгновение задумываюсь, вызывая в сознании густую тень «царской» ложи, но сами лица ускользают от меня. Присутствие Императора — лишь призрак, парящий над зрителями. Нет ничего человеческого в людях, развязывающих бессмысленные войны — они — лишь тени с легко забываемой аурой, а их души никогда не бывают достаточно глубокими, чтобы оставить неизгладимое впечатление.

— Я его не видела — не сегодня, — говорю я, качая головой.

— Значит, вы видели его в другой вечер? — смеётся Эделайн. — Вы странная девушка!

— Не страннее вас! — говорю я, глядя на её рубиновые серьги, сверкающие в тусклом свете театра.

— Ходят слухи, что царь Николай уехал в свою летнюю резиденцию в Царском Селе, — говорит Эделайн, понижая голос. — Протесты его напугали, — шепчет она, и мне приходится наклониться ближе, чтобы не дать шуму толпы поглотить её слова.

— Ему нечего бояться, — я пожимаю плечами. — Палачи отлично справляются со своей работой, — на этих словах моя рука начинает дрожать, и я опускаю бокал.

— Послушайте меня, — говорит Эделайн, накрывая мою руку своей. — Чтобы свергнуть его, нужны не миллионы, а всего лишь один человек, такой же сильный и упрямый, как он. Так всегда и бывает. Толпа — ничто, характер — всё.

— В таком случае, у нас будет ещё один правитель, который разрушит страну, пируя на костях своего предшественника, — вздыхаю я.

— Или вам наконец удастся вкусить свободу! — говорит Эделайн, улыбаясь мне. — Я почувствовала её на балу у Анжелики, когда танцевала с вами, Марго. Вы освободили меня после многих лет душевных мук — я не могла прикоснуться к живому существу без боли, а вы словно заставили меня забыть об этом.

— Может быть, — поддразниваю я её, — вам просто понравилось танцевать?

— Вы хитрая лисица! — англичанка разражается смехом. — Конечно, мне понравилось танцевать... с вами.

— Эделайн, — говорю я с тенью колебания, — я не рассказала вам всей правды о том, что произошло прошлой ночью.

— Так скажите мне, — вздыхает она, наблюдая за красными разводами, образующимися на краях её бокала, — вы всё-таки в беде по моей вине?

— Женщина, которую вы видели вчера... она была моей любовницей, — признаюсь я, но её больше нет — она ушла, возможно, навсегда — к другому человеку.

— Любовь... именно поэтому я в неё не верю! — хмурится

Эделайн. — Вы думаете, что знаете кого-то, а потом...

— Дело в том, — говорю я, — что эта измена продолжалась уже давно, и моё позднее возвращение лишь ускорило то, что и так должно было произойти.

— Так вы *рады* её уходу? — Эделайн подпирает подбородок рукой, с любопытством глядя на меня.

— Я наконец-то свободна, — говорю я, опуская голову.

— Тогда пользуйтесь вашей свободой! — Эделайн осторожно поправляет прядь, выбившуюся из моей причёски. Я в недоумении смотрю на её приоткрытые губы.

Дважды звенит звонок.

Англичанка оставляет буфетчику щедрые чаевые, и мы возвращаемся на свои места.

Я слегка провожу пальцами по роскошному атласу её платья, прежде чем сесть, и Эделайн с нежностью смотрит на меня, слегка касаясь моего запястья.

Госпожа Лисова замечает эти плохо скрытые жесты. Её серебристо-русая голова поворачивается в нашу сторону, и я вижу, как золотистые искры любопытства тают в океанических глубинах её полуприкрытых глаз.

— Надеюсь, вы насладились антрактом? — спрашивает она, прерывая неловкое молчание.

— Ты зря не присоединилась к нам, — отвечает Эделайн, поворачиваясь, чтобы улыбнуться Анжелике. — В буфете отличное вино, что является редкостью для театра.

— О, я привыкла к собственной компании, и мне весьма уютно в одиночестве. Оно всегда было моим верным

спутником! — госпожа Лисова усмехается, глядя на пустое место Холодова. — Он так стремительно покинул нас — и всё шептал что-то о смерти. Вы не слышали, Маргарита?

— Нет, не слышала, — говорю я, вспоминая слова Холодова об Эделайн. Должно быть, что-то поистине ужасное разлучило его с тремя женщинами, за которыми ему нравилось наблюдать больше, чем за «Лебединым озером».

— Могу представить, что этот балет *до смерти* ему наскучил! — Эделайн заливается смехом, и её зубы блестят, как вспышка молнии среди погружающегося во тьму театра.

— Чего ещё я могла ожидать от профессора физики! — госпожа Лисова качает головой. — Но он и правда был встревожен.

— Главное, чтобы *ты* не тревожилась, Анжелика, — отвечает Эделайн своим глубоким, обволакивающим голосом. — Не волнуйся ни о чём, моя дорогая.

Женщины переглядываются, и я снова чувствую ожог необъяснимой ревности. Они уедут в Париж вместе — без меня.

Начинается второй акт.

Эделайн ахает, наблюдая, как Принц обнимает Чёрного Лебедя, и они сливаются в головокружительном танце. Мощные волны музыки заполняют всё вокруг, когда балет достигает кульминации — колдун находит Одетту и лишает её жизни. Наконец, Павлова появляется на сцене в образе умирающего лебедя, и музыка подчиняет её своему безутешному ритму, окутав тело балерины, словно порыв

ветра, увлекающий белокрылого альбатроса в эпицентр бури.

Эта пронзительная мелодия напоминает мне о том дне, когда я встретила Софию — тогда Северный ветер с лёгкостью поднял и унёс её чёрную вуаль, а янтарные глаза моей возлюбленной впервые наполнились нежностью, когда она обняла меня.

Теперь я вижу её стоящей в луче света в одной лишь белой шёлковой сорочке, едва ли защищающей её от метели. Буря развевает чёрные, как вороново крыло, локоны Софии, и она дрожит на краю подоконника, готовясь к прыжку. Из её груди вырываются отчаянные крики, а помутневший от слёз взгляд блуждает: вечная зима простирается перед ней в своём полуночно-чёрном одеянии — один миг отделяет Софию от мрачных объятий смерти. Лишь один миг.

«Береги тех, кто тебе дорог!» — шепчет Северный Ветер.

Девушка прыгает вниз, и белый шёлк сорочки ангельским шлейфом развевается у неё за спиной. Словно птица, забывшая о своих крыльях, моя возлюбленная разбивается о землю. «София!», кричу я сквозь громкую музыку, «София!». Порыв ветра уносит меня к сцене, и я замираю над её телом, утопающим в окровавленном снегу. Она холодна и неподвижна, словно в том кошмарном сне, где я просыпаюсь в нашей обледеневшей постели и вижу её мёртвые глаза, обращённые ко мне в немой молитве. Я пытаюсь поднять Софию, позвать на помощь, но лёд трескается под моими ногами, и страшная пучина утягивает её из моих рук. Я проваливаюсь сквозь лёд вместе с ней, и арктические волны

смыкаются над нами, заволакивая мои глаза багровой пеленой. Пробиваясь сквозь толщу воды, я вновь хватаю её за руку, и тело Софии, такое исхудавшее и по-неземному лёгкое, послушно следует за мной. Я вижу отдалённый свет, пробивающийся сквозь глухую стену льда, но воздух в лёгких заканчивается, и мой разум тает в облаке ледяного тумана.

«Зачем ты это сделала, София? Зачем ты это сделала?» — повторяю я, не в силах бороться с течением.

— Марго... Марго! — прерывистый шёпот Эделайн заставляет меня прийти в себя. Я понимаю, что всё это время крепко сжимала её руку, и быстро освобождаю её покрасневшее запястье от своей мёртвой хватки.

— Простите меня, — медленно выдыхаю я и заливаюсь краской, пытаясь вновь сосредоточиться на сцене, где Анна Павлова по-прежнему исполняет танец умирающего лебедя. Должно быть, мой приступ длился не дольше минуты, но кажется, что прошла целая вечность. Я всё ещё вижу чёрные кудри Софии на багровеющем снегу.

Эделайн, не говоря ни слова, проводит рукой по моим волосам так, словно хочет не просто поправить непослушные пряди, а приласкать меня и заставить забыть о боли, которая едким ядом разливается по моему телу. «Я позабочусь о тебе», говорит её нежный жест. Будто поражённая молнией, я замираю от этого неожиданно тёплого прикосновения. Оборачиваясь, я замечаю слёзы, скользящие вниз по её побледневшим щекам.

Павлова кружится в заключительном пируэте — белые

шелковистые крылья, повреждённые жестоким колдовством, больше не могут поднять её. Лебединое сердце Одетты, разбитое изменой, навсегда замирает. Её перья, воздушные и нежные, обволакивают измученное тело балерины, когда она падает на землю.

Оркестр стонет в агонии — и лебедь испускает последний вздох.

«Браво!» скандируют зрители, «Браво!»

Мариинский Театр наполняется грохотом оваций и восторженных криков, но я не в силах присоединиться к ним.

Эделайн протягивает мне руку.

— Вы в порядке, Марго? Простите, что спрашиваю вас об этом. Я до сих пор не могу простить себе то, что случилось на балу.

— Мне просто нужен свежий воздух, — шепчу я.

«София мертва», повторяет Северный Ветер, «София мертва».

Эделайн встаёт, не отпуская моей руки.

— Анжелика, ты присмотришь за Марго, пока я забираю наши вещи из гардероба?

Госпожа Лисова кивает и помогает мне подняться.

— Выступление было длинным, моя дорогая — неудивительно, что вы устали, —говорит мне Анжелика, когда мы выходим в фойе, и Эделайн скрывается среди пёстрых шуб и шляпок.

— Напротив, я полна сил! — вцепившись в перила, я пытаюсь удержать равновесие, но странная дрожь,

пробирающая до самых костей, заставляет меня пошатнуться.

«Она мертва из-за тебя», воет сиплый голос Северного Ветра. «Мертва. Из-за тебя».

— Вы это слышите? — не выдержав, всхлипываю я.

— Что именно? — переспрашивает Анжелика, прислушиваясь к гулу снежной бури за высокими окнами. — Погода становится мерзкой, это правда, — отмечает она.

— Нет, госпожа Лисова, этот голос—

— До вас, должно быть, донеслись крики протестующих! — улыбается она. — Не бойтесь, они не смогут подойти к театру. Император выставил стражу — всё-таки, здесь его семья.

— Семья, — глухо повторяю я. — Мама всегда мечтала побывать в Мариинском Театре.

— Мечтала? Зачем вы говорите так, будто...

— Ах, госпожа Лисова, я не знаю — не знаю!

Слёзы переполняют мои глаза, и Анжелика обнимает меня за плечи.

— Все уходят, все умирают — все! — шепчу я.

— Успокойтесь же, Маргарита! Я знаю — это всё Эделайн. Она словно пытается вас околдовать — но вы не поддавайтесь, — смеётся Анжелика. Тень падает на её худое лицо. — Вы и представить себе не можете, как она бывает жестока.

— Почему вы решили, что она жестока? — выпаливаю я. — Ведь она любила вас, госпожа Лисова! Я даже уверена, что она до сих пор вас любит. Это *вы* были жестоки к ней! Вы оставили её!

— Глупая, глупая девочка, — с горькой усмешкой шепчет Анжелика. — Скоро вы всё поймёте.

Оскорблённая её словами, я вырываюсь из рук госпожи Лисовой.

— *Что* я должна понять?

— Подозреваю, что Эделайн не всё рассказала вам о нашем лете в Париже. Вы такая же пылкая, как мой сын, Маргарита. Я знаю, вы не станете меня слушать, но говорила ли вам Эделайн, что в то самое лето, когда начался наш роман, она должна была выйти замуж за одного знатного господина?

— Ваш *роман?* Так вы ответили ей взаимностью?

Моё сердце падает в пропасть. Всё это время я представляла холодную, неприступную Анжелику и покорную Эделайн, обременённую ношей неразделённой любви, которую госпожа Лисова всячески подпитывала.

— Ха! Она и это вам не сказала? —Анжелика смотрит на меня с печальной улыбкой.

— Так Эделайн вышла замуж? В это невозможно поверить! Не могу представить её с мужчиной… Когда вы узнали о том, что она помолвлена? — я пытаюсь перевести дыхание, но задыхаюсь от горечи, смятения и обиды.

— Конечно же, я узнала об этом не сразу… У меня был план — уйти от Дмитрия, сбежать от этой странной роскошной жизни, в которой мне всегда было неуютно. Мой муж знал обо всём с самого начала брака. Он понимал, что я никогда не смогу выполнять… все обязанности жены. Мы с Эделайн могли бы жить в Париже. Вы не представляете, как сильно я

мечтала об этом, Маргарита! Мне стыдно это говорить, но я готова была оставить Мишу ради неё. Я никогда не умела быть хорошей матерью. Но Эделайн… она призналась о своей помолвке в ночь нашего побега, — Анжелика отворачивается от меня. — Я до сих пор не могу простить её — и себя тоже. Она была обычной восемнадцатилетней девушкой —конечно, ей страшно было так изменить свою жизнь ради женщины, которую она едва знала.

Я слушаю Анжелику, затаив дыхание.

— Так что произошло? Она отказалась расторгнуть помолвку?

— Она сделала нечто гораздо более неожиданное — отреклась от своего жениха прямо у алтаря. Эделайн написала об этом в письме, но было уже слишком поздно. Мы с Дмитрием вернулись в Россию, и я не смогла бы снова довериться ей.

— Она ничего… совсем ничего мне не рассказала! — я смотрю в глаза Анжелики, пытаясь найти намёк на хитрость и коварство, но её взгляд ясен и чист.

— Вы очень юны! — госпожа Лисова вздыхает. — Молодость — странное время. Все твердят, будто оно лучшее в жизни. Не верьте этому, Маргарита. Лучшего времени не существует. Мы все живём так хорошо, как можем, независимо от возраста.

— Уверена, Эделайн сожалеет о том, что предала вас. Поэтому она и не рассказала мне. Ей очень стыдно и больно об этом вспоминать — понимаете?

— Я предупредила вас, — Анжелика пожимает мне руку со вздохом сожаления, — но на этом всё. Я должна найти своего сына.

— Если мы больше не увидимся, госпожа Лисова, передайте ему... что он навсегда останется моим другом, несмотря ни на что.

Анжелика кивает. Сожаление мелькает в её взгляде, но его сменяет привычное ледяное спокойствие, когда Эделайн возвращается из гардероба с нашими вещами.

Я хочу накинуться на неё с расспросами, но тут Лисова разворачивает вечернюю газету, оставленную кем-то из зрителей.

— Какой ужас! — вскрикивает она.

Мы с Эделайн замираем, поражённые такой бурной реакцией.

— Что случилось, Анжелика? — подавая мне руку, спрашивает англичанка. — Ты своими криками доведёшь Марго до ещё одного обморока.

— Николая Новикова убили, — госпожа Лисова приходит в себя и показывает нам первую полосу газеты.

— Новикова? Убили? — повторяю я, чувствуя, как у меня подкашиваются ноги.

Конечно, мне безразлична его судьба, но как же София — моя бедная София? Ведь она пошла к нему прошлой ночью! Что же с ней станет?

— Не слушайте её, Марго, — качает головой Эделайн. — И без того достаточно смертей на сегодня!

— Это случилось прошлой ночью, — читает Лисова, — ранним утром, очевидцы заметили женщину—

— Анжелика, да как тебе не стыдно? — прерывает её Эделайн. — Ты разве не видишь, что Марго неважно себя чувствует? Зачем ей знать об очередном убийстве — ещё и после такого трагичного балета?

— Ох, забудьте про балет! — Анжелика выгибает бровь. — Холодов — ведь вы помните, как он говорил о Новикове на моём балу? Ещё и эта странная записка — разве не подозрительное совпадение? Он ушёл раньше всех и был ужасно пьян...

— Да, он ушёл вслед за Михаилом, которого, кстати, тебе ещё нужно найти, — напоминает ей англичанка. — Полиция разберётся со всем остальным.

— Конечно, — отвечает госпожа Лисова, обуздав свой пыл, — конечно. Ведь мы с тобой скоро увидимся?

— На станции, послезавтра.

— Да... послезавтра, — секунду подумав, Анжелика снова протягивает мне руку. — Прощайте, Маргарита.

— Доброй вам ночи, — подавленно отвечаю я.

Лёгкий силуэт Лисовой растворяется среди сотен разодетых дам и господинов, покидающих театр.

— Марго, — начинает было Эделайн, но я перебиваю её.

— Как вы могли врать мне всё это время?

— Врать? — она замирает в недоумении. — О чём это вы?

— О вашей сорванной свадьбе, — выпаливаю я. — Анжелика мне всё рассказала — это вы предали её, вы!

— Марго, прошу вас, успокойтесь. Подождите— я добуду вам стакан воды.

По щелчку её пальцев один из швейцаров подбегает к нам и, густо краснея и извиняясь, спрашивает, “Чем я могу быть полезен?”

— Стакан воды, пожалуйста, — бурчу я против своей воли. У меня в горле и правда пересохло от вала ужасных новостей.

— Моя дорогая, вы сердитесь, я понимаю, — щебечет Эделайн, принимая стакан с ледяной водой из рук швейцара. — Но придите же вы в себя! Весь этот вечер Анжелика только и делала, что пыталась вбить клинья между нами. Вы разве не замечали её взгляды, её усмешки? Я чувствовала, что нельзя оставлять вас наедине.

— Она говорила совершенно искренне! — я вырываю стакан из рук англичанки и делаю жадный глоток, словно пытаясь потушить пожар злобы, разгоревшийся внутри.

— Да, — смеётся Эделайн. — Она совершенно искренне хочет избавиться от вас — своей соперницы — ведь вы расположили к себе её самых близких людей — Михаила, меня... а больше у неё никого и не осталось.

— Вы и правда очень жестокая женщина! — мои щёки горят от обиды, и я выплёскиваю оставшуюся холодную воду ей в лицо.

Эделайн закрывает глаза. Несколько мгновений она остаётся неподвижной, и осознание того, что я натворила, накрывает меня. Я отступаю на шаг назад.

— Ах, простите меня! Я весь день только и делаю, что

ненароком причиняю вам боль, — мои слова кажутся далёким эхом, будто говорю совсем не я, а моя тень.

Я ожидаю, что Эделайн набросится на меня, но она спокойно достаёт носовой платок и вытирает свои скулы, блестящие от капель воды.

— Ничего страшного, — отвечает она. — Вы очень устали, Марго. Я должна была увести вас отсюда ещё во время второго акта, когда вы схватили меня за руку и начали звать кого-то...

— София, — я нервно сглатываю. — Я звала Софию, ту самую женщину, покинувшую меня... ради Новикова.

— Так вот оно что! — Эделайн качает головой. — Поэтому вас так взбудоражило известие о его смерти?

— Да, Эделайн. Понимаете, мне нужно сейчас же вернуться домой — она наверняка там совсем одна и не знает, что ей делать. Я уверена в этом — у неё больше никого нет! Я должна помочь Софии, ведь—

— Марго! — Эделайн кладёт свои руки мне на плечи. — Остановитесь. Вы никуда не пойдёте — и уж тем более не в свою квартиру. Вы говорите, что она скорее всего вернулась туда — от Новикова, так?

— Да, — я делаю паузу. — После нашей ссоры она сказала, что пойдёт к нему домой.

— Вы умная девушка и должны понимать, что квартиру будут обыскивать. Учитывая вашу связь с Софией, вернувшись, вы подвергнете и её, и себя ещё большей опасности. Вы слышали, что творится на улицах? Люди кричат, что Император покинул Империю. Власть может рухнуть в любой момент. Нет, я не

отпущу вас одну в эту роковую ночь, Марго.

Я глотаю слёзы. Эделайн права, но я не хочу признавать это.

— Что же вы предлагаете взамен?

— Можете переночевать у меня, — говорит она, сжимая мои руки. — Да вы совсем продрогли!

Я опускаю взгляд. Несмотря на слова Анжелики, мне хочется верить, что Эделайн изменилась за все эти годы. Я плеснула ей в лицо стакан воды, и она всё равно приглашает меня к себе. По-настоящему жестокая, лживая женщина так бы не поступила.

— Вот, — Эделайн снимает свой плащ и накидывает его мне на плечи. — Согревайтесь.

— У меня было видение, — шепчу я, — что София покончила с собой.

— Это было всего лишь видение, моя дорогая. Вы переживаете за неё, ведь она была частью вашего сердца, — Эделайн гладит меня по спине. — Вам нужно её отпустить —навсегда.

Окутанная мягким теплом её плаща, я больше не сопротивляюсь.

— Хорошо.

«Всё что вы скажете, Эделайн — я сделаю всё, что вы скажете», — устало думаю я.

Мы вместе выходим из Мариинского Театра, объятого глубокой северной ночью.

— Вы только посмотрите на это, Марго! — англичанка

указывает на полярную звезду, мерцающую над нашими головами в окружении своих менее ярких сестёр.

— Даже звёздам нужна компания, верно? — шепчу я, наблюдая за кротким мерцанием небесных глаз.

— Когда я смотрю на звёзды, — отвечает Эделайн, — то представляю, что каждая из них — мгновение счастья в безбрежном океане горя. Что бы ни случилось, помните, что ради таких мгновений и стоит жить.

Глава 7:
Моё Прекрасное Создание

"Одна ошибка — и она погибла…"
11 января, за минуту до полуночи

Мы с Эделайн проезжаем мимо переполошенных улиц. Город накрыла волна гражданских беспорядков и пожаров. Петербургская ночь, обыкновенно тихая и неспешная, превращается в кавалькаду вспышек и криков, среди которых я слышу единогласный призыв: «Долой Императора!»

Закутанная в её бордовый плащ, я прижимаюсь к Эделайн в карете, везущей нас на задворки города — на ту пустошь, где находится вокзал.

— Гостиница, в которой я остановилась, — объясняет англичанка, — расположена у станции таким образом, чтобы постояльцы могли сразу же отправиться в путь. Мне пришлось долго привыкать к грохоту поездов, зато теперь я люблю эту мелодию движения и перемен.

— Да вы революционерка! — я смеюсь, и она шутливо прижимает палец к губам.

Гостиница оказывается маленькой и совсем не такой роскошной, как я себе представляла. Мои глаза не обнаруживают ни люстр, ни тяжёлых портьер, ни расшаркивающихся швейцаров.

— У меня останется гостья, — объясняет Эделайн высокому портье в помятом костюме-тройке. — Не могли бы вы принести в мои комнаты что-то согревающее?

— Водку? Вино? — портье поднимает бровь и с недоверием смотрит в мою сторону.

— Какое вино вы предпочитаете, Марго? — спрашивает англичанка.

По-прежнему дрожа от холода, я вспоминаю, что она заказывала в театре.

— Пино Нуар, — неуверенно отвечаю я.

— Принесите нам бутылку Пино Нуар, — командует Эделайн и берёт меня под руку, устремляясь в длинный коридор гостиничных номеров.

Наконец, она открывает дверь «Апартаментов Императрицы», и я вхожу в просторную гостиную, уставленную подсвечниками.

— Здесь столько свечей! — от неожиданности я прикрываю глаза. Плавное сияние языков пламени кружит мне голову. — Я словно зашла в собор!

— Горничные зажигают их каждый вечер перед моим приходом, — говорит Эделайн, снимая с меня плащ. —

Чувствуйте себя как дома. В спальне есть камин, если вам нужно согреться.

— Вы очень любезны! — с досадой я понимаю, что снова краснею от её пристального взгляда. — Но мне и здесь хорошо.

Эделайн кивает и показывает мне просторную комнату.

— Никто надолго здесь не задерживается, но, как видите, я всё же сумела обставить интерьер по своему вкусу!

Письменный стол, отгороженный тёмно-фиалковой ширмой, стоит у высокого окна, за которым слышится гул поездов. По другую сторону ширмы располагается гостиная, в которую почти не проникает дневной свет. Вместо этого на вместительных комодах красного дерева горят свежезажжённые свечи, чьё пламя отражается в старинных зеркалах, развешанных на противоположной стене. Рядом с зеркалами висят обрамлённые золотом портреты женщин в викторианских платьях. Миниатюрный кофейный столик и два мрачных бархатных кресла располагаются на персидском ковре посреди этого таинственного пространства света и тени.

— Я столько времени потратила на то, чтобы уговорить хозяина гостиницы их повесить! — Эделайн вздыхает, указывая на картины.

— Они великолепны, — замечаю я и подношу канделябр к одному из полотен —портрету высокой блондинки в пурпурном платье, очень похожей на Анжелику.

— Моя мать — известная лондонская художница.

Эделайн встаёт за моей спиной, и я вздрагиваю, когда

атлас её платья касается моего бедра. Даже сквозь слои ткани, разделяющие нас, я чувствую тепло её тела.

— Так все эти картины — её работы?

— Да. Она рисует знатных особ, но иногда и близких людей, — усмехается англичанка. — Вот, например, мой портрет, — Эделайн ведёт меня в угол комнаты, где небольшое полотно изображает девушку в белом платье, гуляющую по садовой дорожке среди цветущих орхидей и ирисов. В её угловатом силуэте трудно узнать мисс Дейз, чья демоническая улыбка становится всё холоднее от моего молчания.

— Вам нравится? — с нетерпением спрашивает она.

Я продолжаю разглядывать картину. Бледная кожа девушки и её тёмные глаза, круглые, как спелые вишни, заставляют меня похолодеть, словно в портрете есть что-то потустороннее.

— Она совсем на вас не похожа, — говорю я наконец.

— Неужели? — Эделайн подносит свечу к картине, и на секунду мне кажется, что портрет вспыхнет. — По-вашему, я так сильно изменилась?

— Моя мать тоже художница, — говорю я вместо ответа. — Только ей больше нравится писать пейзажи, а не людей.

— Очень жаль! — англичанка качает головой. — В человеческой личности можно черпать столько вдохновения! Вы никогда не думали, что все писатели, художники и поэты используют людей как копии, с которых они пишут свои творения?

Мне кажется, будто её голос дрожит в такт с пламенем свечи.

— У вас очень циничный взгляд на творчество, — говорю я и пытаюсь найти знакомое тепло в её глазах, но оно рассеивается в странном холодном трансе, когда Эделайн любуется картинами.

Я снова перевожу взгляд на портрет.

— Неужели вы думаете, что ваша мать тоже использовала вас как копию?

— Да, — смеётся Эделайн, и ледяные трещины боли раскалывают её смех надвое. — она использовала меня как несовершенную копию себя! Вы можете считать меня холодной и циничной, но я лишь говорю то, что давно поняла сама: люди используют друг друга ради взаимной выгоды, и прекрасно, когда из этого получается нечто дельное, как эти картины.

Я хочу с ней поспорить, но мой взгляд останавливается на книжных полках у двери, ведущей в спальню.

— Я ведь совсем забыла вернуть вам стихи Китса! — восклицаю я.

Эделайн лишь поднимает брови.

— Незачем возвращать мне книгу, Марго. Я уверена, в ваших руках она обрела более достойный дом. Вы помните стихотворение о «прекрасном создании»?

— Да, это теперь один из моих любимых сонетов! «Прекрасное создание часа, мы не увидимся вновь...»

Меня прерывает стук в дверь. Эделайн открывает, и хмурая девушка в белоснежном чепце с извинениями заходит в комнату, ставит бутылку вина и два бокала на круглый стол в

гостиной и исчезает, не приняв чаевые от Мисс Дейз.

— Не устаю поражаться местной прислуге, — хмурится Эделайн. — Разве можно с такой гордостью отказываться от заслуженных денег?

— Разве это не очевидно? — я качаю головой. — Эта девушка презирает нас, и я её прекрасно понимаю.

— Что же тут понимать? — с иронической улыбкой говорит англичанка. — Она исполняет свою работу, и я хочу её вознаградить. Вам просто нравится спорить со мной.

— Вы никогда этого не поймёте, Эделайн. Вам трудно осознать, что у других не было таких возможностей, как у вас, и вы не можете даже на мгновение представить себе, что они чувствуют — особенно в эти непростые времена...

— Вы правы, я никогда не была бедной, но это не значит, что я лишена всяческого сочувствия. Если бы я родилась в небогатой семье, я принимала бы помощь от всех, идя на любые уступки, чтобы улучшить своё положение. Гордость — это привилегия. Понимаете, Марго? Её нужно заслужить.

Я смотрю на неё исподлобья, разливая вино по бокалам.

— Ах, только не закатывайте глаза! Надеюсь, вы не собираетесь снова облить меня? — смеётся Эделайн. — Вы обвинили меня во лжи, вот я и пытаюсь говорить правду как она есть.

— Это не правда, а всего лишь ваше мнение, — я протягиваю англичанке бокал, и искры веселья зажигаются в её глазах.

— Кто бы мог подумать, что жительницы страны, где

всем закрывают рты, могут быть так остры на язык? Мне это нравится! — широко улыбаясь, Эделайн принимает бокал из моей протянутой руки.

— Вы ужасная женщина, — говорю я сквозь зубы. Слова Анжелики эхом отдаются в моём сознании: «Вы и представить себе не можете, как она бывает жестока».

— Что ж, в таком случае, выпьем за ужасных женщин — и за вас, *моё прекрасное создание.*

«Так нельзя!» — думаю я. — «Сначала она дарит мне подарки, лжёт, а затем приглашает к себе домой и называет своим "прекрасным созданием"!»

Я не понимаю, ненавижу ли я Эделайн или восхищаюсь ей.

— Угощайтесь, — она открывает коробку марципановых фруктов из Елисеевского гастронома и ставит её на стол между нами.

Следуя за Эделайн, я опускаюсь в кресло, но продолжаю молчать.

Словно прочитав мои мысли, она тяжело вздыхает.

— Я знаю, что должна рассказать вам всё, — англичанка отпивает вино из бокала, и её взгляд блуждает по мне, будто пытаясь зацепиться за кружево моего платья. — Поверьте мне, моя дорогая, я не говорила вам о сорванной свадьбе лишь потому, что не хотела всё усложнять. Иными словами, я и не думала, что вы захотите знать... о моём прошлом.

— Но я *хочу,* Эделайн! Я хочу знать о вас всё! — я вздрагиваю от своих же слов.

— Вы слишком нетерпеливы, Марго. У нас вся ночь впереди, — англичанка ставит свой бокал на стол. — С чего бы мне начать?

— Начните с помолвки. Почему вы скрыли от Анжелики, что у вас был жених?

— Это будет непросто, — Эделайн встречает мой любопытный взгляд грустной улыбкой, — но я попытаюсь рассказать вам всю правду о том, что произошло на самом деле.

Сгорая от нетерпения, я надкусываю марципановый персик, и сахарная пудра сыпется с его румяных боков. Вес прожитого вечера камнем ложится на мои плечи, и с каждым глотком вина я всё больше погружаюсь в атмосферу странной французской сказки, навеянной Эделайн. Англичанка усаживается поудобнее и принимается за рассказ. Её бархатный вкрадчивый голос заполняет комнату, и мне ничего не остаётся, кроме как довериться ей.

— Значит, Анжелика поведала вам о моём предательстве — о том, что я лишь за час до предполагаемого побега рассказала ей о предстоящей свадьбе?

Я молча киваю. Веки Эделайн подрагивают от напряжения, и я вижу, с каким мучительным трудом она подбирает слова.

— Той весной в Париже мне сделал предложение один джентльмен. Он был богатым аристократом и близким другом моих родителей. В глазах общества мы были идеальной парой! Я испытывала к нему глубокую привязанность, но не более того. Влюблялась я часто, но никогда не смогла бы полюбить

одного человека так, как любила поэзию, колыбельную ветра или сибирского котёнка, которого однажды спасла от зимней бури...

— Вы пытаетесь сказать, что никогда по-настоящему не любили Анжелику? — спрашиваю я.

— Я знала её слишком плохо, чтобы любить той любовью, о которой вы говорите, —Эделайн качает головой. — В моём мире чувства всегда были подобны облакам: они возникали и рассеивались сами собой. Поэтому все мои романтические привязанности развивались слишком стремительно, и я ни с кем не могла создать что-то значимое. Понимаете?

— Мне трудно во всё это поверить, — говорю я, скрещивая руки на груди.

— Так вы *снова* называете меня лгуньей? — Эделайн смеётся, но я вижу боль и гнев, таящиеся в темноте её взгляда. — Я никогда и ни с кем не была так откровенна, как с вами сейчас.

— Даже если в ваших словах есть правда, я чувствую, что вы лжёте сами себе.

Англичанка задумывается. Её взгляд пронзает меня, словно ледяная сталь, и я невольно смотрю на её губы, красные от вина.

— Вы очень проницательны, Марго, — наконец говорит Эделайн, осушая свой бокал, — и, кажется, вас ничего не пугает.

— Ничего, — повторяю я и слышу, как высоко над нами проносятся поезда, словно мы погружены в море

и вслушиваемся в бесконечный гул земного мира сквозь толстую стену солёной воды.

— Что ж, — продолжает англичанка, вновь наполнив наши бокалы. — Моего жениха звали Рафаэль Гравье. Все дамы Парижа были без ума от него, юного поэта с глазами цвета диких васильков и чёрными, как смоль, волосами, которые доставали ему до плеч. Сын именитых дипломатов, он посвятил свою жизнь искусству. Я действительно была влюблена в него, Марго. Но, как я уже говорила, такие чувства никогда не задерживались в моём сердце надолго. Мы с Рафаэлем выросли вместе, и он был мне верным другом задолго до того, как между нами вспыхнула влюблённость. В мой восемнадцатый день рождения он признался, что всегда видел меня в роли своей жены. Это не было шоком для меня и, ещё не зная жизни, я с радостью приняла его предложение. Я видела, как смотрят на него другие женщины, и хотела, чтобы он принадлежал мне одной.

— Ведь любовь — это не власть, не обладание, Эделайн! Неужели вы не понимали этого? — с гневом перебиваю я.

— А что вообще может понимать в любви девушка из богатой семьи, изолированная от мира? Обладание, власть — это всё, что я знала о чувствах. Мои родители никогда не были нежны друг с другом, и я никогда не видела, чтобы отец целовал мать или проявлял хоть какое-то сочувствие к ней. Он был настоящим тираном, и я рада, что сумела выбраться из родительского гнезда, поступив в Сорбонну.

— Если их брак был так ужасен, — говорю я, — зачем вы

выбрали такой же путь для себя?

— Насмотревшись на страдания своих родителей, я решила, что мой брак будет иным, и что я смогу выбрать суженого среди своих друзей — того, кто не будет меня контролировать и унижать, того, кто даст мне полную свободу. Рафаэль казался мне именно таким, но и он был совсем ребёнком, когда грезил о свадьбе со мной.

— Он знал об Анжелике?

— Нет, — медленно отвечает Эделайн. — Он не знал о ней и никогда не узнает.

Англичанка отпивает из своего бокала и зажмуривается. Я вижу, что эти воспоминания причиняют ей неимоверную боль.

— Пожалуйста, продолжайте, — умоляю я.

— Помолвка состоялась в марте, а свадьбу назначили на сентябрь. Конечно, мои родители были счастливы. Подумать только, я могла бы стать всемогущей Эделайн Гравье, слиться с высшим французским светом и давать богатые приёмы, пока мой муж пишет стихи в своём кабинете с видом на Сену. Но тут я встретила Анжелику. Я никогда не могла представить, что мои чувства к женщине могут оказаться сильнее того, что я испытывала к Рафаэлю. По правде говоря, меня терзали сомнения ещё до встречи с ней, и я редко носила обручальное кольцо. После знакомства с Анжеликой началась моя двойная жизнь. Все чувства, что я испытывала к своему синеглазому принцу, растаяли, как весенний лёд, когда я поняла, что могу быть гораздо более счастливой с этой женщиной —

состоявшейся, мудрой, интеллигентной.

— И ваш жених совсем ничего не заподозрил? — спрашиваю я в недоумении.

— У этого юноши всегда был ветер в голове, но, конечно, он начал ревновать меня к несуществующим кавалерам и грозился расторгнуть помолвку, чего так и не сделал. Бывало, Рафаэль часами искал меня по ночному Парижу, пока я задерживалась в просторном доме русской аристократки, с тысячами книг, привезённых Дмитрием из России. Её муж приезжал очень редко — он вёл всевозможные политические переговоры, до которых нам с Анжеликой не было дела.

— И вас совсем не пугало, что она намного старше и опытнее? — спрашиваю я. — Вы не боялись, что Анжелика просто играет с вами? — одолеваемая противоречивыми чувствами, я сажусь на пол у ног англичанки и любуюсь алыми узорами персидского ковра. Моё сердце колотится в ожидании её ответа.

— Нет, я не боялась этого, — говорит Эделайн. Её взгляд темнеет от раздумья. — Как ни странно, — шепчет она, — именно с Анжеликой я чувствовала себя уверенно и спокойно.

Англичанка замолкает, проводя рукой по моим волосам.

— Продолжайте! — прошу я, прикрывая глаза.

— Благодаря вечерам с ней, я поняла, чего мне так не хватало — взаимопонимания и принятия, которого не было в наших отношениях с Рафаэлем. С ним всё было игрой, но Анжелика... — Эделайн снова останавливается и пронзительно смотрит на меня. — Она заключала в себе все те

качества, к которым я так отчаянно стремилась. Я никогда не уставала от её общества. Мне не приходилось придумывать, что делать и как себя вести, как это бывало, когда я оказывалась в компании мужчин. Напротив, с Анжеликой было легко и свободно. Я чувствовала, что всё происходит так, как и должно быть. Мы вместе ходили в Лувр, покупали свежие круассаны и проводили ночи на её просторном балконе, считая звёзды. Это казалось таким правильным — таким всеобъемлюще идеальным! — Эделайн качает головой, пытаясь скрыть слёзы, блестящие в её широко распахнутых глазах.

— Если вы действительно чувствовали себя свободной с ней, почему не рассказали о Рафаэле? — моя рука сжимается в кулак. — Вы снова уходите от правды, Эделайн!

— Конечно, мой поступок трудно оправдать, но представьте себе моё положение! — говорит англичанка, опуская взгляд. — Я призналась Анжелике в своих чувствах, не упоминая о Рафаэле, потому что ещё не была готова променять стабильное будущее светской львицы на то всепоглощающее ощущение внутренней свободы. То, что я испытывала к ней было сложно и необъяснимо для юного сердца. Такие сильные желания пугали меня тогда и продолжают угнетать моё сердце даже сейчас. Мой разум говорил, что это неправильно и безрассудно — оставить всё ради Анжелики, которая так внезапно ворвалась в мою жизнь.

— Но почему? — не унимаюсь я. — Если вы и правда так думали, могли бы раскрыть перед ней карты — сказать, что не готовы, и тем самым пощадить её сердце. Я просто хочу

понять вас, Эделайн.

— Я по-своему любила и Анжелику, и Рафаэля, — вздыхает она. — Должно быть, я не хотела терять ни одного из них. Но так не бывает. Тогда я не слышала о том, чтобы женщины могли быть с женщинами и любить свободно. Любовь к Анжелике представлялась мне дорогой, ведущей к пропасти. Я хотела, чтобы наше мимолётное счастье продлилось как можно дольше, и заставила её поверить в то, что я готова сбежать с ней, иначе она бы прекратила наши встречи, сказав, что у нас нет будущего, понимаете? — Эделайн снова доливает вино в мой бокал.

— Это не делает ваш поступок менее жестоким, — я делаю глубокий вдох, пытаясь успокоить колотящееся от досады сердце.

— Вы можете осуждать меня, Марго, но я не могла поступить по-другому. Это, возможно, и были те самые счастливые дни моей жизни, о которых так часто пишут поэты. Я знала, что побег будет значить изгнание из парижского света для нас обеих. Зачем так рушить свою жизнь и жизнь Анжелики? Это безответственно. Вы, русские, наделены духом романтизма, и я завидую этому, но сердце не может выиграть там, где властвует разум.

— Значит, вы опасались общественного мнения? — говорю я, вставая к ней лицом. — В этом нет ничего логичного и разумного. Такое поведение — обыкновенная трусость.

— Как вы могли такое подумать? — Эделайн смотрит на меня с плохо скрытым негодованием. — Вы не можете

обвинять меня в трусости, не зная и доли того, через что я прошла, — вспыхивает она. — Я лишь чувствовала, что это неправильно — любить того, кто обрекает меня на существование в тени, в вечной тайне, из которой невозможно выбраться.

— Ох, просто признайте, что жалеете о своём выборе! — говорю я, не в силах больше сдерживать гнев.

— Когда-нибудь, вы осознаете, что это был единственный возможный выход, Марго, — разочарованно вздыхает Эделайн. — Анжелика с её несчастливым браком и маленьким ребёнком на руках находилась в ужасном положении, навеки связанная этими цепями, и я не хотела ускорить её падение, сбежав с ней. Я никогда не смогла бы заботиться о ней так, как она того заслуживала. Мы подарили друг другу замечательное лето, но я знала, что всё должно закончиться прежде, чем мы разрушим жизни друг друга.

— И всё же вы написали ей письмо о том, что свадьба не состоялась. Зачем? Разве вы не осознавали, что это лишь причинит ей больше страданий?

Осушив свой бокал, я изучаю лицо Эделайн, оживлённое от вина и воспоминаний. Я словно бы вижу её в прошлом— потерянную восемнадцатилетнюю девушку, влюблённую в женщину в два раза старше себя. Слёзы, как прозрачные льдинки, застывают в её глазах.

— Это письмо было безрассудным поступком, как и мой отказ у самого алтаря, — не глядя на меня, говорит англичанка. — Но я внесла столько хаоса в жизнь Анжелики, что решила:

у неё есть право знать, что благодаря ей я всё же смогла набраться смелости и изменить свою жизнь, пусть и не так, как мы с ней хотели. К тому же, она подарила мне свадебное платье — это был её прощальный подарок. Я привезла его с собой — не желаете взглянуть?

— Вы хотели вернуть его госпоже Лисовой? — догадываюсь я.

— Хотела, но не смогла, — измученно вздыхает Эделайн. — Очень больно ворошить прошлое. Лучше оставить всё, как есть.

Я чувствую, что она говорит искренне, и начинаю видеть безрассудство в поступке Анжелики. Почему взрослая женщина решила, что юная особа из богатой семьи с лёгкостью оставит привычную ей жизнь и сбежит с ней, не зная ничего ни о её прошлом, ни о ней самой? Как она смела даже надеяться на это и обвинять её в предательстве, когда Эделайн была ещё совсем ребёнком? Возможно, если бы Анжелика нашла правильные слова, Эделайн отменила бы свадьбу.

— Значит, госпожа Лисова оставила план побега, как только вы рассказали ей о Рафаэле?

— Да, — огорчённо вздыхает англичанка. — Я была очень наивна и понадеялась, что она захочет освободить меня, начнёт переубеждать и попросит расторгнуть помолвку. Конечно, Анжелика не стала этого делать. Из гордости или из страха, она отказалась бороться за наши чувства и лишь обвинила меня в предательстве, хотя я ни словом не обмолвилась, что хочу этой свадьбы. Она повела себя очень резко, и это помогло

мне понять, что в конце концов я сделала правильный выбор. Ведь я не Анна Каренина и не стану бросаться под поезд или рисковать будущим ради любви. Увы!

Эделайн поднимается с кресла и подходит к платяному шкафу.

— Я наконец-то понимаю, что была не права и зря оскорбила вас, — говорю я, наблюдая, как она открывает дверцу шкафа и проводит рукой по свадебному платью, спрятанному в его мрачной глубине, словно призрак далёкого прошлого. — Простите меня за резкие слова, Эделайн.

— Ничего страшного, — говорит она, оборачиваясь, чтобы взглянуть на меня. —Десять лет назад я сказала бы то же самое.

— Так вы считаете меня дурой? — спрашиваю я, и мой голос дрожит, выдавая моё смущение.

— Вовсе нет, Марго! Во многом, ваш интеллект превосходит мой, — с чувством говорит англичанка, и я замечаю лёгкий румянец на её щеках. — Взять хотя бы то, с какой лёгкостью вы освоили преподавание лекций. Мне потребовалось много лет, чтобы овладеть этим мастерством. Иногда, ваши знания пугают меня.

— Ох, я вообще ничего не знаю! — протестую я, опуская глаза, чтобы избежать её пристального взгляда.

— Не скрою, вы и правда чем-то напоминаете мне двадцатилетнюю Эделайн — девушку, у которой всё ещё впереди.

— Вы по-прежнему та самая девушка, — говорю я, вновь

встречаясь с ней взглядом. — Не говорите так, будто ваша жизнь кончена!

— Так всегда говорят те, чья жизнь только началась, — судорожно шепчет Эделайн.

— Послушайте, — я подхожу к англичанке и осторожно беру её руку в свою, — я не вы, а вы не Анжелика, понимаете? Сейчас всё иначе! Мы могли бы найти способ—

— Марго! — Эделайн вздрагивает и отворачивается от меня. — Мне правда хотелось бы увидеть будущее с вами. Но я не могу — не сейчас.

Я замолкаю.

«Не сейчас», — повторяю я про себя, изучая наше отражение в зеркале: две женщины держатся за руки в темноте, боясь взглянуть друг на друга.

В приглушённом сиянии свечей, гостиная напоминает волшебный грот. Конечно, ни о каком будущем здесь не может быть и речи. Есть только миг — то самое «прекрасное создание», которое обречено испытать один час удовольствия, но разве не этот час поэты называют лучшим во всей своей жизни?

— Хочу увидеть вас в этом платье, — говорю я Эделайн, проводя рукой по белому шёлку и нежному кружеву вуали. — Не зря же вы взяли его с собой?

— Я уже не та юная девушка, Марго! — смеётся она в ответ. — Вас ждёт огромное разочарование.

— Пожалуйста, сделайте это ради меня! — я крепко сжимаю её руку. — Клянусь, я больше ни о чём вас не попрошу.

— Значит, больше никаких *личных* вопросов? — Эделайн прищуривается, и в её глазах зажигаются озорные искры.

— Обещаю, — говорю я, кладя руку на сердце.

— Заманчивое предложение. Тогда я с удовольствием стану вашей невестой на одну ночь! — англичанка заливается смехом и исчезает за дверью спальни, прижимая платье к груди, словно новорождённого.

Я опускаюсь на пол в волнительном ожидании. Никогда раньше я не испытывала такого болезненного предвкушения. Вино кружит мне голову, и я снова слышу зов Северного Ветра. Отражения свечей в потемневших зеркалах кажутся мне вальсирующими парами во дворце, а задумчиво-высокомерные дамы с картин будто наблюдают за мной и шепчут друг другу: «Вы только посмотрите: эта бедняжка Маргарита обезумела от любви! Она совсем потеряла гордость! Глупая, глупая девочка!»

Я отмахиваюсь от них, прислушиваясь к приглушённому шуршанию шёлка, доносящемуся из спальни Эделайн. Наконец, оттуда начинает играть печальная мелодия, которую я сначала принимаю за своё воображение, но вскоре слышу характерное потрескивание граммофона — так Эделайн отвлекает меня от своего короткого отсутствия.

Мне хочется вслушаться в эту странную, завораживающую мелодию, но, когда я встаю, чтобы подойти ближе, появляется моя невеста на одну ночь.

Облачённая в белое платье, она держит в руке канделябр, рассеивая тьму, словно комета, оставляющая серебристый

след на мрачном полотне звёздного неба.

— Вам нравится, Марго? — Эделайн ставит канделябр на комод и начинает кружиться в такт музыке. Вуаль, закрывающая её лицо, приподнимается, и я вижу нежное сияние её кожи, словно платье наделило Эделайн опасной магией полуночи.

Не в силах вымолвить ни слова, я подхожу к ней, как мотылёк, вьющийся возле пламени.

— Я чувствую далёкое эхо юношеской влюблённости, — с улыбкой говорит англичанка. — Поэтому и решила: пусть играет танец сильфид! Вы же не против, Марго?

Заворожённая блеском её глаз, я хочу спросить у Эделайн, кто такие сильфиды и отчего они танцуют, но не решаюсь. Слишком возвышенным кажется свет, который она излучает, и я не хочу разрушать эту магию.

— Влюблённость, — шепчу я. — Откуда вы знаете, что влюблены?

Она наклоняется ко мне. Кажется, ещё чуть-чуть, и я растворюсь в тепле её проницательного взгляда, словно Эделайн пытается завладеть моим сознанием. Она смотрит на меня совсем иначе, будто пропасть, разраставшаяся между нами весь вечер, сомкнулась в один миг.

— Когда я вижу, как душа мерцает в твоих глазах... вот откуда я это знаю, — шепчет она мне на ухо.

Поначалу, её слова кажутся мне бессвязными, и осознание приходит лишь через несколько мгновений, когда Эделайн отстраняется и вновь пронзает меня своим пламенным

взглядом. Я замираю, пытаясь удержать остатки рассудка, но непостижимая сила овладевает мной. Нет ничего в мире, чего я бы хотела больше, чем заснуть сегодня в объятиях этой женщины.

— Если бы после каждой моей ошибки в небе загоралась звезда, мы бы жили в бесконечно белой ночи, — дрожащим голосом говорю я. — Не позволяйте мне совершить ещё одну ошибку, Эделайн. Я не хочу потерять вас навсегда.

Глаза англичанки сверкают, как два переливающихся океана огня. Она не отвечает. Я накрываю её руку своей, вновь замечая кольцо с опалом — то самое, которое было на ней, когда я привела её на крышу Исаакиевского собора — крошечная луна покоится на моей ладони, сверкая в серебристой январской ночи.

— Когда вы вернётесь в Париж, вы будете помнить? — мне хочется добавить «меня», но это слово слишком весомо, и я не могу выговорить его.

— Марго, я *никогда* не забуду этот вечер! — говорит Эделайн, продолжая смотреть в мои глаза так, словно они звёзды, чей свет она хотела бы украсть.

— Благодаря Мариинскому? — спрашиваю я. От её близости у меня по коже пробегают мурашки.

— Благодаря тому, что ты обвинила меня во лжи, — смеётся англичанка, но её глаза вновь темнеют.

— В очень красивой лжи... — пользуясь коротким замешательством Эделайн, я осторожно дотрагиваюсь до её щеки.

— О, ты жестокая, жестокая девушка! — руки англичанки обвивают мою талию. Её вуаль касается моего лица.

— Что это за чувство? — я потерянно смотрю на неё, не в силах больше сопротивляться.

— Какое чувство, Марго? — спрашивает Эделайн, проводя пальцами вдоль моего позвоночника.

— Я не могу быть единственной, кто это чувствует, не так ли? — от сбившегося дыхания, моя грудь поднимается, касаясь её груди.

— Ты когда-нибудь испытывала это раньше? — англичанка внимательно изучает мои глаза, пытаясь уловить в них хоть каплю сомнения.

Я опускаю взгляд, вспоминая Софию, но даже самые пылкие ночи с ней не могут сравниться с моментом, проведённым в обществе Мисс Дейз.

— Никогда, — с замиранием сердца, я провожу рукой по шелковистым складкам её платья.

Эделайн берёт мою ладонь и рассматривает её — она кажется узкой и хрупкой по сравнению с её сильным, ловким запястьем.

— Я когда-нибудь говорила тебе, — она переплетает свои пальцы с моими, — что у тебя самые красивые руки из всех, что я когда-либо видела?

Волна наслаждения обрушивается на меня, и я с трудом подбираю слова.

— Ещё одна ложь, Эделайн?

— Обвинять меня во лжи — твоя любимая игра, не так

ли? Как насчёт этого: ты бесчувственная, самовлюблённая, нахальная эгоистка, Марго! — губы Эделайн задерживаются на моём запястье. За каждым обидным словом следует поцелуй. — Ты забыла свою возлюбленную, своих друзей, свою страну, свою семью.

— Прошу вас, остановитесь...

Она проводит пальцем по моим ключицам. Я перестаю дышать.

— О, но ты не хочешь, чтобы я останавливалась! — во взгляде англичанки горит что-то больше похожее на гнев, чем на страсть. — Это именно то, чего ты желала с самого начала, моё прекрасное создание.

Сиреневые лучи северной зари наделяют жемчужную кожу Эделайн лёгким сиянием, и я растворяюсь в её приглушённом свете. Англичанка закрывает глаза и наклоняется ближе. Мой взгляд задерживается на её губах, багровеющих под тонким кружевом вуали.

«Сделаешь это — потеряешь её», — шепчет Северный Ветер, — «не сделаешь —потеряешь *всё*».

Мои губы касаются её губ — сквозь вуаль, сквозь все различия между нами, сквозь время и томительные промежутки, оставшиеся между несказанными словами.

— Не так, — Эделайн открывает глаза и приподнимает вуаль, окутывая нас обеих её белоснежным кружевом.

— Так лучше? — я заправляю ей за ухо выбившуюся прядь волос.

Она обхватывает рукой мою шею и притягивает меня

ближе.

Наши губы снова встречаются. Грудь Эделайн вздымается от моего прикосновения.

Она поглощает каждую часть моего существа, вдыхает свет внутри меня и превращает его в безбрежную, непостижимую тьму.

Звёздная пыль окутывает меня. Я больше не существую — даже как далёкая мысль — и растворяюсь в небытии. Глубокая, успокаивающая пустота, печально известная Лета[1] — она всегда таилась во мне, словно полузатонувший маяк.

— Эделайн... — я прерываю поцелуй, чтобы отдышаться, и прячу лицо в изгибе её шеи — меня окутывает знакомый аромат диких роз, фиалок и лунного света.

— Всё в порядке, моё прекрасное создание, — шепчет она, проводя пальцами по моим волосам, лаская каждый локон. — Позволь мне помочь тебе.

Я чувствую, как моё платье развязывается от прикосновения её быстрых, дрожащих пальцев. Моё дыхание становится тяжёлым, почти принуждённым.

— Как быстро бьётся твоё сердце! — Эделайн снимает вуаль и прижимает ухо к моей груди, — Говорят, любовь может убить... или это похоть?

— Неправда! Это совсем не то, что я чувствую к вам.

— В отличие от меня, ты не умеешь лгать.

Нас разделяет тонкая ткань моей шёлковой сорочки, и с каждым движением Эделайн моё сердце бьётся всё громче.

---

1. Одна из пяти рек, протекающих в подземном царстве Аида, река забвения.

«Она могла бы задушить меня, если бы захотела», — странная мысль, вызванная вином, мелькает у меня в голове — «а может и лучше умереть сейчас, на её руках, не столкнувшись с последствиями этой ночи, чем вернуться домой — нежеланной, нелюбимой, несчастной и одинокой?»

Мои пальцы тонут в волнах её волос, и снова аромат свежесрезанных роз окутывает меня, лишая рассудка. На последнем дыхании я смотрю, как она раздевает меня.

— Эделайн...

— Не бойся, — она улыбается и помогает мне встать. Я вышагиваю из изумрудно-синего платья, упавшего к моим ногам.

— Уже рассвет, — шепчу я, пытаясь оторвать взгляд от её губ, алеющих в первых лучах солнца.

— Ты торопишься, Марго? — руки Эделайн ласкают мою шею, и я невольно тянусь к застёжке её платья. — В городе беспорядки, — она прерывается, чтобы поцеловать мои ключицы. — Не оставляй меня. Останься.

— Я не оставлю вас.

Синий бархат соскальзывает с плеч Эделайн и, словно чёрный лебедь, она любуется своим отражением в моих глазах.

Повинуясь неистовому порыву, я прижимаю её к стене и позволяю нашему теплу слиться воедино.

— Никто ещё не был так дерзок со мной, — англичанка смеётся, когда платье соскальзывает с её бёдер, и я разрываю последнюю преграду, оставшуюся между нами.

— Я заставлю тебя заплатить за весь испорченный шёлк, Марго, — шутливо шепчет она, но я не даю ей закончить,

снова впиваясь в её губы, горящие от поцелуев.

— Больше я никогда не увижу вас — никогда, никогда не увижу, — судорожно шепчу я по-русски, пока мои слёзы проливаются на её обнажённую кожу тёплым дождём.

— Марго, ты пугаешь меня, — Эделайн отвечает хриплым от желания голосом. Она высвобождается из моих объятий. — Ты должна понять, что пути назад нет.

— Я знаю, что потеряю вас — но я не хочу терять и эту ночь тоже.

Запоминая её прикосновения, как запоминают слова, начертанные на песке, я понимаю, что волна времени настигла нас — уже рассвет, и через двадцать четыре часа Эделайн уедет в Париж. Мысль, которую я отгоняла весь вечер, поглощает меня. Боль скорой утраты превращается в острое лезвие наслаждения. Мне хочется раствориться в этой женщине, стать её частью, чтобы навсегда забыть время и пространство, разделяющие нас. В её океанически-холодном сознании я могла бы создать очаг тепла — пламя, рдеющее в северном море — пламя, которое она не сможет забыть.

— Иди ко мне, — Эделайн открывает дверь в спальню и протягивает мне руку.

Наши пальцы снова переплетаются, и мои губы, бордовые от вина, находят её шею.

— Что бы ни случилось, — шепчет Эделайн, — часть тебя навсегда останется со мной.

— Навсегда, — повторяет она, опуская меня на чёрный бархат постели. — Навсегда.

Я просыпаюсь на её груди. Биение наших сердец заглушает тревожные мысли, и только выглянув в окно я понимаю, что солнце снова близится к горизонту.

— Эделайн, — я повторяю её имя, словно вопрос, на который нет ответа. — Эделайн, Эделайн — возьмите меня с собой!

Она открывает глаза и с нежностью целует меня.

— Ведь ты не оставляешь мне выбора, моё прекрасное создание.

— Не оставляю выбора?

Её лицо излучает призрачный свет.

— Нужно собираться, Марго. Мы всё-таки едем в Париж.

Глава 8:
Последний Пассажир

"Пронзая пылкой красотой сердца"

ПИСЬМО МИХАИЛА ЛИСОВА ЕВГЕНИЮ ХОЛОДОВУ

12 января

Дорогой Е,

Будь готов: это письмо будет таким же длинным, как твоя надоедливая борода.

Почему ты никогда меня не слушаешь? Всё это время ты отлично прятался, но то, что ты сделал прошлой ночью, всё изменило. В записке я просил тебя предупредить Риту о палачах, а не спешить к ней в квартиру и сеять хаос, ставя под угрозу всю нашу миссию. Почему ты не мог спокойно посмотреть «Лебединое озеро», наслаждаясь возможностью шпионить за мисс Дейз?

Как бы то ни было, теперь каждый дурак в Петербурге с лёгкостью догадается, кто в ответе за Тихое Сопротивление! Если бы не твоя беспечность, мне бы даже не пришлось рисковать и писать это, но только один из нас может выжить и рассказать всю правду. Надеюсь, это будешь ты. Нет, я знаю, что это будешь ты — на этот раз я беру на себя всю ответственность. Ты просто сумасшедший пьяница, выполняющий мои злодейские поручения, не так ли?

Благодаря моим усилиям протесты набирают силу. Наша Империя скоро проиграет войну, и жизнь Жадного Ника кончится — вот увидишь. Любимый, ты меня знаешь — я никогда ничего так не хотел, как жить в свободной стране. Я сожалею о крови на своих руках, и мне всё равно, что будет со мной, лишь бы мои друзья были в безопасности. Мы вместе заплатим за твою ошибку, и я готов встретить смерть, если такова моя судьба. В отличие от моего отца, я умру честным человеком. Мне жаль, что я так поступил с Ритой. Если ты выживешь, пообещай показать ей это письмо и объяснить, что я зря оклеветал её на балу. Что, если она была права? Возможно, мисс Дейз всё-таки не следила за нами. И за пощёчину прости. В тот вечер я был не в себе, а ты, дорогой, был ужасно пьян. Ты защищал Анжелику, словно она была невинным ангелом — словно ты никогда не слышал её снисходительного тона и не был свидетелем её помпезных «благотворительных» собраний, которые приносят больше драмы, чем пожертвований. Ты всегда был очень дорог мне. Так дорог, что я ненавижу себя за то, что подверг тебя опасности. Революция всегда была

моей навязчивой мыслью — способом доказать, что я лучше моего отца, который сдался без боя.

Знаю, ты гадаешь, куда я пошёл после того, как приказал тебе не следовать за мной. Прости, что так жестоко разбил тебе сердце — мне нужно было время подумать. Я направился к Неве и шёл по набережной, пока не добрался до порта. Там мы с Ритой проводили часы размышляя, мечтая и обсуждая стихи. Передай ей, что я помню всё и очень скучаю по ней. Она никогда меня не разочаровывала — это я её разочаровал.

Прости за несвязное письмо. Мысли путаются. Я провёл двенадцать часов на холоде, не зная, куда идти, пока ноги не принесли меня к тебе в квартиру. Я думал, ты будешь ждать меня, пытаясь протрезветь после того ужасного бала, но твой камердинер передал мне записку о том, что Анжелика пригласила тебя в Мариинский театр вместе с Ритой и мисс Дейз. Пожалуйста, не считай себя счастливчиком. Мать всегда делает такие широкие жесты тем, кто больше всех её хвалит. Я проклял вас троих и вернулся во дворец.

Анжелика уже уехала в театр, и у меня было достаточно времени, чтобы подготовиться к вечерним протестам, но душа моя не находила покоя. Я мог думать только о том, как меня одновременно предали моя подруга и мой возлюбленный. Сейчас я вижу, что этой театральной вылазкой ты пытался помочь, но тогда я поддался ярости и страху.

Несколько часов спустя я взял вечернюю газету. Так я узнал о смерти Новикова и об единственной подозреваемой в убийстве — женщине, вышедшей из его квартиры, которую

я принял за Софию. Кто же ещё это мог быть? На балу Рита рассказала мне об их романе — доктор и медсестра... Представляешь, как легко палачам было бы выйти на наших девушек, учитывая, что Новиков занимался исследованиями для самого Императора?

Я сразу понял, что Рита в большой опасности и помчался на Мойку, надеясь предупредить её, как только она вернётся из театра. Было бы небезопасно встречаться с ней в Мариинском, когда моя мать и мисс Дейз роились вокруг неё, словно стервятники.

Раз уж ты зашёл в квартиру Риты через пару часов после меня, можешь представить, что я там увидел. Когда я подходил к парадному входу, палачи пересекали Синий мост, а их сапоги всё ещё были мокрыми от крови. Эти люди ругались, как свиньи! Я надеялся, что увиденное мной — лишь совпадение, но сердце моё знало, что случилось что-то ужасное.

А этот отвратительный старик — Аркадий Иванович, безнадёжный консьерж — помнишь его? Войдя, я заметил его лоснящуюся лысую голову, лежащую на столе. Я подумал, что он спит. Потом я увидел лужу крови на полу. Когда я дотронулся до него, он всё ещё хрипел, но его глаза уже покрылись белым инеем смерти. Палачи выстрелили ему прямо в сердце. Полагаю, он не хотел их впускать. Кто бы мог подумать? Этот странный человечишка хотел защитить Риту! Благослови его душу.

Представь себе моё волнение. Я бросился наверх как сумасшедший. Дверь квартиры Риты была распахнута настежь,

и сильный сквозняк уже занёс кучу снега в прихожую. Кто-то опустошил все комнаты, а следов Софии я и вовсе не нашёл.

Прочитав твою записку, которую я в спешке открыл несколько часов назад, я понимаю, что должен был выглянуть и в окно тоже, но это уже другая история. Единственной ценной вещью, которую я нашёл, была музыкальная шкатулка. Полагаю, никто не обратил на неё внимания, потому что она закатилась под кровать. Я взял её с собой, чтобы вернуть Рите, помчался обратно во дворец и тут же отправил к тебе гонца с запиской.

Потом я пошёл на протест, надеясь, что ты позаботишься о Рите, а вместо этого ты оставил её в руках этой надменной мисс Дейз! Кто знает, может, это и к лучшему. Ты уже нашёл убежище, и нам лучше не встречаться до завтра, но я могу не дожить до этого времени... Итак: я полностью отказался от Парижа. Я никогда не хотел покидать тебя и Санкт-Петербург.

Анжелика переживёт без меня. В худшем случае — ты тоже переживёшь. Нам всем нужно отпустить друг друга, и я надеюсь сделать это как можно менее болезненным. Я знаю, ты бы предпочёл, чтобы я покоился в безопасности Елисейских полей, но как только я увидел разгромленную квартиру Риты, я принял окончательное решение. Когда Анжелика отправилась в театр, она оставила билеты на «Норд-Экспресс» в своём кабинете, и я знал, что мне нужно сделать.

Я думал, ты вернёшься во дворец, как я просил тебя в записке, чтобы передать мой билет Рите — она бы ни за что

не приняла его от меня — но, конечно же, ты был слишком занят спасением жизней! Анжелика вернулась одна, отругала меня и сказала, что ты исчез, а Рита наверняка уехала с мисс Дейз — они были неразлучны весь вечер. Мне больно было это слышать, но я всё же дождался утра и сразу же помчался в гостиницу англичанки. Все друзья моей матери останавливались там — это место у вокзала говорит само за себя: она не хочет, чтобы кто-то был рядом надолго. Анжелика всегда была такой: держалась на расстоянии, никого не подпуская к своему сердцу.

И вот, я приехал туда, сказал портье, кто я, и он постучал в дверь мисс Дейз. Она появилась как призрак, далёкая и отчуждённая — эта вульгарная женщина была в одной ночной рубашке и выглядела не слишком-то радушной. К тому же, она была неприлично пьяна, и её глаза так странно блестели — словно у голодного ястреба, падающего на свою добычу. Её губы и щёки горели от любовных утех... и в раю, и в аду я узнал бы этот взгляд!

Сначала я был в ярости и проклинал англичанку. Я до сих пор не понимаю её дьявольского языка, но её жесты свидетельствовали о том, что Рита крепко спит. Было мучительно легко осознать, что произошло между ними той ночью, но мне должно быть всё равно, лишь бы Рита была в безопасности — по крайней мере, так я себе говорю...

Я заставил бедного портье перевести, что хочу, чтобы мисс Дейз передала Рите мой билет на Норд Экспресс вместе с музыкальной шкатулкой. Я также попросил англичанку не

говорить Рите, что это я их принёс. Она всё время ухмылялась и кивала. Мне стало тошно на неё смотреть, и я ушёл, не попрощавшись.

Надеюсь, она хорошо позаботится о Рите — несмотря на театральные манеры мисс Дейз и её непрошеные советы, я всё же вижу, что у неё есть душа. И у Риты, похоже, теперь нет выбора — если она задержится ещё хоть на день, её найдут. Я постарался всё объяснить так, чтобы не вызвать подозрений, и только повторял: «Это подарок, который спасёт жизнь Рите». Если мой план не сработает, я никогда себе этого не прощу.

Помни — мы встречаемся завтра. У меня есть всё необходимое, чтобы разоблачить Императора и поднять наш народ против него. Не опаздывай. Я рад, что мать скоро отправится в Париж и никогда не увидит, как я расплачиваюсь за свои поступки. Рита и Анжелика — единственные, кого стоит спасти. То, что ты сделал, ставит нашу миссию под угрозу, поэтому после завтрашней встречи нам придётся расстаться. Надеюсь, это письмо скоро дойдёт до тебя.

Прощай, Онегин!
Твой Ленский.

Эделайн усмехается, глядя на моё недоумение.

— Мы едем в Париж, — повторяю я сквозь сон. — Вы имеете в виду, что берёте меня с собой?

Завернувшись в халат англичанки, я потерянно наблюдаю, как она встаёт и берёт что-то с туалетного столика.

— Не спрашивай, откуда я это взяла, — предупреждает она, прежде чем протянуть мне билет на «Норд-Экспресс».

— Билет на завтрашний поезд! — выдыхаю я. — Но это же невозможно...

— Он здесь, — Эделайн улыбается и кладёт руки мне на плечи. — Мы уедем из Санкт-Петербурга вместе, Марго.

Слёзы наворачиваются мне на глаза, но я тут же вспоминаю, что англичанка провела со мной ночь, а значит, она купила билет до того, как мы приехали в театр.

— Почему же вы не сказали мне раньше?

— Мне нужно было убедиться, что ты готова оставить всё позади, — спокойно говорит Эделайн. — Вот почему я рассказала тебе свою историю прошлой ночью — чтобы показать, как трудно принимать такие рискованные решения. Но теперь я знаю, что ты к этому готова, и нам нельзя терять времени.

Я замечаю музыкальную шкатулку на её тумбочке.

— Как она здесь оказалась? — я с дрожью провожу пальцами по знакомой позолоченной крышке.

— Горничная сказала, что кто-то оставил её для тебя. И всё же лучше не прикасаться к старым воспоминаниям до нашего отъезда, — с этими словами, Эделайн упаковывает музыкальную шкатулку в чемодан.

— София принесла её, верно? — спрашиваю я, хватая англичанку за запястье. — Вы знаете, как она нас нашла? Вы её видели?

Эделайн молчит. Раздражённая, я опираюсь на её плечо.

— Ну и не надо. Не говорите. Может, оно и к лучшему, — вздыхаю я. — Она отпустила меня, и мне тоже стоит её отпустить.

— Знаю, это непросто, но мы должны доверять друг другу, чтобы мой план сработал, — говорит Эделайн, гладя меня по спине.

— Если бы мне когда-нибудь пришлось кому-то доверить свою жизнь, это были бы вы, — отвечаю я. — Раньше я называла вас лгуньей, но каким-то образом вы остались самым преданным человеком в моей жизни. София ушла, а Миша ненавидит меня за то, что я не смогла поддержать его. Анжелика и вовсе считает меня дурой. Понимаете, Эделайн — я неудачница в их глазах, но не в ваших...

— История их рассудит, — говорит она, качая головой. — Ты не виновата, что эта страна поступила с тобой несправедливо, и уж тем более не стоит винить себя за действия людей, которые пытались использовать тебя, чтобы получить то, что им было нужно.

— Хоть это и очень странно, я могу понять, почему София

вернула музыкальную шкатулку — после года, проведённого вместе, это — искренняя попытка дать мне понять, что она пытается простить и забыть меня... ещё это может быть предупреждением о том, что мне нельзя возвращаться в квартиру. Должно быть, вы были правы насчёт обыска... Но Миша! Почему он не оставил мне ни письма, ни даже записки? Он мог бы найти меня, если бы захотел.

— Очень скоро ты узнаешь, кто твои настоящие друзья, — говорит Эделайн, целуя меня в виски.

— Думаю, у меня никого не осталось, — я опускаю глаза.

«Кроме вас», хочется добавить мне, но слова застывают в горле.

Англичанка властно приподнимает мой подбородок и улыбается.

— Даже после этой ночи?

— Это была всего одна ночь, — отвечаю я, с трудом выдерживая её внимательный взгляд.

— Ах, сколько их ещё впереди! — Эделайн смеётся и подходит к заполненному платьями шкафу.

— Я только что поняла, — говорю я, наблюдая, как она упаковывает свои вещи. — Мне совсем нечего надеть!

— Не волнуйся! — усмехается англичанка. — Я найду что-нибудь для тебя.

Уже через минуту она выуживает из недр шкафа чёрное обеденное платье.

— Это единственное, что может подойти, учитывая, что ты стройнее меня. Примерь.

Я позволяю тёмной, тяжёлой ткани окутать моё тело, и она пробуждает меня, словно я вновь коснулась земли после того, как дотянулась до звёзд.

— Что же я буду делать в Париже без денег и документов? Я немного знаю французский, но как я найду работу? Что, если вы совершаете ошибку, беря меня с собой? — с этими словами я подхожу к Эделайн и обнимаю её сзади. Чувственный аромат фиалок всё ещё витает в её спутанных волосах.

— Моё прекрасное создание, — говорит англичанка, — я не хочу причинять тебе боль своими словами… Но подумай вот о чём: есть ли у тебя место, куда ты можешь вернуться? Есть ли у тебя кто-то, на кого можно опереться, если ты останешься в Петербурге? Безопасно ли даже думать о возвращении домой после того, что мы узнали о Новикове?

— Нет, но я бы предпочла погибнуть здесь, чем стать вам обузой. Вы начнёте ненавидеть меня за то, что я втянула вас в эту историю.

Слёзы застывают у меня на глазах. Я утыкаюсь головой ей в плечо, чтобы они не полились.

— Да как тебя можно ненавидеть? — Эделайн крепко обнимает меня. — Я обожаю тебя, Марго, и никогда не допущу, чтобы с тобой случилось что-то плохое. Мне будет только приятно помочь тебе найти свой путь в новой стране. А теперь хватит жалостных сцен. Помоги мне собрать еду и лекарства. Наше путешествие будет долгим и изнурительным, особенно когда поезд прибудет в зону боевых действий.

— Вы видели, что там творится? — спрашиваю я.

Дым от взрывов, бесчисленные трупы, огонь и океаны пепла — вот что я представляю себе, когда думаю о вторжении. Я знаю только то, что полубезумные солдаты рассказывали Софии: их отсутствующие конечности и расстроенный разум представляют гораздо более точное описание войны, чем любое существующее поле боя.

— Если ты имеешь в виду войну, — отвечает англичанка, — я наблюдала её последствия. Это всё, что ты можешь себе представить, и гораздо, гораздо хуже. Лучше опустить шторы, когда мы будем проезжать через Украину.

— А поезд там останавливается? Может ли он принять беженцев?

— Польское королевство отправляет помощь для беженцев. Никто не сядет в поезд, отправляющийся из сердца Российской империи.

Эделайн опустошает один из ящиков комода, и я вижу, как она складывает бриллианты, опалы и изумруды в деревянную коробку.

— Анжелика была права — я всё-таки полная дура, — мой голос снова дрожит. — Разве кто-то может подумать о побеге на поезде, полном злейших врагов? И, конечно же, на поездку нужны деньги… Я буду вечно обязана вам, Эделайн.

— Не говори так! Этот билет ничего у меня не отнял. Напротив… — она замолкает, глядя мне прямо в глаза. — Он дал мне возможность построить жизнь, о которой я всегда мечтала, с человеком, который никогда меня не предаст.

Я обхватываю лицо Эделайн ладонями и целую её.

— Вчера вы говорили мне, что у нас нет будущего, а теперь обещаете построить жизнь со мной, — шепчу я в её приоткрытые губы.

— Одна мудрая девушка сказала, что мне следует больше рисковать, — англичанка смеётся, и я вижу улыбку, какой она никогда раньше не улыбалась — это полная надежды, любящая улыбка человека, который снова научился доверять после многих лет предательства и лжи.

Закончив упаковывать гардероб Эделайн, мы заказываем еду, чтобы подкрепиться перед долгим путешествием. В этот поздний час рестораны уже закрыты, и вся надежда на гостиничные запасы провизии.

Отправив горничную на поиски хлеба, англичанка садится за туалетный столик.

— Иди сюда, Марго, — повелительно говорит она. — Дай я причешу тебя.

Я сажусь к ней на колени и чувствую, как расчёска мягко скользит по моим волосам. Один за другим, мои непослушные тёмно-русые локоны выпрямляются под её прикосновением.

— Эделайн, — шепчу я, прислушиваясь к скорбному завыванию ветра на улице, — мне придётся притвориться кем-то другим, да? Вы же говорили, что поезд будут проверять русские инспекторы.

— Надеюсь, до этого не дойдёт. Они больше заботятся о тех, кто приезжает в столицу, чем об уезжающих. Но ты прекрасно говоришь по-английски и могла бы сойти за мою горничную. Слугам не требуется удостоверение личности.

— Значит, теперь я ваша горничная? — смеюсь я. — Это вы ловко придумали!

— Не сердись на меня, Марго, — тихо говорит англичанка. — Ты же знаешь, как сильно я за тебя переживаю, — она перестаёт расчёсывать мои волосы и трётся своей щекой о мою. —Ведь я никогда в жизни не думала, что встречу такую, как ты!

Я смотрю на наше отражение в зеркале и хочу запечатлеть этот момент в памяти, как зимние метели замораживают ледяные узоры на окнах. Наши глаза мягко светятся, а ночь окутывает нас лунным шёлком и венчает наши головы звёздами.

— Когда я увидела вас, моя душа словно узнала вашу, — говорю я, глядя ей в глаза. — Это было мгновенно, будто я зажгла спичку в кромешной тьме и впервые увидела мир.

— Могу лишь надеяться, что этот мир не разочарует тебя, моя дорогая, — вздыхает Эделайн, целуя меня в щёку.

— До сих пор не могу поверить, что всё это происходит на самом деле — не могу поверить, что увижу Париж вместе с вами! — говорю я, позволяя ей заплетать мои волосы, пока приятное возбуждение разливается по моей коже. — И я не злюсь на вас — мне просто страшно. Каждый раз, когда я была так близка к исполнению чего-то заветного, мои мечты исчезали без следа. Я думаю и о профессоре Уваровой — я нужна ей в университете, а теперь...

— Она бы не осудила тебя, — успокаивает меня Эделайн. — Это лишь вопрос времени, когда власти расследуют смерть

Новикова и найдут твою связь с его любовницей. Если ты останешься, тебя втянут в это расследование, которое может продлиться годы. Но если ты не хочешь уезжать из Санкт-Петербурга, я не могу тебя заставить.

Я поворачиваюсь к Эделайн. Её глаза блестят от слёз.

— Конечно, я хочу уехать с вами! — говорю я, обнимая её за шею. — Простите меня за эту глупость. Мне просто хотелось бы попрощаться с теми, кто мне дорог.

— Понимаю, — отвечает Эделайн, проводя пальцем по моим губам. — Но нам нужно быть осторожнее, моё прекрасное создание.

Стучит горничная, и я встаю, чтобы открыть дверь. Впустив девушку, я беру изящно упакованную коробку и записку из её дрожащих рук. Она исчезает, не сказав ни слова.

— Вот наша еда, — говорю я, и мои глаза округляются, когда я смотрю на слова на бумаге, — и телеграмма от госпожи Лисовой.

— В такой поздний час! — ахает Эделайн. — Что она пишет?

— Анжелика говорит вам не беспокоиться, если она завтра опоздает. С Мишей что-то не так.

— У меня сердце разрывается от мысли, как сильно она страдает из-за сына. Именно поэтому я не хочу иметь детей — или мужа, если уж на то пошло. Это просто ещё один ребёнок, о котором нужно заботиться! — Эделайн смеётся, но я замечаю скрытую печаль в её внезапно потемневших глазах.

— Я пойму, если вы переживаете и хотите навестить госпожу Лисову, — говорю я, сгибая бумагу между пальцами.

— Анжелика сама о себе позаботится, — отвечает англичанка, хмурясь и обхватывая моё лицо руками. — Это за тебя я больше всего переживаю.

— Что вы имеете в виду? — я пожимаю плечами и нервно кусаю губы.

— Ты же не выпрыгнешь из поезда, — Эделайн понижает голос, — если с Мишей что-то случится?

— Какой странный вопрос! — я потерянно смотрю на её бледное, неподвижное лицо. — Что с ним может случиться?

Англичанка молчит. Тревога в её глазах кажется безмерной, и я наклоняюсь ближе, чтобы обнять её.

— Эделайн, что бы ни случилось, я останусь с вами!

— Моё прекрасное создание, — говорит она, притягивая меня к себе для поцелуя, — о большем я и мечтать не могла.

13 января

После нескольких часов сборов мы с Эделайн присоединяемся к толпе высшего общества, ожидающей далёкий гудок Норд Экспресса. Англичанка держит меня за руку, пока мы стоим на платформе. На мне всё ещё её бордовый плащ и чёрное платье, словно я только что покинула чьи-то похороны, чтобы присоединиться к городскому протесту. Этот тёмно-бордовый — цвет застывшей на снегу крови — первый оттенок свободы.

Эделайн настояла на том, чтобы пойти на вокзал на рассвете, за два часа до отправления, и не без оснований — платформа уже переполнена людьми. В отличие от мисс Дейз, которая оставила большую часть своего убранства и одежды в качестве пожертвования университету, русские дворяне привезли с собой множество чемоданов, очевидно, пытаясь вывезти все свои сокровища. Бледные от страха, мужчины, женщины и дети покидают родину. Что заставляет их бежать? Война, чувство вины или страх неизвестности?

— Ты замёрзла? — спрашивает Эделайн, окидывая меня оценивающим взглядом.

— Вовсе нет, — отвечаю я.

Меня согревает волнение, и сердце бьётся быстрее, чем крылья пойманной птицы, пытающейся вырваться на свободу.

Англичанка обнимает меня за талию, и её соболья шуба защищает нас от порывов Северного Ветра. «Увижу ли я тебя снова?» — тихо шепчет он. «Ты покидаешь меня навсегда? Как ты смеешь, Маргарита? Как ты смеешь?»

Я больше не слушаю ветер — его шёпот становится бессмысленным для моего измученного разума.

— Они все покидают Россию! — вздыхаю я, оглядываясь на длинные ряды пассажиров.

— А некоторые и вовсе хотят поехать без билета, — Эделайн улыбается, указывая на несколько групп мальчишек, ожидающих в тени вокзала. — Они и не подозревают, что их отправят прямиком в зону боевых действий, если они попытаются сбежать.

— Кто-то должен их предупредить! — я делаю шаг в их сторону, но англичанка крепко удерживает меня за руку, не желая отпускать.

— Марго, пообещай мне кое-что. Не отходи от меня ни на шаг и ни с кем не разговаривай — понимаешь? Мы должны заботиться друг о друге, потому что это всё, что у нас осталось. Я знаю, ты чувствуешь вину за то, что оставила своих близких, но всех тебе не спасти.

Я вздыхаю. Конечно, Эделайн лишь хочет меня защитить.

— Никуда не уйду — обещаю! — я с чувством сжимаю её руку.

Англичанка оглядывается по сторонам, словно только что совершила преступление.

— Ты, возможно, ожидаешь, что это будет цивилизованный

процесс, — говорит она, качая головой. — Что ж, скоро мы увидим, как палачи сбрасывают людей с поезда и отправляют их в тюрьму или ещё хуже...

— У каждого должно быть право уехать, — перебиваю я, глядя на измученных, сонных детей, цепляющихся за матерей.

— Но не все могут это себе позволить, — замечает Эделайн. — Я хотела бы помочь остальным, но знаю, что сделала правильный выбор, — с этими словами она стряхивает снежинки с моих волос.

— Надеюсь, вы не пожалеете о своём выборе, — отвечаю я.

Мы стоим в первых рядах «первого класса», но англичанка постоянно оборачивается, чтобы посмотреть, не пришёл ли кто-нибудь ещё. Я знаю, что она ищет Госпожу Лисову, но в гуще толпы невозможно найти никого из наших знакомых.

— С ней всё будет в порядке, вот увидите! — я обнимаю Эделайн и целую её в щёку, забывая, что мы могли бы шокировать публику таким интимным жестом. Она обнимает меня в ответ, и её губы задерживаются у моего уха.

— Он здесь, — шепчет Эделайн.

Ещё один порыв ветра приносит долгожданный звук: гудок поезда. Словно тёмно-зелёный гигант, вдали появляется Норд Экспресс. Кремовое облако дыма венчает блестящий локомотив. Толпа ахает от восторга, а мы с Эделайн молча любуемся спасительным французским поездом, словно приветствуя давно потерянного друга. Норд Экспресс молниеносно приближается и гремит, сдирая лёд с рельсов.

Поезд останавливается с оглушительным скрежетом, и я вижу, как его стальные колёса искрятся, словно угли на снегу.

До меня доносится знакомый голос. Я оборачиваюсь и вижу госпожу Лисову. Одетая в белые меха, с несколькими слугами, несущими её чемоданы, она, словно сама Императрица, стройным лебедем плывёт мимо зевак. Далеко позади следует Миша, и его изумрудно-зелёное пальто наполовину расстёгнуто, так что виднеется белая рубашка. Я машу князю рукой, но он не видит меня — между нами слишком много людей.

— Они приехали! — я с волнением сжимаю руку Эделайн.

— Ах, у вас орлиный глаз! Я бы даже не заметила. Но нам пора, Марго, — англичанка ведёт меня к поезду и протягивает наши билеты кондуктору. Тот едва смотрит на нас и кивает, отрывая край каждого билета.

— Назад пути нет, — говорит Эделайн, помогая мне подняться по ступенькам Норд Экспресса.

— Надо дождаться Мишу! — я резко оборачиваюсь, пытаясь разглядеть его фигуру среди сотен людей, садящихся в поезд, но он, кажется, задержался на ступеньках, разыскивая свой билет. Я слышу нервный крик госпожи Лисовой: «И сколько прикажешь тебя ждать?»

— Поверь мне, с ними всё будет хорошо, — англичанка легонько подталкивает меня, пока проводник несёт наш чемодан в вестибюль первого класса.

— Я беспокоюсь о Мише, — говорю я, дёргая её за руку, но Эделайн лишь продолжает толкать меня вперёд.

— Нужно найти наше купе! — её властный голос заставляет меня сдаться, и я послушно иду за англичанкой, но всё же оборачиваюсь, пытаясь ещё раз увидеть Мишу. Вместо него я вижу, как люди толкаются, пытаясь попасть в поезд. Появляются палачи, как и предупреждала Эделайн, в чёрных масках и с дубинками. Я уже слышу крики, пронзающие воздух.

Внезапно, раздаётся свист поезда, и пол начинает дрожать. Я бросаюсь назад, но уже слишком поздно — под ногами начинают вращаться крепкие стальные колёса.

— Даже не смей, Марго! — кричит Эделайн, вцепившись мне в плечи, но я вырываюсь из её хватки и вновь распахиваю дверь поезда.

— Миша! — кричу я вдаль, и наконец вижу его — князь всё ещё стоит на платформе и машет на прощание.

— Миша! — повторяет другой голос, ещё более потрясённый, чем мой.

«Это госпожа Лисова», — думаю я. «Как ты мог так поступить, Миша? Как ты мог нас бросить?»

Наши взгляды встречаются, и князь подмигивает мне сквозь свои блестящие очки. Он улыбается и прижимает руку к губам.

Северный Ветер доносит до меня его слова.

«Береги себя, Рита! Береги себя!»

Мчащийся Норд Экспресс уносит меня прежде, чем я успеваю попрощаться с Мишей. Чьи-то сильные руки обхватывают мою талию и втягивают меня обратно в поезд.

— Что ты делаешь, Марго? — восклицает Эделайн. — Ты ведь могла упасть!

— Это всё Миша... — я стискиваю зубы, чтобы сдержать слёзы. — Он остался. Он не сел в поезд. Вы *поэтому* спрашивали меня о нём? Вы *знали?*

— О, моё прекрасное создание! После телеграммы Анжелики я словно почувствовала, что так и будет... — англичанка с нежностью прижимает меня к груди. — Что я могу сказать? Он сделал свой выбор.

— Нам нужно проведать госпожу Лисову! Мы должны что-то сделать... — судорожно шепчу я, содрогаясь в объятиях Эделайн. Всё ещё пытаясь отдышаться, я позволяю ей гладить меня по волосам.

— Сейчас Анжелике нужно побыть одной — пусть скорбит, — отвечает англичанка. — Миша отпустил тебя. А теперь отпусти и ты его.

— Я устала отпускать людей и терять всех, кого люблю! Вы бы видели, как Миша посмотрел на меня — он не возненавидел меня! Напротив, он словно всё знал — словно простил меня.

— Это потому, что прощать было нечего, — Эделайн целует меня в лоб и ведёт обратно в наше купе.

Когда мы располагаемся на бархатных сидениях, со слезами на глазах я достаю из чемодана музыкальную шкатулку Софии.

— Не стесняйся. Открой её, — говорит англичанка. — Ты не покидаешь дом, Марго. Ты везёшь его в Париж.

Я выдавливаю из себя улыбку, но она тут же исчезает, как только я вижу смятую записку, спрятанную за крышкой

музыкальной шкатулки. Мои пальцы дрожат, когда я разворачиваю её. Я ахаю, увидев знакомый почерк. Записка падает из моих рук.

— Что это, Марго? — тревожно спрашивает Эделайн. Её голос эхом разносится у меня в голове, словно далёкая сирена.

Я замираю и смотрю сквозь неё.

— София, — шепчу я. — Это её предсмертное письмо.

Глава 9:
В Неизвестность

"Пусть новые распустятся цветы
В суровом царстве вечной мерзлоты!"
14 января

Я завершаю свой рассказ. Свеча на столе уже догорела, а солнце выглядывает из-за горизонта, заливая снежную степь багровым светом. Мы, должно быть, приближаемся к зоне боевых действий. Я вижу вдали дым — его серые, перистые крылья раскинулись по холодному зимнему небу.

— Теперь вы знаете всю мою историю, Эделайн.

— Ты начала свой рассказ в полночь и закончила на рассвете, — говорит англичанка, и её глаза наполняются изумлением. — Как это чудесно! Ты могла бы написать роман о своей жизни, Марго.

— Напишите его за меня, — говорю я, качая головой. — Я

выжила, и этого достаточно. Не понимаю, зачем вам было знать всё, но вы спасли меня и моё будущее, так что это — меньшее, что я могла сделать для вас... Ведь я обязана вам жизнью, Эделайн.

— Моё прекрасное создание, ты ничем мне не обязана! Я хочу оберегать тебя, вот и всё, — с этими словами англичанка тянется через стол и касается моего запястья. — Никто не заслуживает тех трудностей, через которые ты прошла. Твоя история напомнила мне, что все совпадения неслучайны, и мы нашли друг друга в нужное время.

— Не могу поверить, что Софии больше нет, — говорю я, закрывая лицо руками. — Я единственный человек, который мог её спасти! У меня даже было видение о её смерти. Что, если всё это можно было предотвратить?

— Её письмо разбило сердце и мне, — говорит Эделайн, понизив голос. — Но ты должна помнить, что нет ничего вечного в этом мире.

— Смерть вечна, но как вам это понять? — я сжимаю кулаки. — Вы никогда никого не теряли, потому что всегда уходили первой.

— Мы уже говорили об этом, не так ли? — англичанка смотрит на меня с ледяным спокойствием, и я отворачиваюсь к окну, смаргивая слёзы.

Постоянно меняющийся пейзаж становится всё темнее, затенённый высоким сосновым лесом. Я закрываю глаза. Наконец, Эделайн садится рядом со мной и накрывает мои плечи своей сиреневой шалью.

— Смерть — это скрытое благословение, — шепчет она мне на ухо, — зато горе — настоящее проклятие, которое будет преследовать тебя, пока ты не научишься признавать свои ошибки и жить с ними.

— А что, если я не смогу жить со своими ошибками? — шепчу я в ответ. — Что тогда?

— Со временем ты поймёшь, что всё возвращается на круги своя, — Эделайн проводит рукой по моим спутанным волосам. — Чтобы отпустить, нужно очень сильно любить человека, и я верю, что ты любила Софию достаточно, чтобы позволить её душе упокоиться с миром.

— Я не верю ни в упокоение душ, ни в отпущение. Когда тебе кто-то дорог, ты остаёшься с ним до конца.

Не в силах больше сдерживать рыдания, я кладу голову на плечо Эделайн.

— Ты так много пережила, моё прекрасное создание. Сердце разрывается, когда я вижу тебя такой! — она достаёт буханку хлеба из нашего чемодана. — Вот, поешь хоть чуть-чуть.

Я разламываю буханку пополам, и хруст золотистой корочки напоминает мне — возможно, я никогда больше не почувствую вкус дома.

— Буду скучать по нему, — говорю я.

— По Петербургу?

— По хлебу! — смеюсь я сквозь слёзы. — Уверена, парижские багеты неплохие, но сомневаюсь, что они могут с этим сравниться. Я отдаю англичанке вторую половину, и она

улыбается, наблюдая, как я уплетаю свою порцию.

— Не разделяю твоей страсти к хлебу, — говорит Эделайн, — можешь забрать всё себе. Но у меня есть идея получше: я спрошу, предлагают ли в вагоне-ресторане первого класса чай перед обедом.

Англичанка исчезает за раздвижными дверями, а я поворачиваюсь, чтобы вновь посмотреть на ледяной пейзаж за окном, простирающийся на много вёрст. Бог знает, сколько нам понадобится времени, чтобы добраться до Парижа, но, по крайней мере, я больше не одна.

Кто-то стучит, вырывая меня из моих грёз. Вздрогнув, я встаю и прислушиваюсь.

— Эделайн! Нам нужно поговорить.

Это госпожа Лисова. Я открываю дверь, и её взгляд встречается с моим в полном изумлении.

— Маргарита? Как вы...

Она замолкает, изучая моё лицо, и я опускаю глаза.

— Ах, — вздыхает она, — вы не послушали моего совета. Эделайн взяла вас с собой, так? — Лисова разочарованно качает головой.

— Мне жаль Мишу, — шепчу я, пропуская её в купе.

— Никогда больше о нём не говорите.

Голос Анжелики дрожит, и я вижу, как волны боли накатывают на её ледяные серые глаза. Серебро в её королевской причёске тускло сияет в утреннем свете. В своём тёмно-фиолетовом платье госпожа Лисова выглядит постаревшей и хрупкой — словно бледная тень той женщины,

что так ярко сияла на Зимнем балу.

Повинуясь странному порыву, я обнимаю Анжелику. Её холодное, напряжённое тело тает в моих объятиях. Она сцепляет руки за моей спиной.

— Он покинул меня, — шепчет она. — Миша покинул меня навсегда.

Её тело сотрясают отчаянные рыдания, и я притягиваю госпожу Лисову на сиденье рядом с собой. Она не протестует и только вздрагивает в моих руках, словно лодка, попавшая в сильный шторм.

— Он не мог покинуть вас навсегда — Миша найдёт способ воссоединиться с вами, — говорю я, прекрасно понимая, что это ложь.

— Ох, вы думаете, я не знаю моего сына? — вздыхает госпожа Лисова, уткнувшись мне в плечо. — Он слишком упрям, слишком незрел, чтобы видеть последствия своих поступков. Миша ни за что не признает, что остаться было ошибкой.

Её заплаканные щёки пылают, когда она поднимает голову и смотрит на меня.

— Вы были его единственным другом! Разве он ничего не сказал вам?

— Мы не разговаривали с Зимнего бала, — отвечаю я. — Миша заверил меня, что уедет из Санкт-Петербурга вместе с вами.

— О, эта проклятая страна! Она убьёт моего мальчика, Маргарита. Я хотела защитить его, быть хорошей матерью,

но несмотря на это... я не стала дожидаться, пока он сядет в поезд. Любая мать подождала бы, а я...

— Это не ваша вина, госпожа Лисова.

— Пожалуйста, — говорит она, обхватив моё лицо ладонями, — о, пожалуйста, называйте меня Анжеликой. Разве вы не понимаете? Вы последняя ниточка, которая связывает меня с ним... мой дорогой Миша, мой единственный ребёнок! Я увидела его на платформе — он махал мне на прощание... я попыталась спрыгнуть, но охранники... они не пустили меня, и...

— С ним всё будет хорошо, — снова лгу я, стараясь не смотреть на неё.

— Я никогда не смогла бы его защитить, — говорит Анжелика, — а теперь... теперь у меня есть только вы, Маргарита.

Она смахивает слёзы и целует меня в лоб.

— И Эделайн, — добавляю я, щурясь от прикосновения её ледяных губ.

— Она опьянила вас своей ложью, не так ли? Поэтому вы остались с ней? — Анжелика снова обнимает меня. — Бедное дитя!

— Эделайн спасла мне жизнь, — шепчу я. — Она дала мне свободу, Анжелика — свободу, о которой я прежде и мечтать не могла.

Мои глаза горят страстью, и мне хочется сказать госпоже Лисовой, как она ошибалась и как сильно изменилась Эделайн.

— Знаете, она до сих пор хранит свадебное платье, которое вы ей подарили!

— Правда? — сдавленно шепчет Анжелика, и её взгляд блуждает. Она смотрит через моё плечо на наше великое наследие — мрачные леса и поля —— заброшенные, нетронутые, неизведанные, словно наши души, которые сталкиваются лишь на мгновение, чтобы потом разойтись навсегда.

— Эделайн сказала мне, как много это для неё значит — как много вы для неё значите. Вы не одна, Анжелика, — повторяю я.

Она становится всё меньше и слабее в моих объятиях, словно какая-то могущественная сила природы забрала всю её силу и грацию, похоронив их в северных снегах.

— В Париже никогда не идёт снег, — говорит Анжелика, — а если и идёт, то тает, не коснувшись земли. Я хотела показать это Мише — зиму без снега. Он теперь совсем один. У него ничего не осталось — ни денег, ни дома. Я забрала всё, когда уезжала. Нужно вернуться к нему как можно скорее!

— Анжелика, вы должны быть сильной, — говорю я, беря её за руку. — Миша хотел, чтобы вы сели в этот поезд. Он хотел защитить вас.

— О, я больше не могу быть сильной, Маргарита! Я сойду на следующей остановке.

— Не сойдёшь! — голос Эделайн прерывает нас. Она возвращается с подносом чая, и в воздухе разливается опьяняющий аромат бергамота. — Моя дорогая Анжелика,

следующая остановка — зона военных действий. Мы прошли точку невозврата.

— Эделайн, — заикаясь, бормочет госпожа Лисова, глядя на поставленный перед ней поднос с тремя чашками чая, — как ты узнала, что я здесь?

— Я зашла в твоё купе, но тебя там не было, поэтому я догадалась, что ты решила навестить меня, — говорит англичанка. — Пожалуйста, выпей с нами чай и обещай не сбегать.

— Не сбегать? — горько улыбается Анжелика, беря чашку в руки. — Куда же я могу пойти? *В неизвестность?*

На мгновение все замолкают, и звон чайных ложек сливается с мерным грохотом колёс поезда.

— Мы проезжаем по незнакомым мне землям, — говорит Анжелика, глядя в окно, где заснеженные холмы становятся всё выше и выше, погружая нас в царство льда. — Нет, я совершенно не узнаю этот пейзаж!

— А для меня в России все пейзажи одинаковы: снег, лёд, сосновые леса и запустение, — говорит Эделайн, кладя руку Анжелике на плечо. — От горя и своё отражение можно не узнать, а ты только что потеряла сына.

— Миша сумеет о себе позаботиться, — вмешиваюсь я, пытаясь защитить Анжелику от прямолинейности англичанки.

— Мой сын умрёт перед Зимним дворцом, Маргарита. Всё кончено, — говорит Анжелика, понизив голос. — Вчера вечером он открыл мне свою тайну. С тех пор я не могу ни

есть, ни спать, — она отпивает чай и морщится.

— Бедняжка моя, что он тебе сказал? — Эделайн наклоняется ближе и берёт госпожу Лисову за руку.

— Это Миша возглавляет Тихое Сопротивление, — говорит Анжелика, сдерживая слёзы. — Он собирается пожертвовать собой ради этого бессмысленного движения.

Я сижу, прикусив язык. Ещё одна волна негодования на Мишу поднимается в моей груди. Должно быть, он был уверен в провале своей миссии, раз отбросил секретность и рассказал обо всём матери.

— Тихое Сопротивление, — шепчет Эделайн. — Очевидно, я многое пропустила...

— Давайте не будем говорить об этом здесь, — Анжелика качает головой. — Их уши повсюду. Встретимся за обедом, — с этими словами госпожа Лисова встаёт, собираясь уходить.

— Хотя бы чай допей, моя дорогая! — Эделайн поднимается, всё ещё держа её за руку.

— Мне нехорошо — простите, — со вздохом, Анжелика открывает дверь и оборачивается ко мне. Её взгляд замирает на моём чёрном платье. — По правде говоря, я всегда предпочитала страдать в одиночестве, — говорит она тонким, надломленным голосом.

— Какую чушь ты несёшь! Сейчас тебе нельзя быть одной. Я провожу тебя до купе, — Эделайн обнимает Анжелику за талию, и дверь за ними захлопывается.

— Ты сошла с ума! — доносится до меня грозный шёпот Анжелики. — Что ты собираешься делать с ней?

— Ты имеешь в виду Марго? Чего бы я с ней не сделала? — смеётся в ответ англичанка.

— Это ты, — шипит Анжелика, — вбивала клинья между ней и моим сыном, и посмотри, где он теперь!

— Ты винишь не ту женщину, моя дорогая, — зловещий ответ Эделайн пробирает меня до костей. — Как и любой ребёнок, Миша хотел любви, которую ты не могла ему дать, вечно отвлекаясь на балы и своё неукротимое тщеславие...

Я слышу резкий шлепок, а затем удаляющиеся шаги Анжелики.

Эделайн возвращается с багровым пятном на щеке.

— Ах, прелести путешествия первым классом! — говорит она. — Никогда не знаешь, что будет дальше!

— Не стоило быть такой жестокой. Анжелике больно — разве вы этого не видите? — я прижимаю руку к её пылающей щеке.

— Нельзя просто так втягивать человека в жизнь, которую он не выбирал, — отвечает англичанка, отталкивая мою руку. — Если бы Анжелика уважала волю сына, ей бы не пришлось сейчас испытывать эту боль.

— Она мать, — говорю я, и горечь заставляет мои руки сжаться в кулаки. — Матери хотят уберечь своих детей — это инстинкт, который сильнее сил природы. И почему вы солгали ей — о том, что не знаете про Тихое Сопротивление, когда я рассказала вам всё несколько часов назад?

— Их уши повсюду, — Эделайн вторит словам Анжелики, — и безопасность — это лишь иллюзия.

— Но я чувствую себя в безопасности здесь, с вами, — говорю я.

Англичанка отводит взгляд, и её глаза затуманиваются сожалением.

— В один момент ты засыпаешь в объятиях любимого человека, — вздыхает она, — а в следующий ты уже борешься с нескончаемой бурей совсем одна. Но давай не будем думать об Анжелике, Мише и Софии, — с улыбкой, Эделайн пододвигает мне чашку, всё ещё полную чая. — Когда ты допьёшь, Марго, я расскажу тебе историю.

Я сдаюсь — теперь бороться бесполезно.

— Спасибо, что так заботитесь обо мне, — говорю я, и мой голос смягчается от усталости. — Вы были невероятно добры всё это время, а я ещё ни разу не упомянула, как я благодарна за возможность разделить с вами это путешествие.

— Мне очень приятно заботиться о тебе, моё прекрасное создание. Ты заслуживаешь всей любви на свете, — говорит Эделайн, и я невольно вздрагиваю от её слов.

Её чай остывает, пока она смотрит на покрытый инеем еловый лес, где каждое дерево носит тяжёлую броню из снега и льда на своих иголках.

Я пью, пока чашка не пустеет.

Странное, всепоглощающее головокружение окутывает меня, словно туман.

— Мне вдруг захотелось спать, — говорю я, зевая.

— Иди сюда, моё прекрасное создание. Тебе не обязательно ложиться там.

Эделайн отодвигает поднос с чаем и позволяет мне опустить голову ей на колени.

— Что за историю вы хотели мне рассказать? — шепчу я, вдыхая знакомый аромат её духов.

— О, моя история тебе понравится! — усмехается Эделайн. — Она похожа на твою, только более... трагичная, — англичанка нежно гладит меня по волосам, убаюкивая каждым движением руки с опаловым кольцом.

— Что может быть трагичнее? — я поднимаю взгляд и внимательно смотрю на Эделайн, изучая крошечные морщинки, появляющиеся в уголках её глаз, когда она улыбается.

— Скоро ты погрузишься в глубокий, беспамятный сон, Марго. Пришло время рассказать тебе всё, — говорит она, переплетая свои пальцы с моими.

Моё сердце погружается в тёмную, бездонную пустоту. Я понимаю, что больше не могу пошевелиться. Парализованная, я пытаюсь заговорить, но слова застревают в горле, пока цепи ужаса сковывают моё тело.

— Не волнуйся, мой яд тебя не убьёт, он лишь помешает тебе избежать твоей участи, — шепчет Эделайн. — Это белладонна. Я подсыпала её в чай, но доза недостаточно большая, чтобы остановить твоё сердце.

Задыхаясь от ужаса, я извиваюсь в объятиях англичанки, не в силах издать ни звука.

Эделайн прижимает ухо к моей груди и смеётся.

— Ах, как оно бьётся! Какую сладкую музыку оно издаёт...

— Как вы могли, — я едва могу выдавить из себя эти слова, — как вы могли так со мной поступить? И с Анжеликой…

— Да. И с Анжеликой тоже, — отвечает англичанка с леденящей кровь улыбкой. — Ты боишься, Марго?

Голос Эделайн зловещим эхом отдаётся в моей голове. Я понимаю, что что-то изменилось. Теперь она говорит по-русски — на чистом, грамотном русском, с лёгким намёком на британский акцент. В ужасе я хочу закричать, но слова не успевают вырваться из моего рта, скреплённого её мимолётным поцелуем.

— Иногда мы причиняем боль тем, кто нам дорог, не желая этого, — продолжает Эделайн, и её губы касаются моего уха. — Возможно, в другое время, при других обстоятельствах всё было бы иначе, но мне нужно было получить всю необходимую информацию.

— Вам даже не нужен был переводчик! — шиплю я, и моё тело содрогается от боли. — Я знала, что вы последняя лгунья! О, почему я вообще вам поверила?

Я пытаюсь вырваться из её хватки, но сильные руки Эделайн удерживают меня, словно когти ястреба, вцепившегося в лёгкую добычу.

— Ты поверила мне, потому что была очень уязвимой, — говорит она. — Тебя было мучительно легко заманить — я лишь подарила тебе защиту и понимание, которых так жаждала твоя душа, и ты… отдалась мне. Я не лгала, когда сказала, что приехала в Санкт-Петербург ради тебя, Марго.

— Кто же прислал вас? — спрашиваю я сквозь пелену

густого тумана, затуманивающего мои чувства, когда яд проникает в кровь.

Тёмные глаза англичанки словно парят надо мной, и её взгляд кажется мне таким же пронзительным и страстным, как прошлой ночью, когда я безмятежно засыпала в её объятиях.

— Комитет обороны Британской империи поручил мне расследовать революционную деятельность в Санкт-Петербурге, — говорит она, ухмыляясь моим мучениям. — Михаил Лисов обладал ценной информацией, которую я могла получить только через его ближайшую подругу — тебя, Марго, — Эделайн делает паузу, чтобы вытереть мой горящий лоб платком.

— И почему ваше правительство так сильно заботит наша революция? — шепчу я, борясь с тьмой, окутывающей мой разум.

— Дело в том, что революции — угроза для всех империй. Моя работа — изучать и предотвращать их, — говорит англичанка. Её глаза сияют неприкрытой гордостью.

— Посмотрите, сколько жизней вы разрушили ради крупицы информации...

— Приготовься, моя дорогая, — перебивает она меня с ухмылкой. — Скоро ты услышишь о позорной смерти князя Михаила как предателя Родины. Не вини себя — ты ведь не могла знать, что я записывала всё, что ты мне рассказывала. Каждое слово. Я безупречно выполняю свою работу.

Моё сердце содрогается от боли, но я могу лишь безучастно смотреть на Эделайн. Её лицо кажется мне бледным и

безмятежным, словно блаженный образ мученицы с сияющим нимбом над головой.

— Прежде чем покончить с собой, София тоже сыграла важную роль в моей миссии, — продолжает англичанка, постукивая по крышке музыкальной шкатулки. — Я заставила тебя поверить в то, что Миша украл её дневник на балу у Анжелики, но это была я.

Вспомнив Зимний бал, я рычу сквозь слёзы, желая раздавить руки, которые всё ещё ласкают меня.

—Ах, Марго! Ты очаровательна, когда сопротивляешься, но не злись так сильно, — Эделайн смеётся над слезами, катящимися по моим щекам. — Мне *пришлось* подставить его — иначе ты бы не отдалась мне так охотно.

Я закрываю глаза, надеясь, что этот кошмар — всего лишь очередная галлюцинация, сон наяву, но, когда я их открываю, Эделайн всё ещё крепко держит меня и безжалостно улыбается, наслаждаясь моей болью.

— Помнишь бокал шампанского, который я вручила тебе перед тостом Анжелики? — спрашивает она, вытирая мои слёзы платком. — Я подмешала яд в напиток и обыскала твою сумочку, когда ты упала в обморок. Бедный Миша, он так переживал за тебя! Но ты повела себя как глупая, доверчивая девчонка и быстро попалась в мою тщательно продуманную ловушку, дав мне всё необходимое — и даже больше.

Эделайн проводит пальцами по моим волосам и улыбается, когда я вздрагиваю.

— После того, как я вернула тебя домой к Софии, я нанесла

Новикову короткий визит, притворившись скорбящей женой его покойной пациентки, — продолжает англичанка, наматывая мои локоны на свой длинный палец. — Чёрное платье, в котором я была на балу, произвело на него большое впечатление, и Новиков впустил меня, предложив утешение и рюмку водки. А затем я его убила, — смеётся Эделайн.

— Вы не смогли бы, — обессиленно шепчу я, глядя в тёмные пучины её беспощадных глаз.

— О да, я смогла, — говорит она и тянет меня за волосы до тех пор, пока я не начинаю задыхаться от боли. — Отравить его было ни с чем не сравнимым удовольствием! Куда бы я ни шла, я всегда ношу с собой немного белладонны — роковой красавицы леса. Это неуловимый яд, имитирующий сердечный приступ. Используя своё обаяние, я отвлекла Новикова и пролила смерть ему в стакан. Меня всегда удивляет, как ваши врачи пьют водку, говоря, что она полезна для души, когда она может остановить их сердце так же легко, как настойка корня мандрагоры.

— Вы чудовище, — хриплю я.

Холодная, бесстрастная улыбка Эделайн заставляет меня дрожать.

— Ах, дорогая, ты меня переоцениваешь! — говорит англичанка, наконец выпуская мои волосы из своих ловких пальцев. — С учётом той опасной работы, которую Новиков выполнял, мучая солдат своей сомнительной терапией, он бы так или иначе умер — я лишь помогла ему спокойно отправиться в ад.

Я чувствую, как кровь приливает к моему сердцу. Оно бьётся всё быстрее и быстрее с каждым её словом.

— Пока он корчился на полу, нелепый и беспомощный, — с нескрываемым удовольствием продолжает Эделайн, — я отыскала больше доказательств твоих революционных затей, чем когда-либо надеялась найти. Новиков не собирал информацию о тебе для Императора. Твой прекрасный ум очаровывал его, и он искренне хотел понять, что вызывает твои галлюцинации. Не волнуйся — я украла большую часть его исследований, так что ты никогда не узнаешь, что именно он обнаружил.

— Вы погубили и Софию, — шепчу я.

Англичанка прижимает палец к моим дрожащим губам.

— О, какой бы жестокой я ни была, это ты несёшь ответственность за её смерть, Марго. Я знала, что она побежит прямиком к Новикову, увидев тебя в моих объятиях. Твоя беспечность обрекла её на забвение. Я намеренно оставила некоторые улики — не сомневалась, что она их сожжёт, пополнив список своих преступлений. Ты можешь говорить о Софии что угодно, но она была верна тебе до самого конца. Я подставила её как главную подозреваемую в убийстве Новикова, и она благоразумно выбрала самоубийство вместо пожизненного заключения — но этого бы никогда не случилось, если бы ты не танцевала со мной на Зимнем балу.

Эделайн берёт письмо Софии и разрывает его в клочья.

— Бедная заблудшая душа! Пусть упокоится с миром!

Я пытаюсь протестовать, но из моих уст вырывается лишь слабый стон.

— О, я никогда не забуду, как легко ты доверилась мне, Марго! Я уже скучаю по твоей невинности, — размышляет вслух Эделайн. — Что касается прошлой ночи… Я играла роль, потому что хотела сделать тебя счастливой, зная, сколько испытаний ждёт тебя впереди. Ты должна понять, что я просто выполняла свою работу. Со мной или без меня, твоя судьба была предрешена. Поверь мне: там, куда тебя отправили, тебе понадобятся драгоценные воспоминания о тех счастливых днях, что мы провели вместе.

Англичанка обнимает меня за шею. Мне не хватает воздуха.

— Ах, чуть не забыла! — говорит она, заглядывая мне прямо в глаза. — Я отдала тебе Мишин билет. Хотела просто сдать тебя властям, но этот наглый юноша предпочёл твою безопасность своей жизни, поэтому мне пришлось изменить план, чтобы не вызвать лишних подозрений. Теперь ты тоже ответственна за его смерть, моя дорогая. Жаль, что князь не знал, куда на самом деле идёт этот поезд, иначе он бы не отпустил тебя.

— Куда же? — я из последних сил впиваюсь ногтями в её кожу.

— О, ты скоро узнаешь это место, — с леденящей душу нежностью отвечает Эделайн. — Помни: жизнь наказывает нас не за соучастие, а за стыд. Ты несёшь на своих плечах слишком много вины, Марго, и рано или поздно ты бы в ней

утонула. Считай это изгнание моим прощальным подарком вам с Анжеликой.

— Как вы могли? — повторяю я, изо всех сил стараясь не закрывать глаза. — Как вы могли заставить меня поверить в то, чего никогда не было? Все ваши чувства ко мне были ложью...

— Может быть, эта ложь была правдой — но лишь на мгновение. Помнишь, я говорила тебе, что тоже что-то потеряла? У меня не было выбора, Марго.

Англичанка смотрит на меня с той же теплотой и состраданием, которые я видела в её взгляде, когда мы танцевали на Зимнем балу. Слёзы снова текут по моим щекам, и она вытирает их, целуя меня в последний раз.

— Спи, моё прекрасное создание.

Не в силах больше сопротивляться действию яда, моё сознание растворяется во всепоглощающей тьме. В этой слепой, непроницаемой ночи я всё ещё вижу слабый проблеск сверкающего будущего, которое мне больше не принадлежит — все мои желания и мечты рассеиваются, как утренние звёзды. Неужели всё было напрасно?

Руки Эделайн ласкают меня сквозь этот ужасный сон. Она поёт колыбельную, и я льну к её голосу, но мелодия становится всё тише и тише, пока я совсем не перестаю её слышать. Каждый удар сердца уносит меня всё дальше от неё — женщины, которая предала моё доверие — женщины, которую я должна ненавидеть, но которой всё ещё восхищаюсь.

Эпилог

Мягкий покров серебристого тумана ласкает бесконечные петербургские шпили, увенчанные ангелами и звёздами.

Спеша в Исаакиевский собор, князь Лисов вспоминает горькое прощание с Ритой и Анжеликой.

«Услышала ли она меня? Знает ли она, что я пожелал ей добра?» — думает он, представляя лицо Риты, бледное от горя и потрясения. Крики Анжелики эхом отдаются в его сознании, словно далёкий звон соборных колоколов.

«Не скорби обо мне, мама. Не скорби обо мне!»

По давно знакомой лестнице князь поднимается на крышу Исаакиевского собора. Он показал Рите этот тайный путь много лет назад, когда они только познакомились. Она любовалась заледеневшей панорамой спящего города, а он восхищался детским благоговением в её глазах.

— Миша, ты сумасшедший! Не упади! — закричала Рита, видя, как он прыгает на гранитный край колоннады.

Князь с лёгкостью поднял её наверх, и через мгновение они уже стояли рядом, глядя на сверкающий Санкт-Петербург и

на все его заснеженные улицы, сотканные из сказок и грёз.

— Теперь тебе нужно вытянуть руки вот так, — сказал Миша, указывая на полузамёрзшие крылья бронзового ангела, стоявшего рядом с ними.

— Мы что, прыгнем? — спросила Рита, смеясь, когда ветер сам поднял ей руки.

— Нет, — с улыбкой, князь повернулся к ней. — Мы полетим! Сейчас или никогда!

Быстрее, чем Рита успела ответить, он приподнял её, и вместе они перелетели по самому краю колоннады от одного ангела к другому, пока в их ушах гудела метель.

— Однажды ты убьёшь нас обоих! — закричала Рита и рассмеялась, зажигая пламя радости в тихой северной ночи.

«Хотя я больше никогда не услышу её голос, я рад за Риту — ей будет лучше с мисс Дейз в Париже, чем здесь, со мной», ¬— думает Миша.

Далёкие выстрелы пробуждают его от грёз. Революция близко. Князь ускоряет шаг, стряхивая снежинки с непослушных волос.

Холодов уже ждёт его на крыше. Коричневая шуба и ушанка делают профессора физики похожим на медведя, вышедшего из дремучего сибирского леса.

— Молодец! — говорит Миша вместо приветствия. — Я почти не узнал тебя.

— Тсссс, — шипит Евгений, оглядываясь. — Разве мы не встречаемся тайком?

— Только у дураков есть секреты — мудрецы грешат

открыто, — Миша ухмыляется, любуясь застывшим пейзажем и терракотовыми отблесками заходящего солнца на окнах Зимнего дворца.

— Я думал, что больше тебя не увижу, — говорит Евгений, протягивая князю руки.

Миша ныряет в его объятия, и с минуту они стоят неподвижно, пока вокруг них свистит Северный ветер.

— Это в последний раз, — шепчет Миша. — Но ты и так никогда не думал, что мы долго продержимся, верно?

Слёзы текут по щетинистым щекам Холодова.

— Ты видел Риту? Она в безопасности? — спрашивает он, уткнувшись головой в плечо князя.

— Норд Экспресс отбыл по расписанию, — со вздохом отвечает Миша. — Она была там — я видел её с мисс Дейз.

— Хорошо. Анжелика пыталась тебя остановить?

— Пыталась, но охрана не позволила ей спрыгнуть с поезда.

Миша качает головой. Даже простая попытка представить себе мучения матери разрывает ему сердце.

— Не могу вообразить твою боль, — говорит Евгений, гладя волосы своего возлюбленного. — Остаётся лишь надеяться, что всё это скоро закончится.

— Я принёс всё, что обещал, — князь достаёт конверт из кармана и протягивает его Холодову. — Это истории болезни пациентов доктора Новикова. Они помогут нам свергнуть Императора, — объявляет он, и в его глазах пылает ярость.

— Что же дальше? — спрашивает Евгений, пряча конверт.

— Куда ты пойдёшь, любимый? Неужели нам действительно нужно расстаться?

— Да. И ты должен забыть меня, — голос Миши дрожит, слабея от оглушительного ветра.

— Ни за что не забуду, — Холодов вытирает слёзы краем Мишиного пальто. — И как я могу забыть того, кто сделал меня врагом Родины?

— Ты умеешь испортить момент, — смеётся Миша, но в его взгляде мелькает печаль. — Это я здесь враг, а ты всего лишь пешка в моих умелых руках.

Евгений всматривается в знакомый блеск его серых глаз, затуманенных слезами.

— Кажется, только вчера ты приходил ко мне в лабораторию, шептал что-то о свободе и говорил, что мы — сила, в которой нуждается эта страна, а теперь... — Холодов запинается, морщась от боли.

— Тебе не довести меня до слёз, Евгений. У меня аллергия на чувства, помнишь? — рычит князь, снимая очки.

— Ты подчинил меня себе, и я никогда об этом не пожалею, — шепчет Холодов, проводя большим пальцем по обветренным губам возлюбленного.

— Мы не можем. Больше нет, — Лисов отталкивает его руку.

— Они следят за нами? — настороженно спрашивает Евгений.

— Они всегда следят — и тебе лучше уйти, — говорит князь, вырываясь из его объятий. — Нам нужно положить

этому конец.

Прощай, Миша, — говорит Холодов, отступая на шаг. — Я обязан тебе своим рассудком в этом глубоко безумном мире. Да увидимся мы в более спокойное время!

Из-за статуй ангелов появляются четверо палачей. Евгений оборачивается, глядя на их сверкающие чёрные пистолеты. Из пустоты их неподвижных лиц, скрытых масками, раздаётся глубокий, хриплый голос.

«Князь Михаил Лисов, Верховный суд обвинил вас в государственной измене. За это непростительное преступление Император приговорил вас к смертной казни.

— Евгений, — шепчет Миша, — тебе лучше закрыть глаза.

Холодов пытается заслонить своего возлюбленного, но Миша останавливает его взмахом руки.

— Я умру достойной смертью, — говорит он.

Евгений падает на колени, наблюдая, как палачи окружают Мишу, поднявшегося на край колоннады. Ветер развевает волосы князя, сияющие золотом в последних лучах солнца.

Наконец, один из палачей выходит вперёд.

«Князь Лисов, вы имеете право сказать последнее слово перед исполнением приговора», — раздаётся голос из-за чёрной маски.

— Как великодушно с вашей стороны, господа! — ухмыляется Миша, расстёгивая рубашку. — Вот моё последнее слово: Россия будет свободна. Свободна от коррупции. Свободна от войны. Свободна от вашего проклятого императора! А теперь убейте меня, трусы! — он указывает на

свою грудь. — Можете остановить моё сердце, но революцию вы не остановите!

Миша разводит руками, представляя Риту, стоящую рядом с ним. «Она бы не дрогнула. Она бы проявила храбрость. Рита всегда была храбрее меня», — думает он.

На мгновение Миша чувствует, как её рука касается его плеча.

«Сейчас или никогда», — шепчет он.

Палачи спускают курки. Две чайки взлетают с крыши собора под звуки выстрелов, и мир затихает, омрачённый тенью смерти.

Поражённый четырьмя пулями, Миша спотыкается и падает, воздевая руки к бескрайнему алому небу. На его губах играет лёгкая улыбка.

«Я лечу», — думает он. — «Наконец-то я испытал вкус свободы!»

— Миша! — с пронзительным, отчаянным криком Евгений бросается к краю колоннады и видит безжизненное тело князя на залитом кровью снегу. Руки Миши, всё ещё тянущиеся к чему-то, покоятся на ледяной булыжной мостовой, а на его груди распускаются багровые цветы, окрашивая белый шёлк расстёгнутой рубашки. Князь открывает рот в последнем вздохе.

«Какая свобода — ты даже не представляешь, какая это свобода!» — думает он, глядя на далёкое лицо своего возлюбленного. — «Если бы я только мог показать это Рите! О, Смерть, какая ты тёплая, какая добрая и всепрощающая!»

Миша улыбается, и Северный Ветер поднимает его — всё выше и выше, пока он не сливается с оранжевой дымкой заходящего солнца.

Холодов замирает от потрясения, и его ногти тщетно царапают холодный мрамор. Ангелы-хранители колоннады склоняют головы в молитве. Он наблюдает, как печаль и сожаление омывают их каменные лица, потемневшие от горя.

«Почему ты не смог защитить его?» — шепчет Евгений. — «О Боже, почему ты не смог спасти единственную душу, которую я когда-либо любил!»

Холодов слышит тяжёлый топот сапог палача, приближающегося сзади. Инстинктивно он тянется к конверту, спрятанному в кармане шубы.

— Благодарю за службу, — с этими словами палач выхватывает бумаги из дрожащих рук Евгения и похлопывает его по плечу. — Императору нужно больше таких людей, как вы.

14 января

Резкая остановка поезда будит Маргариту. С ужасом она понимает, что осталась одна в пустом купе. Всё исчезло, кроме бордового плаща, который Эделайн накинула на её бесчувственное тело перед уходом.

Память девушки постепенно возвращается: она вспоминает холодный, переполненный вокзал, слёзы Анжелики, зловещую улыбку англичанки и роковую белладонну, спрятанную в её опаловом кольце.

«Прощай, моё прекрасное создание!»

Вздрогнув, Маргарита вскакивает с места. Её голова всё ещё кружится от яда.

— Выпустите меня отсюда! — кричит она, пытаясь открыть дверь.

С той стороны её встречает бесстрастный голос тюремщика:

«Маргарита Градова, именем Императора, вы приговорены к десяти годам каторги за распространение антиимперских идей среди студентов Санкт-Петербургского государственного университета. Вы имеете право хранить молчание».

«Десять лет»! — с отчаянием думает Маргарита. — «*Десять лет* за разговоры о свободе!»

— Это, должно быть, ошибка! Пожалуйста, выпустите

меня! — умоляет она, но никто не отвечает на её крики. Девушка кружит по купе, теребя руками спутанные волосы.

— Должно быть, это сон, — повторяет она, глядя в заледеневшее окно.

На платформе незнакомой станции, словно призрак, стоит женщина в полупрозрачном белом платье. Маргарита узнаёт её лицо, скрытое вуалью. Оно нежнее бархата и бледнее снега. Пристальный мрачный взгляд женщины притягивает её, пожирая остатки здравомыслия в её измученной душе.

— Эделайн, — шепчет Маргарита, прижимая руку к холодному стеклу.

Ещё один поезд проносится мимо, и видение испаряется — призрак исчезает, унесённый северным ветром.

Маргарита чувствует внезапный толчок. Колёса начинают вращаться с протяжным, душераздирающим воем, и она понимает, что её поезд идёт на восток — обратно в Сибирь.

— КОНЕЦ РАСШИФРОВКИ —

21 февраля 1905 года
Париж, Франция

Комитету обороны Британской империи:

Отправляю вам полную расшифровку моих разговоров с М.Г., а также письма и дневниковые записи, имеющие отношение к расследованию. Я скопировала их, сохраняя хронологию событий.

Всегда к вашим услугам,
— Э.Д.

Эделайн заканчивает письмо и встаёт из-за старинного стола красного дерева.

— Готово, — подытоживает она, проводя пальцами по последней странице рукописи. Как всегда, ни одна деталь не была упущена.

С облегчением потянувшись, Эделайн разворачивается к бутылке Шардоне, стоящей на мраморном камине. Когда часы бьют полночь, она поднимает свой бокал.

За окном завывает ветер, и англичанка смотрит вдаль, вдыхая хрустящую свежесть зимней ночи. Заворожённая великолепным видом Эйфелевой башни, мерцающей в лунном свете, она накидывает на плечи сиреневую шаль.

После долгих недель, проведённых в холодном, враждебном Санкт-Петербурге, Эделайн ожидала, что будет вдвойне наслаждаться свободным французским воздухом, но вместо этого она скучает по далёкому звону Исаакиевского собора и узорчатому льду Невы.

Англичанка заводит музыкальную шкатулку Маргариты и закрывает глаза, растворяясь в мечтательной мелодии.

— Как непрофессионально, — шепчет она. — Подумать только — я стала сентиментальной воровкой!

Эделайн вспоминает Петербург как далёкий сон — так же, как помнит все свои миссии, — но на этот раз что-то изменилось.

«Что же?» — думает она, наклоняя голову в ритме вальса. Неведомое ранее чувство вины терзает её сердце. Мелодия обрывается на середине и затихает, словно недосказанная история, ожидающая продолжения.

— Не сердись, Марго, — шепчет Эделайн. — Помни: ничто не вечно, особенно эта проклятая зима.

Словно опровергая слова англичанки, сильный порыв ветра распахивает окно, и страницы её рукописи разлетаются в разные стороны, кружась, словно снежинки в метели. Она сыплет проклятиями, ловя несколько листов за секунды до того, как они исчезают в огненной пасти камина.

Эделайн захлопывает окно, но потусторонняя песня продолжает звенеть в её ушах, словно древняя молитва:

«Я вернусь!» — шепчет Северный Ветер. — «Я обязательно вернусь!»

* * *

Санкт-Петербург — ты город мертвецов,
Где дремлют призраки за утренним туманом.
Твой флот сильней серебряных оков,
Но коронован ты рубиновым обманом.

Пусть ангелы хранят твою обитель
От боли и страдания войны...
Возрадуйся, о северный правитель,
На лживом троне восседаешь ты!

На тонком льду кружится балерина
В лазурном платье Зимнего Дворца,
Одна ошибка — и она погибла,
Пронзая пылкой красотой сердца.

Пусть новые распустятся цветы
в суровом царстве вечной мерзлоты!

Благодарность

Дорогие читатели, я безмерно благодарна вам за то, что вы присоединились к Маргарите в её путешествии. Надеюсь, вы понимаете, что это не конец — Северный Ветер вернётся с продолжением её истории.

Я благодарю Гая Аллена за то, что он сделал эту книгу возможной: без его постоянного руководства и поддержки «Рассвет Вечной Зимы» так и остался бы смутной идеей где-то в глубине моего сознания. Каждому писателю, независимо от того, начинает он писать или публикует свой десятый роман, нужен кто-то, кто в него верит, и для меня таким человеком стал он.

Я также благодарю Кристину Мальцеву за великолепный дизайн обложки, который полностью передаёт дух Маргариты. Я всегда мечтала увидеть на обложке Исаакиевский собор на рассвете, и художественная страсть Кристины помогла моей идее засиять.

Курс Лорел Уотерман «Редактирование: принципы и

практика» полностью изменил мой подход к написанию и редактированию текста. Работая с другими писателями и редакторами, я поняла, что творческий процесс требует поддерживающего и мудрого наставника. Я безмерно благодарна Лорел за всю её усердную работу. Именно она помогла мне стать той писательницей, которой я являюсь сегодня.

Доктор Кейт Холланд и её исследовательский проект «Цифровой Достоевский» вдохновили меня во многих отношениях. Летом 2022 года я провела кодирование романа Фёдора Достоевского «Подросток» с помощью XML и TEI, и этот опыт дал мне необходимую точность для совершенствования собственной работы. Я также благодарю доктора Холланд за то, что она видела красоту русской литературы и культуры даже после ужасающего вторжения России в Украину 24 февраля 2022 года. В мрачные месяцы после вторжения, когда мне хотелось стереть всё своё русское наследие, доктор Холланд и её проект помогли мне понять важность написания романа с точки зрения моей героини. Так Маргарита стала эпицентром бури — человеком, способным наблюдать за хаосом авторитарного режима изнутри и открыто говорить о нём в период величайшего бедствия.

Кристина и Малу — спасибо вам за вашу дружбу, доброту, щедрость и поддержку, которые позволили мне завершить эту рукопись. Даже когда мне приходилось изолироваться от мира, вы оставались моими маяками света и надежды.

Мама, Папа, Оля — хотя нас разделяет океан, я чувствовала ваше присутствие, когда писала. Я перевела этот роман прежде всего для вас и благодаря вам.

Любимая бабушка, ты ушла из жизни в феврале 2023 года, и твоя душа направляла меня, когда я готовила эту рукопись к публикации. Твоя доброта — мой свет в самые тёмные ночи. Спасибо за твою безусловную любовь и поддержку. Я всегда буду бережно хранить память о тебе.

Об Авторе:

Вероника Сизова — двуязычная писательница, родившаяся в Екатеринбурге. Её творческая карьера началась в 2016 году с публикации сборника стихов и рассказов «Дверь в Вечность» на русском языке.

В 2021 году Вероника переехала в Канаду, чтобы изучать английскую литературу и профессиональное письмо в Университете Торонто. В её планах — работа в области гуманитарных наук и продолжение писательского пути.

С портфолио творческих работ Вероники (стихи, рассказы, литературная и кинокритика) на русском и английском языках можно ознакомиться на её сайте *The Waves of Poetry* (www.thewavesofpoetry.com).